

Д. А. РЕДИН

ЭТЮДЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

(административный и социальный аспекты)

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Д. А. РЕДИН

ЭТЮДЫ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ
НОВОГО ВРЕМЕНИ
(административный и социальный аспекты)

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2019

УДК 94(470)
ББК ТЗ(2)5
Р331

Рецензенты:

И. В. Курукин, доктор исторических наук, доцент, профессор
кафедры истории России Средневековья и Нового времени
Историко-архивного института Российского государственного
гуманитарного университета (Москва);

Д. О. Серов, доктор исторических наук, доцент, заведующий
кафедрой теории и истории государства и права Новосибирского
государственного университета экономики и управления

Редин, Д. А.

Р331 Этюды по русской истории Нового времени (административный
и социальный аспекты) / Д. А. Редин. — Екатеринбург : Изд-во Урал.
ун-та, 2019. — 284 с.

ISBN 978-5-7996-2566-5

DOI 10.15826/B978-5-7996-2566-5

В книге представлены сюжеты по различным проблемам административной и социальной истории России. Хронологическое ядро составляют материалы XVIII в. Рассмотрены вопросы организации транспортного сообщения в Сибири; административные проблемы, связанные с введением в России подушной подати; осмысление людьми начала XVIII в. понятия «взятка» и его вербального маркирования; отношение к восстанию Е. И. Пугачева населения горно-металлургических заводов Урала.

Основанная на широком круге архивных источников, книга рассчитана на историков-профессионалов и всех, интересующихся русской историей означенной эпохи.

УДК 94(470)

ББК ТЗ(2)5

На обложке:

Я. В. Васильев, М. И. Махаев. Проспект вниз по Неве от Невского моста
между Исаакиевской церковью и корпусом кадетским. Гравюра. 1749–1750

ISBN 978-5-7996-2566-5

© Редин Д. А., 2019

© Уральский федеральный университет, 2019

Оглавление

Предисловие	5
Этюд 1. Транспортные коммуникации Сибири в конце XVI – XVIII в.	11
1.1. Не дороги, а направления: природные коммуникации Сибири	13
1.2. Оптимизация геометрии трасс	22
1.3. Формирование и развитие транспортной инфраструктуры	26
Этюд 2. Податная реформа Петра Великого: нормативно-законодательное обеспечение и административное сопровождение	41
2.1. Армия — налоги — управление	43
2.2. Как содержать регулярную армию?	47
2.3. Податная реформа и реформа местного управления: попытки соотнесения административных аппаратов	68
2.4. Что-то пошло не так: переписные канцелярии и проблема распределения полков по провинциям	78
2.5. На зимние квартиры?	103
2.6. Полковой двор и его обитатели, или Кто собирал подушную подать?	110
2.7. Административный коллапс	119
2.8. Тяжелая ликвидация последствий	130

Этюд 3. Что такое взятка?**Частные вознаграждения должностных лиц****в речевом обиходе Петровской эпохи.....137**

3.1. О чем говорят слова?.....139

3.2. Группа терминов нейтральной аксиологии.....143

3.3. Группа терминов негативной аксиологии.....161

3.4. Так что такое взятка? Общественная дискуссия о ее сути.....187

Этюд 4. Социальный выбор в экстремальной ситуации:**восстание Е. И. Пугачева в горнозаводских центрах Урала****осенью 1773 — летом 1774 г.....203**

4.1. Пугачевское восстание в историографических флуктуациях.....205

4.2. Заводы Южного Урала и тактика местных властей
в организации их обороны (октябрь 1773 — январь 1774 г.)...2104.3. Стратегический план обороны заводов Среднего Урала
и Прикамья: западный фланг (Юговские казенные заводы,
декабрь 1773 — март 1774 г.).....2264.4. Стратегический план обороны заводов Среднего Урала
и Прикамья: восточный фланг
(Екатеринбург, декабрь 1773 — март 1774 г.).....2424.5. Социальные характеристики сторонников и противников
Пугачева на уральских заводах.....254**Список использованных источников и литературы.....267****Сокращения.....280**

Предисловие

ДЕЯ этой книги вынашивалась долго. Работая над различными аспектами русской истории XVIII в., я накопил несколько текстов, которые, будучи слишком объемными для статьи, в то же время по отдельности недотягивали до книги. Собственно говоря, все они мыслились главами более крупных трудов, которые в силу тех или иных причин так и не вышли в свет. Между тем, каждый из написанных сюжетов имел вполне законченный вид и, на взгляд автора, мог быть представлен на суд читающей публики. В конечном итоге я решил объединить их под одной обложкой и представить в виде отдельной книги, дав им жанровое определение этюдов.

Этюд — понятие, имеющее в культурной традиции различные смысловые оттенки в зависимости от того, в какой сфере творчества (музыке, литературе или изобразительном искусстве) оно используется. Определяя свое сочинение как этюды, я следовал пониманию слова, бытующему в живописи. Для художника этюд имеет двойное значение. С одной стороны, это некий подготовительный материал для более крупного полотна, дающий возможность впоследствии без повторного обращения к натуре создать большую композицию. Этюд позволяет более глубоко и полно, в необходимых деталях изучить предмет, принципы его построения и моделировки. С другой стороны, этюд — сам по себе вполне законченная вещь, и это отличает его от других подготовительных материалов вроде эскизов и набросков.

Вполне способный стать самостоятельным объектом экспонирования, этюд, вкупе с другими, принадлежащими одному автору, дает представление об авторских интересах, манере письма, философских и эстетических воззрениях, творческой эволюции, не менее полное, чем большие полотна. Все эти черты, или свойства этюда показали мне вполне приложимы и к текстам подобного рода.

Хронологическое ядро предлагаемых этюдов — XVIII в., а география представленных в них сюжетов дана в двух срезах: общественном и региональном или даже надрегиональном, если иметь в виду Сибирь как мегарегион. Тематика текстов отражает два давних моих пристрастия: к истории власти и к социальной истории.

Разумеется, разделение этих предметных полей весьма условно. Широта понятия «социальная история» поглощает все, «что в исторической науке считается... нужным и прогрессивным», как не без иронии писал еще в конце 1960-х гг. немецкий историк Ханс Розенберг¹, историю власти в том числе. Особенно если под историей власти понимать не столько историю юридических норм и административных структур, сколько историю людей власти и их действия по реализации властных полномочий, политической воли, презентации себя как носителей или представителей власти и т. п., а именно это всегда интересовало меня больше всего, даже если я по совершенно неизбежной необходимости реконструировал историю вполне формализованных властных институций.

В то же время какие-то границы, разделяющие области исследования при всей их близости, существуют, пусть даже в наших головах. Так, мы все-таки отделяем антропологически ориентированный подход к изучению той же истории власти от, например, историко-юридических методов, использование которых смещает угол зрения и побуждает говорить скорее о другом — об истории госуправления или истории госучреждений. Различные исследовательские приемы, применяемые к одному и тому же предмету, задают тематические

¹ Rosenberg H. Deutsche Agrargeschichte in alter und neuer Sicht // Rosenberg H. Probleme der deutschen Sozialgeschichte. Frankfurt a/M., 1969. S. 147. Цит. по: Задеп Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 163.

разграничения, безусловно полезные настолько, насколько они упорядочивают наши представления о мире, придают им системность. И одновременно, не будучи абсолютизированы, эти приемы демонстрируют способность к взаимодополняемости, что делает небезнадежными наши стремления к меж- и полидисциплинарным штудиям и вновь придает картине мира свойственную ей широту и системную взаимосвязанность.

Именно этот диалектический парадокс сочетаемости широты и ограниченности (предметной и понятийной) позволил придать «Этюдам» определенную смысловую целостность, а книге — монографический характер, если понимать под монографией «научный труд, углубленно разрабатывающий одну тему, ограниченный круг вопросов»². В сущности, она действительно посвящена одной теме: как русские люди XVIII в. осваивали среду — географическую, ментальную, административную, социальную, адаптировались к ней и отвечали на ее вызовы. Тем не менее, «взболтать, но не смешивать»: каждый этюд самостоятелен и сюжетно обособлен.

Первоначально я намеревался ограничиться тремя этюдами, написанными в разное время и имеющими разную судьбу. Один из них, посвященный изучению административных аспектов реализации подушной реформы Петра I, был написан мною в 2013 г. в рамках одного проекта, целью которого было всестороннее исследование эволюции налоговой политики в России конца XVII — первой половины XVIII в., а финалом предполагалась большая коллективная монография. Однако ситуация краткосрочного планирования, диктуемая практикой «грантового рабства» и определяющая сегодняшнее бытие отечественной науки, привела к тому, что проект закончился, а книга не успела «вызреть» и в конечном итоге не состоялась. Участники, и я в том числе³, честно выполнили долг перед грантодателем, опубликовав выдержки из своих глав в виде отдельных ста-

² Современный словарь иностранных слов. М., 1992. С. 392.

³ Приблизительно третья часть от общего текста вышла под названием: *Редин Д.* Канцелярии сбора подушных денег: статус и место в административной системе России первой трети XVIII в. // *Cahiers du Monde russe*. 2014. № 55/1–2 (Jan.-Juin 2014). P. 51–69.

тей в пресловутых рецензируемых и высокорейтинговых журналах, удовлетворив тем самым на некоторое время прожорливую утробу наукометрии — этого современного Кроноса, пожирающего своих безропотных детей. Впоследствии и другие мелкие фрагменты этого текста использовались мною в некоторых других изданиях, но мысль опубликовать его целостно, таким, каким он задумывался изначально, представилась мне не лишенной смысла, что я и делаю в этой книге, поместив названное сочинение в качестве второго этюда. Таким образом, в своем первоначальном виде и объеме это сочинение предстает перед читателем впервые.

Второй текст также писался для книги, был завершен в 2017 г. и не публиковался ни в целом, ни по частям. Большое исследование, посвященное изучению феномена взятки, а точнее — эволюции и криминализации древних и вечных практик дарообмена и дани в условиях формирующегося государства модерна, стало побудительным мотивом для проведения контент-анализа слов, маркировавших в русском обществе конца XVII — первой трети XVIII в. различные частные формы материального вознаграждения должностных лиц. Собранный, систематизированный и проанализированный материал, показавший, насколько трудно формировалось понятие о взятке как криминальной разновидности подобных вознаграждений, получил вполне законченный и самостоятельный вид. Не отказываясь от его включения в качестве главы в отдельную монографию, которую я все-таки надеюсь завершить вместе с моим коллегой Д. О. Серовым, я следую давней и подзабытой ныне традиции, принятой в отечественной дореволюционной историографии, — предварительной публикации отдельных частей будущего крупного труда. В настоящей книге этот сюжет получил наименование «этюд 3».

Самый ранний из предлагаемых этюдов — четвертый. Его исходный текст был написан еще в середине 1990-х гг. и входил в состав нескольких глав моей кандидатской диссертации, посвященной истории взаимоотношений верховной власти, владельцев горно-металлургических заводов и их рабочих разных категорий во второй половине XVIII в. Защитив диссертацию в 1995 г., я намеревался издать на ее основе книгу, но то не было денег, то не хватало вре-

мени для подготовки издания — затея не состоялась. Между тем, собранный материал был интересным, а по подаче — весьма свежим (да простит меня читатель за самонадеянность). Среди прочего, в нем затрагивалась тема отношения к восстанию Е. И. Пугачева населения уральских заводов. При всем обилии научной литературы по истории Крестьянской войны 1773–1775 гг., ее ход в горнозаводских районах не был предметом целостного специального рассмотрения, а позиции заводских жителей — очень разные, участие значительного их числа в рядах противников восстания, действия горной администрации по организации обороны заводов от пугачевцев, а самое главное, осмысление причин, побудивших многих заводчан к активной поддержке правительственных сил, не подвергались сколько-нибудь удовлетворительному анализу ввиду идеологизированности темы. Обилие новых и обобщение изданных источников на эту тему, а также общий дух ревизионизма (все-таки созидательного, на мой взгляд), витавший в перестроечную и постперестроечную эпоху, позволили взглянуть на все эти вещи по-новому. Но сменившиеся историографические приоритеты 2000-х и последующих лет (в том числе и у меня) охладили интерес к Пугачевщине как таковой. Лишь слабый, но устойчивый бриз последнего времени, наполнивший старые паруса этой темы новым ветром, заставил вспомнить о давней работе. Перечитав ее, я подумал, что основные выводы, сделанные мною 20 с лишним лет назад, не потеряли своего смысла, и вещь можно наконец опубликовать. Естественно, текст пришлось перемонтировать, освежить историографию, несколько осовременить тезаурус и методологические основания. Возможно, он покажется кому-то небезынтересным, тем более что также публикуется впервые.

Когда структура книги сложилась и работа пошла вперед, я вспомнил еще об одном сюжете. В 2011 г. по заказу редколлегии планировавшегося нового издания «История Сибири» я написал раздел о транспортных коммуникациях в регионе конца XVI – XVIII в. Работа, как водится, была очень срочной. Прошло семь лет, и перспектива издания этого многотомного труда потерялась в неизвестности. В 2012 г. мой раздел был напечатан в виде статьи в сборнике «Вопросы истории

Сибири в Новое время» тиражом в 100 экземпляров⁴. По некотором размышлении мне подумалось, что этот текст не будет большим грехом включить в новую книгу, поскольку он едва ли знаком кому-либо, кроме авторов упомянутого сборника. Так к трем не публиковавшимся ранее этюдам добавился четвертый, который в силу своей нижней хронологической границы стал первым по порядку.

Геометрия учит, что три точки определяют плоскость; магия числа «три» очаровывает. С добавлением четвертого этюда книга «оквадрилась»; но, потеряв в изяществе, быть может, она приобрела в устойчивости? А если серьезно, то дело, конечно, не в числах и формах. Я работал над текстами с удовольствием — и по отдельности, и когда редактировал их для издания под одной обложкой, стремясь, чтобы они получились интересными и содержательными. Хочется надеяться, что эта книга найдет своего читателя и окажется небесполезной.

В завершение по доброй традиции я приношу свою искреннюю благодарность моим коллегам и друзьям, которые вдохновляли меня на написание этих текстов в разное время, помогали советом и делом, поддерживали в пору сомнений: А. И. Алексееву, В. И. Байдину, А. В. Жуковской, А. Б. Каменскому, С. М. Каштанову, А. И. Комиссаренко, Е. С. Корчминой, П. И. Мангилеву, Р. Г. Пихое, Д. О. Серову, И. И. Федюкину, А. Х. Элрту, к сожалению, уже ушедшим от нас А. Т. Шашкову и С. О. Шмидту и, конечно же, Д. В. Бугрову, без деятельной помощи которого эта книга гораздо труднее появилась бы на свет.

Я посвящаю свои «Этюды» моему другу, талантливому и обладающему тонким профессиональным чутьем историка Андрею Полетаеву, вместе с которым мы постигали начала ремесла.

*Екатеринбург,
14 января 2019 г.*

⁴ Редин Д. А. Транспортные коммуникации Сибири в конце XVI–XVIII в. // Проблемы истории Сибири в Новое время : сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. А. Х. Элрт. Новосибирск, 2012. С. 9–28.

Этюд 1

ТРАНСПОРТНЫЕ КОММУНИКАЦИИ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – XVIII в.

1.1. Не дороги, а направления: природные коммуникации Сибири

оммуникации (в широком смысле слова) как системы прямых и обратных связей в информационном обмене — основа существования общества. Особенно это очевидно сегодня, когда такие понятия как информационные ресурсы, информационные технологии, информационные войны и т. п. стали достоянием не только большой политики, бизнеса и межгосударственных отношений, но и повседневных практик современного человека. Нашу эпоху часто определяют не только как постиндустриальную, но и как информационную, а фраза «Кто владеет информацией, тот владеет всем» стала аксиомой и наполнилась совсем не метафорическим смыслом. Скорость передачи информации преобразует историческое время, задает бешеный темп жизни. В этом смысле вспоминается сформулированное географом Джанеле понятие пространственно-временной конвергенции, описывающее феномен «сжатия времени», необходимый для преодоления расстояний вследствие усовершенствования транспортных систем. Сегодня средства передачи информации — коммуникационные системы — перестали сводиться только к транспортным и превзошли в своем многообразии и совершенстве самые смелые прогнозы вчерашних фантастов.

Для европейской истории проблема коммуникаций — одна из ключевых проблем перехода от Средневековья к Новому времени. В эпоху формирования крупных национальных государств

и протяженных империй (как на самом Европейском субконтиненте, так и за его пределами), пришедших на смену государствам-сеньориям, становится крайне актуальной борьба за *расширяющееся пространство* и с *расширяющимся пространством*. Для правителей этих государств управление расширяющимся пространством, которое, помимо прочего, включало в себя территории, различные по природно-климатическим, этническим, демографическим, конфессиональным признакам, традициям управления, общественного устройства и формам хозяйствования, состояние транспортных коммуникаций становилось жизненно важным условием консолидации власти. Состояние дорог, геометрия трасс, технический уровень транспорта оказывались не только средствами переброски материальных ресурсов, но и средствами передачи управленческих решений, средствами контроля и доминирования над пространством, в конечном итоге — стратегическим инструментом в достижении устойчивого развития.

Россия традиционно считалась самой уязвимой в этом смысле монархией христианского мира. Отвратительное состояние дорог и транспорта, помноженное на колоссальное пространство, стало одним из стереотипных образов страны, ее национальной бедой (вспомним апокрифическую фразу, приписываемую Н. Карамзину, о двух бедах России). Тем не менее, начиная с исследований Ф. Броделя и П. Шоню и заканчивая современными трудами Б. Дэвиса, Н. Ш. Коллманн, В. Кивельсон, А. Каппелера, С. Шаттенберг и др., высказывалось мнение о типологическом сходстве в развитии государств и обществ на Западе и Востоке Европы, которое проявляется на документальном материале периода раннего Нового времени. Это общее заключалось в сходных задачах, стоявших перед европейскими государствами предмодерной эпохи; плохие коммуникации, нехватка квалифицированных чиновников, информационных и материальных ресурсов — вот проблемы, которые мучили и «правителей Московии», и «их европейских двойников» (Н. Ш. Коллманн). С поразительной синхронностью, хотя и с разной степенью интенсивности в европейских странах шли поиски выхода из кризиса конца XVI — первой половины XVII в., что нашло конкретное проявление в активном реформировании государ-

ственных и общественных институтов и формулировании секулярных концепций, светской идеологии развития.

Расширение государственного пространства России, по темпам и результатам, пожалуй, превосходившее другие европейские аналоги, происходило за счет продвижения на восток, в пространства, бывшие по своей протяженности и природно-климатическим условиям очень сложными для организации постоянного контроля со стороны центра¹. И эта сложность едва ли не в первую очередь была связана с отсутствием сколько-нибудь устойчивой транспортной системы. Особенно очевидным это стало тогда, когда волны русской колонизации перевалили Уральский хребет и столкнулись с необходимостью распространения по бескрайним просторам Северной Азии.

Экспедиция Ермака положила начало интенсивному строительству русских опорных пунктов в новых землях, истинные размеры которых, естественно, еще никто тогда не представлял. В 1585 г., уже на следующий год после гибели легендарного атамана, в Обь-Иртыше появился первый русский городок в Сибири — Обской, или Мансуровский (по имени воеводы И. А. Мансурова), в районе будущего с. Самарова (ныне — в черте современного Ханты-Мансийска). Следом один за другим на территории Западной Сибири были построены Тюмень (1586), Тобольск (1587), Березов (1593), Сургут и Тара (1594), Обдорск (1596), Нарым (1598), заложившие прочный фундамент дальнейшего продвижения на восток. Используя остроги на Иртыше, в Среднем и Нижнем Приобье, созданные вскоре после разгрома Сибирского ханства присланными из Москвы воеводами, служилыми людьми из поморских и приуральских городов при участии ермаковых казаков, русские двинулись вглубь континента². В 1600–1610-е гг. они основали важнейшие базы в вер-

¹ Уже к началу 1530-х гг. площадь Российского государства (Великого княжества Московского) достигла 2,5 млн км² и в пять раз превосходила территорию современного ей Французского королевства // История Европы : в 8 т. М., 1993. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). С. 118.

² Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. 336 с., ил. ; Очерки истории Югры / отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000. С. 119–133 ; Березово : (Очерки истории с древности до наших дней) / отв. ред.

ховьях Оби (Томск, 1604), на морском побережье в устье р. Таз (Мангазея, 1601), в Обско-Енисейском междуречье (Кетский и Маковский остроги, 1602 и 1618 соответственно) и в верховьях Енисея (Енисейск, 1619).

Это было началом эпохи великих экспедиций, результатом которых стало открытие и включение в сферу влияния Русского государства огромных областей, целых стран, сопоставимых с Перу и Мексикой в Новой Испании или с гигантской французской Луизианой в междуречье Миссури и Миссисипи в Северной Америке. В этом ряду достаточно будет вспомнить хотя бы наиболее известные: походы отрядов П. Бекетова, открывшего в конце 1620-х — начале 1630-х гг. бескрайние просторы Ленского бассейна (в среднем и нижнем течении и по крупным притокам — Вилюю, Алдану и Олёкме) и Верхней Шилки в Забайкалье, основавшего несколько острогов на новых территориях, среди которых — донныне существующие Жиганск (1632) и Олёкминск (1636). Это трехлетнее путешествие В. Пояркова (1643–1646), результатами которого стали открытие Приамурья, исследование бассейна Зеи и описание юго-западного побережья Охотского моря. Это плавание С. Дежнёва (1648) из устья Колымы в моря Ледовитого и Тихого океанов, открывшее морской ход между Азией и Америкой и установившее кратчайший путь из Колымы на Анадырь и Чукотку. Это экспедиции Е. Хабарова (1649–1650 и 1651–1653), покорителя Даурии, продолжателя В. Пояркова в исследовании Приамурья. Наконец, это деятельность В. Атласова, «камчатского Ермака» (по определению А. С. Пушкина), открывшего и описавшего Камчатку и Курильские острова в 1697–1699 гг.³

Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008. С. 63–66; *Никитин Н. И.* Соратники Ермака после «Сибирского взятия» // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2000. С. 51–87.

³ Подробнее о процессе первоначального освоения Сибири и Дальнего Востока см.: *Каманин Л. Г.* Первые исследователи Дальнего Востока. М., 1946. 84 с.; *Русские мореплаватели.* М., 1953. 671 с.; *Александров В. А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. 240 с.; *Лебедев Д. М., Есаков В. А.* Русские географические открытия и исследования до 1917 г. М., 1971. 516 с., ил.; *Fisher R.* The Voyage of Semen Dezhnev in 1648: Bering's Presursor. With selected documents. L., 1983. 340 p.; *Дёмин Л. М.* Семён Дежнёв. М., 1990. 334 с.; *Леонтьева Г. А.* Землепроходец Ерофей

Среди разнообразной информации, получаемой в результате продвижения вглубь Сибири, первейшее значение имели известия о путях сообщения. «Распросные речи» и «скаски» землепроходцев, фиксируемые воеводами сибирских городов и острогов и пересылаемые в Москву, неизменно содержали сведения о сухопутных и речных путях, о волоках между реками, о времени, необходимом для преодоления тех или иных расстояний. Уже в середине XVII в. русские имели представление о практически всех крупных реках Северной Азии, о труднопроходимых участках и порогах. Разведывание территорий в Забайкалье и Приамурье, выход землепроходцев в Приморье позволили наконец открыть «короткие» пути в Китай, так долго и тщетно разыскиваемые европейцами в разных частях света. Первое путешествие через Сибирь в эту загадочную страну совершил томский казак И. Петелин в 1618 г. Результатом его экспедиции стало не только словесное описание, но «чертеж и роспись про китайскую область» — первый опыт картографирования сибирского маршрута в Китай⁴. Вообще надо заметить, что картографирование, создание чертежей, это первейшее условие для последующего формирования системы транспортных коммуникаций, широко практиковалось русскими землепроходцами XVII в. В этом ряду важнейшее значение имели чертежи бассейна Анадыря, составленные по распоряжению С. Дежнёва в 1655 г.; северной части Охотского моря, выполненные в ходе экспедиции М. Стадухина в 1657 г.; Верхней Лены, Байкала и ряда районов Восточной Сибири, сделанные К. Ивановым, и многие другие⁵. Одновременно с появлением локальных чертежей по инициативе московских властей началась работа по созданию

Павлович Хабаров. М., 1991. 144 с. ; Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 69–72 ; Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII в. Екатеринбург, 2018. 504 с., ил. и др.

⁴ Демидова Н. Ф., Мясникова В. С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966. С. 41.

⁵ Подробнее см., например: ДАИ. 1851. Т. 4. Док. № 47 ; Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640–1645 гг.) // Изв. ВГО. Т. 92. 1960. Вып. 1. С. 46–52 ; Русские арктические экспедиции XVII–XX вв. : Вопросы истории изучения и освоения Арктики. Л., 1964. 232 с.

чертежей Сибири, своего рода атласов бескрайней «вотчины» великих государей⁶.

В результате уже к концу XVII в. оказались картографированы и хорошо известны основные маршруты, связывавшие русские поселения от Верхотурья и Тюмени на западе до Якутска на востоке. Сведения о сибирских коммуникациях рубежа XVII–XVIII вв. можно почерпнуть из разнообразных описаний того времени. Одно из них, озаглавленное «Список с чертежа Сибирския земли», содержащееся в окладной книге сибирским городам 1697 г.,⁷ рисует следующую картину.

Главным узлом, от которого начинались дороги во все области Сибири, являлся Тобольск. Поднявшись вверх по Тоболу, несколько южнее главного города Сибири, и войдя в Тавду, можно было вверх по этой реке связаться с Пельмом, крайним северо-западным сибирским острогом. Мимо тавдинского устья, выше по Тоболу, через устье Туры лежал путь до Тюмени и далее на северо-запад по Туре, через Туринскую слободу и Туринский острог в Верхотурье, к западу от которого начиналась непростая дорога в Европейскую часть России. Тот же путь вверх по Тоболу мимо Тюмени приводил в Ялуторовскую слободу, а от нее долиной р. Исеть — в освоенную часть Южного Зауралья: в Шадринский и Катайский остроги. От Тюмени, помимо основного пути на Верхотурье, пролегалo еще несколько трасс в западном направлении, на Средний Урал, вдоль Ницы до Невьянского острога и вдоль Пышмы через ряд русских слобод Пышминского бассейна. Вся эта совокупность путей связывала через горы Зауралье с Приуральем.

К востоку-юго-востоку от Тобольска вверх по Иртышу мимо Абалака путь вел в Тару, последний на тот момент русский форпост

⁶ См. об этом: РИБ. 1884. Т. 8. Стб. 410–412; Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи): Очерки по истории географических знаний. Л., 1949. С. 127–164; Лимонов Ю. А. «Роспись» первого общего чертежа Сибири (опыт датировки) // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 8. С. 343–360; Полевой Б. П. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г. // Изв. АН СССР. Сер. География. 1966. № 4. С. 123–132; Гольденберг Л. А. Семён Ульянович Ремезов. М., 1965. 266 с. и др.

⁷ ОР РНБ. ОСПК. F.IV.76. Л. 20–27 об.

в этих местах, за которым начинались бескрайние и опасные владения кочевников.

Но главная магистраль во внутренние области Сибири простиралась на север от Тобольска вниз по Иртышу через Демьянский в Самаровский ям, расположенный на месте впадения Иртыша в Обь. Идя от Самаровской развязки еще дальше на север, через город Березов на Северной Сосьве, через Обскую заставу, через ледяные тундры в Обскую губу, путешественники попадали в «Мангазейское море». Последнее, как сообщает описание, «перебегают до усть Тазу реки парусом в 4 сутки, а путь нужен и прискорбен, и страшен от ветров»⁸. Вверх по р. Таз таким же «нужным» путем можно было попасть в легендарную Мангазею, потом — в Туруханское зимовье и «водяным ходом, и через волок в малых судах»⁹ вверх по Енисею в Енисейский острог.

Достичь Енисейского острога было возможно и иным путем, отплыв от того же Самаровского яма на восток вверх по Оби на Сургут и далее до Нарыма. В Нарыме следовало приготовиться к долгой и очень трудной дороге: посольство Избранта Идеса, например, в 1692 г. запаслось здесь провиантом и всем необходимым из расчета, чтобы его «хватило с избытком на четверть года», поскольку отсюда до Енисейска (на расстояние 6 тыс. верст, или 1 200 немецких миль) не найти ни фуража, ни продовольствия¹⁰. От Нарыма можно было достичь Енисейска, пройдя далее вверх по Оби, перейдя в р. Кеть и миновав вверх по Кети Кетский острог и Маковское зимовье. Таким образом, на Енисейском остроге замыкались две ветки тяжелейших маршрутов Обско-Енисейского междуречья: северный, проходивший в значительной части в полярных землях, и восточный, вверх по Оби.

От Нарымской развязки дорога пролежала не только на Енисей, но и в горные местности Алтая и Шории. Для этого следовало не перебираться в Кеть, а держаться и далее верховьев Оби, дви-

⁸ Там же. Л. 24.

⁹ Там же.

¹⁰ *Идес И., Брант А. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 89.*

гаясь на юго-юго-восток до Томска. К востоку от Томска лежал путь на Красноярский острог, а к югу, по р. Томь — до Кузнецкого острога.

За Енисейском открывалась Восточная Сибирь. По среднему течению Ангары маршрут тянулся до устья Илима и там разделялся. На юг, вверх по Ангаре, через Нижний Братский и Балаганский остроги он доходил до Байкала, пересекал озеро в южной части, продолжался вверх по Селенге до Селенгинского острога и, забирая на восток, через Иргенский острог, «озерами и волоками» упирался в Нерчинск. На восток-северо-восток от устья Илима через Илимский острог сложной системой рек Ленского бассейна он достигал Якутска. Якутский острог являлся самой восточной из сибирских транспортных развязок, от него по Яне и Индигирке можно было достичь северных Верхоянского и Зашиверского зимовий, а бассейном Алдана, следуя на юго-восток, добраться до Охотского моря.

Этот своего рода дорожник, руководство для казенных проезжающих, в котором, помимо прочего, указывались сроки и сложность прохождения того или иного участка пути, способы передвижения (сухим путем или по воде), краткие сведения о сибирских народах и природных курьезах, фиксирует очень хрупкую, технически и организационно не обеспеченную, всецело зависящую от внешних условий рельефа и климата коммуникационную систему восточных владений Москвы рубежа XVII–XVIII вв. Это результаты первого этапа колонизации, оценку которого точно и емко дал один из классиков французской историографии Пьер Шоню, заметивший, что «Сибирь в XVII веке не более “русская”, чем была испанской и европейской Америка в конце XVI в.». Называя по американской аналогии первый этап открытия Сибири «архаичной конкистой», ученый отмечал при этом, что вслед за ним «вырастает подлинная Сибирь, вырастает медленно, подобно Новой Англии, без разрушительной и лишенной будущего стремительности Новой Испании или Перу. <...> Скромное начало безграничного будущего»¹¹.

¹¹ Шоню П. Цивилизация классической Европы / пер. с фр. и послесл. В. Бабинцева. Екатеринбург, 2004. С. 33.

Путь к «безграничному будущему» пролегал через рутину административно-хозяйственного освоения открытых земель. Успех этого процесса был попросту невозможен без наличия устойчивой, достаточно надежной и относительно безопасной системы транспортной сети, в какие бы формы и методы не облекались отношения между метрополией и новоприобретенными территориями. Между тем, возможности усовершенствования дорожного сообщения в эпоху парусно-гребного и гужевого транспорта были очень ограничены. Оставаясь принципиально неизменными (с технической точки зрения) в течение столетий, они, по сути, сводились к двум приемам: *оптимизации геометрии пути* (поиску более коротких или более удобных маршрутов) и *попыткам улучшения качества обслуживания передвижения*. Рассмотрим подробнее реализацию этих приемов в хронологии первых двух столетий русской Сибири.

1.2. Оптимизация геометрии трасс

первую очередь (по времени и по значению) оптимизация путей в североазиатских владениях России была связана с поиском наиболее удобного транспортного коридора для проникновения в Сибирь. Из нескольких путей за Урал, известных русским еще до «Сибирского взятия»¹², к концу XVI в. важнейшее значение приобрела дорога, шедшая по рекам и перевалам (по Чусовой через Серебрянку и Баранчу) на Тагильский волок в р. Тагил, позволявшая выйти на широкий речной простор Туры, Тобола и Иртыша. Обеспечить контроль над этим проходом был призван основанный в 1584 г. Верхтагильский городок. Около 1588 г. после разгрома враждебных Москве остяко-вогульских княжеств на Пелыме и Большой Конде очередной воевода Верхтагильского городка И. И. Ордин-Нащокин получил указ о строительстве при впадении р. Ивдель в Лозьву нового острога. Верхтагильский был заброшен, а его гарнизон переведен в новопостроенный Лозьвинский городок. Тагильский волок постепенно утратил свое значение, а острог на Лозьве стал на ближайшее десятилетие глав-

¹² Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1909. С. 193–199; Бахрушин С. В. Научные труды : в 4 т. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 73; Овчинникова Б. Б. Взаимоотношения Новгорода с Югрой (XI–XV вв.) // Проблемы истории России. Вып. 7. Источник и его интерпретации / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2009. С. 14–17.

ной перевалочной базой на пути в Сибирь¹³. Наконец, разведанная в 1595 г. и построенная к 1597 г. соликамским уроженцем А. Бабиновым грунтовая дорога, шедшая из Соликамска на верховья Туры в основанный в 1598 г. город Верхотурье и далее в Тюмень, стала на полтора столетия единственным официально разрешенным путем сообщения между Европейской частью России и Сибирью. «Бабиновская» дорога позволила в восемь раз сократить протяженность маршрута по сравнению со старой Вишеро-Лозьвинской трассой. Однако по мере освоения Среднего Урала и Западной Сибири Бабиновская дорога перестала удовлетворять потребности растущего потока людей и грузов, устремившихся на восток. В течение XVII в. были найдены, а к концу столетия хорошо освоены более удобные пути, проходившие южнее Верхотурья. В уже цитированном «Списке с чертежа Сибирския земли» 1697 г. сообщалось:

До Верхотурья скорою ездою через Вологду по русским городам зимою в 2 недели, а летом сухим путем и водою 7 недель, для того, что тою дорогою многие учинились волоки и болота, а буде через Казань верхотурскими слободами, на Аяцкую и на Невью слободы — в 3 недели¹⁴.

Именно так, обойдя Верхотурье с юга, пятью годами ранее добрался до Тюмени из Соликамска русский посол в Китае Избрант Идес, заметивший при этом, что «путь этот строго запрещен, и им не могут пользоваться ни служилые люди, ни купцы». По словам Идеса, его посольству было сделано исключение ввиду любезности «наместника Соликамска», понимавшего особую важность миссии царского посланца¹⁵.

Мотивируя свои действия фискальными интересами, центральные власти упорно цеплялись за старую дорогу через Верхотурье вплоть до последней четверти XVIII в., хотя этот запрет со временем все более

¹³ Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XVI — начале XVII в. Иркутск, 1990. С. 110–111; Шашков А. Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. С. 36, 41–43.

¹⁴ ОР РНБ. ОСПК. Ф. IV.76. Л. 28.

¹⁵ Идес И., Брант А. Указ. соч. С. 57–58.

игнорировали не только частные лица, но и местная администрация. С первой четверти XVIII в. в связи с бурным развитием крупного горнозаводского производства на Среднем Урале и оживлением товарообменных процессов как с Европейской частью страны, так и внутри отдельных районов Сибири популярным стал еще более удобный путь с запада на восток — через Кунгур и Екатеринбург вдоль р. Пышмы на Тюмень. Известно, что в 1730-е гг. эту трассу пытался легализовать В. Н. Татищев, но лишь после ликвидации внутренней таможни в Верхотурье в 1763 г. и окончательного перевода основных транспортных потоков на почтовый тракт Пермь — Кунгур — Екатеринбург — Камышлов — Тюмень в начале 1780-х гг. Верхотурье, это «игольное ушко» Сибири, потеряло стратегическое транзитное значение¹⁶.

В рассматриваемый период разнообразные попытки «спрямления» трасс осуществлялись и на внутренних сибирских направлениях. Так, например, в 1654–1656 гг. после обследования амурских притоков Аргуня, Сунгари, Уссури и строительства Аргунского острога был обнаружен более удобный путь в Китай, которым активно пользовались русские посольства в последней трети XVII в. (посольства И. Милованова 1672 г., Н. Спафария 1675–1677 гг., И. Идеса 1692–1695 гг.). В 1720–1740-е гг. в связи с организацией Камчатских экспедиций и активизацией деятельности Охотского порта, главной и единственной российской морской базы на Дальнем Востоке, активно осваивались коммуникации между Якутском и Охотском. Известная еще в последней трети XVII в. дорога от Якутска по рекам Лене, Алдану, Мае и Юдоме до Юдомского Креста и далее сухим путем до Охотска в 1730-е гг. дублируется новой, более короткой и проходящей южнее прежней: от Якутска сухим путем до Усть-Майской пристани, а далее — по рекам Мае и Юдоме до Охотска. Впрочем, последний участок обеих трасс (от Юдомского Креста до Охотска) тоже имел свои вариации. До порта можно было добраться уже упомянутым сухопутным маршрутом, идущим через горную местность, а можно

¹⁶ Впрочем, под давлением объективных обстоятельств уже в 1721 г. правительство было вынуждено разрешить купцам из Поволжья и Приуралья ездить этой дорогой на восток. См.: История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989. С. 289.

было выбрать более длинный, но удобный: от того же Юдомского Креста через небольшой волок и далее по р. Урак¹⁷.

В конце XVIII в. альтернативные маршруты были проложены в самой протяженной и самой проблемной части Сибири: от верховьев Иртыша до Ленского бассейна. Так, сосланный в 1790 г. в Илимский острог А. Н. Радищев в записках о своем невольном путешествии к месту отбывания наказания и обратно (1797) отмечал строительство нового участка тракта вдоль Иртыша от Тобольска до Тары. В отличие от ситуации рубежа XVII–XVIII вв., в 1790-х гг. относительно освоенным и связанным коммуникациями было пространство к юго-востоку от Тары через Барабинскую степь. Наконец, путешественники имели выбор пути между Иркутском и Леной. Опальный писатель записал:

Из Иркутска мы выехали в половина дни и предприняли ехать большую Якутскою дорогою, которая хотя и гораздо далее, но лучше, ибо, по уверению ехавших прямою Илимскою, она была чрезмерно худа, узка и гориста¹⁸.

В этом ряду можно, наверное, привести и другие случаи «спрямления» маршрутов или прокладки более длинных, но удобных путей, призванных улучшить геометрию сибирских трасс в XVII–XVIII вв., но приведенные выше примеры дают достаточное представление об этом способе совершенствования транспортных коммуникаций, и, несомненно, они играли наиболее значимую роль в масштабах всего пространства Северной Азии.

¹⁷ Казарян П. А. Первый тракт на Северо-Востоке России // Наука и техника в Якутии. 2006. № 2 (11). С. 50–51.

¹⁸ Радищев А. Н. Записки путешествия в Сибирь // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. М. ; Л., 1952. Т. 3. С. 261, 264.

1.3. Формирование и развитие транспортной инфраструктуры

ругим способом обеспечения более эффективного функционирования транспортной связи в рассматриваемый период являлось (как отмечалось выше) усовершенствование качества обслуживания трасс. Заметным шагом в этом направлении стала организация в Сибири ямской службы. Первая достаточно разветвленная ямская сеть, естественно, сформировалась в Западной Сибири в течение первых приблизительно 35 лет XVII в. (от организации ямской слободы в Верхотурье в 1600 г. до создания и начала действия Демьянского и Самаровского ямов в Обь-Иртышском бассейне в 1635–1637 гг.). Ямская трасса протянулась от Верхотурья вдоль Туры до Туринского острога через Туринскую слободу на Тюмень. От Тюмени отводок этого тракта шел на юго-восток до Ялуторовской слободы, а к началу 1720-х гг. ямщики стали обслуживать небольшой перегон Тюмень — Беляковская слобода, открывавший путь вдоль р. Пышмы на запад в Екатеринбург¹⁹. Но основная ямская дорога шла по наезженной колее от Тюмени на северо-восток к «столичному» Тобольску, а от Тобольска вдоль Иртыша еще дальше в том же северо-восточном направлении через Демьянский и Самаровский ямы. От Самарова через устье Иртыша можно было пройти в Обь и вниз по Оби добраться до Сургута и Нарыма, а вверх — до Березова.

¹⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 707. Л. 558–559.

В XVII в. к юго-востоку от Тары и к востоку от Нарыма ямское сообщение заканчивалось. Локальные попытки заведения ямской службы в Восточной Сибири, предпринимавшиеся в этом и начале следующего столетия (челобитье В. Бугра из Енисейска в 1629 г. об освобождении от подводной повинности местных служилых людей и организации яма; инициатива Е. Хабарова по устройству ямской гоньбы в Усть-Кутском остроге в 1639 г.; начало ямской гоньбы в Иркутске в 1701 г.), ощутимых результатов не дали. Только в 1730–1740-х гг. устойчивое ямское сообщение начинает распространяться на всю Сибирь. Связано это было с двумя событиями: уже упоминавшимся развитием Охотского порта — главной морской базы Второй Камчатской экспедиции и прокладкой великого Сибирского тракта.

Как уже сообщалось выше, обеспечение потребностей русских научных экспедиций на Дальнем Востоке стимулировало разведку и освоение коммуникаций между Якутском и Охотском. В 1731 г. Якутско-Охотский тракт получил статус официального; вдоль тракта в 1730-е гг. были учреждены почтовые станции²⁰. Что касается Сибирского тракта, попытки заведения которого восходят еще к концу XVII в., то его строительство к востоку от Тобольска начало реализовываться также с начала 1730-х гг. Он протянулся до Кяхты и прошел через Тару, Каинск, Кольвань, Томск, Енисейск, Красноярск, Иркутск, Верхнеудинск. К концу XVIII в. между этими узловыми пунктами существовали многочисленные, хотя и неравномерно распределенные по участкам ямские поселения и станки, подробнейшее перечисление которых привел в своих путевых заметках А. Н. Радищев²¹. Таким образом, для установления более или менее устойчивого ямского сообщения через всю Сибирь понадобилось почти два столетия.

Впрочем, и в XVII, и в XVIII в. значительная часть сибирской территории не обслуживалась ямщиками, а значит, к удовлетворению транспортных потребностей подключалось все русское и нерусское население, проживавшее поблизости от трасс. Проезд казенных посланцев и провоз грузов обеспечивали «ямскими и уездными подводами», «по ямом ямщиком, а по волостям и юртам татаром или остякам

²⁰ Казарян П. А. Указ. соч. С. 53.

²¹ Радищев А. Н. Указ. соч. С. 261–280.

всем людям без отмены, чей хто ни будь»²² — такие и подобные формулировки — общее место документов, регулировавших сибирское сообщение указанной эпохи. Чаще всего население привлекалось к обслуживанию транспортных нужд в принудительном порядке. Хотя в XVIII в. для обеспечения государственных посылок предусматривалось выделение прогонных денег, в том числе и для оплаты «уездных» подвод, казна проявляла в этом отношении неуместную скупость. Так, например, по донесению сибирского губернатора кн. М. В. Долгорукова от 31 января 1726 г., денег, выделенных «по штату на расходы и на прогоны ... не только через весь год (то есть на весь год. — Д. Р.), но и на одну московскую посылку на прогоны многова числа не достанет». Отмеченная годовая сумма на транспорт действительно была смехотворной: 254 руб. 50 коп. Подкрепляя свои заключения расчетами, губернатор сообщал, что в 1724 г. «по годовому репорту из рентереи было в расходе на одни прогоны» в Москву, Санкт-Петербург, в Енисейскую и Иркутскую провинции «с казнами Ея императорского величества ... и в дистрикты с указами» 2476 руб. 76 коп., причем эта сумма была потрачена только на оплату ямских подвод, «а на уездные поверстных не давано». Губернатор подчеркивал, что если в бюджете на 1726 г. не утвердят хотя бы сумму, издержанную в прошлом по факту, то «в нужнейших отправлениях к ползе и приращению интересов учинится всеконечная остановка и интересное многое потеряние»²³.

Подводная гоньба, бывшая традиционно одной из тяжелейших государственных повинностей, особенно ощутимо сказывалась в условиях сибирского малолюдства. «... Ныне на конях за последним путем послать нельзя некоторыми делы, — объяснял отпиской томскому воеводе кн. Д. Барятинскому кузнецкий воевода Г. Волков в 1670-х гг. невозможность одной из служебных посылок, — ... и от многолюдныя зимния посылки великих государей ясашным людям в подводах будет тягость и в ясашном зборе недобор»²⁴. «Усмотрел я, что мужикам есть великая обида и раззорение от непорядка в гоньбе подвод, — словно вторил Волкову полвека спустя генерал В. де Геннин в указе

²² ОР РНБ. Эрм. собр. Ед. хр. 321. Л. 65 об.

²³ РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 3 об. — 4 об.

²⁴ ОР РНБ. Эрм. собр. Ед. хр. 321. Л. 67 об. — 68.

соликамскому воеводе кн. Н. Вадбольскому, — те бедные, которые при болшей дороге (Соликамск — Верхотурье. — Д. Р.) живут, у них всегда берут подводы, от сторонних деревень им никакой разверски в том нет, и оттого они разоряютца... »²⁵

В Сибири, испещренной многочисленными великими и малыми реками, пересеченной горными кряжами и каменистыми распадками, простершейся в нескольких природно-климатических зонах, обойтись только сухопутным транспортом было невозможно. Реки затрудняли движение (особенно если вспомнить, что большинство из них, принадлежащих к бассейну Ледовитого океана, текли в долготном, а не в широтном направлении), но они же зачастую оставались единственными коридорами через бездны таежных пространств. Поэтому, наряду с сухопутным, водный транспорт имел в сибирских коммуникациях важнейшее, а порой и определяющее значение. Из многочисленных наименований речных судов, бывших в употреблении в Сибири в XVII–XVIII вв., далеко не все поддаются идентификации, но некоторые наиболее распространенные и использовавшиеся на протяжении всего интересующего периода следует упомянуть. Безусловным лидером грузовых перевозок был дощаник, аналог коломенки в Европейской части России. Внушительные двухпалубные набойные плоскодонные конструкции (около 20 м в длину и около 3,5 м в ширину) с мелкой осадкой, оснащенные парусом на мачте с вантами, дощаники брали на борт от 18 до 24 т груза. Передвигаться такой корабль мог и на веслах; при необходимости его тащили бечевой. Изготовление дощаника было относительно простым и оценивалось в разное время от 10 до 18 руб. (снижение цены диктовалось, как правило, все тем же стремлением казны к экономии). Судовой мастер-уставщик и артель из четырех плотников строили дощаник в течение нескольких недель. Дешевизна и простота конструкции сказывались на качестве: обычно дощаник выдерживал одну навигацию, хотя бывали исключения. Старые дощаники, как правило, продавали на дрова.

Меньшим по размеру речным грузо-пассажирским судном была каюк — беспалубная набойная крытая лодка с веслами и парусом. Достигая в некоторых случаях 15 м в длину, такие суда поднимали до 4,8 т

²⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 19. Л. 35–35 об.

груза и стоили 5–6 руб. Из небольших судов имели распространение различные типы стругов, набойных лодок, ботников (лодок-долбленок). Практически все эти виды речных плавсредств эксплуатировались на сибирских реках вплоть до конца XIX в.

Для морского сообщения в Сибири использовали кочи — парусно-гребные набойные суда, способные ходить и по рекам. Источники различают большие и малые кочи; общие размеры этих кораблей колебались от 15 до 16,5 м по килю в длину и от 5,5 примерно до 6,5 м в ширину. Различны сведения о грузоподъемности кочей: в разных ситуациях и, видимо, в зависимости от размеров они были способны поднимать от 6,5 до 25 т грузов, хотя в литературе описаны единичные случаи значительно более крупных судов этой конструкции. А вот людей на кочах находилось традиционно 10, реже — до 15 чел. Высокие судоходные качества кочей обеспечили им долгую жизнь, особенно в восточной части Сибири, где они использовались в морях Ледовитого и Тихого океанов не только в течение всего XVII, но и в XVIII в. Известно, что даже для Второй Камчатской экспедиции, располагавшей судами, сделанными на европейский манер (в том числе и на охотской верфи), в 1734 г. в Архангельске построили два коча. В Западной Сибири судоходство на кочах было связано главным образом с мангазейской торговлей. Этот тип судов эксплуатировали и для каботажного плавания из устья Печоры вокруг п-ва Ямал в Тазовскую губу (Мангазейский морской ход, запрещенный в 1619–1620 гг.), и для сплава по Туре, Тоболу, Иртышу и Оби в Обскую губу (Сибирский ход, просуществовавший до конца 1660-х гг.). Стоили кочи гораздо дороже дощаников — от 38 до 45 руб., а во второй половине XVII в. и много дороже²⁶.

Исключительная важность водного транспорта и ежегодная потребность в строительстве новых судов обусловили наличие при ряде сибирских городов и острогов верфей-плотбищ. Основные центры

²⁶ Подробнейшая информация о сибирском судоходстве, уточняющая представление об этой отрасли хозяйства по сравнению с предыдущей литературой и приносящая много новых сведений, содержится в работе: *Вершинин Е. В.* Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 4. С. 87–131. На основании этой обширной статьи написан настоящий фрагмент о водном транспорте в Сибири. Также см. новейшую работу этого же автора: *Вершинин Е. В.* Русская колонизация Северо-Западной Сибири. С. 161–219.

строительства судов располагались в Верхотурском, Тобольском и Тюменском уездах; плотбища имелись в Иркутске, Баргузинском остроге (будущей Чите), в Енисейске (крупнейшее в Енисейском бассейне), в Усть-Куте (крупнейшее в Ленском бассейне) и в других местах. Наиболее тяжелые и масштабные работы по заготовке судового леса возлагались в качестве повинности на окрестных крестьян.

Воспользоваться услугами ямской службы могли только обладатели специального разрешения — подорожной, выдаваемой официальными властями. Для частных лиц по большей части она была недоступна, хотя имеются сведения, что ямщики, возвращавшиеся порожняком, брали частных ездовых и грузы «повольным наймом». В подорожной указывалось, кто, с какой целью и по какому маршруту следует в тот или иной населенный пункт; каким количеством и какими видами транспортных средств следует обеспечить проезжающих, сколько полагалось прикомандировать к ним проводников, гребцов и кормщиков (если предусматривалось движение по воде). На основании подорожных (на ямах — ямские старосты, а в населенных пунктах, где ямской службы не существовало — воеводы и приказчики) путешественникам выделяли все необходимые средства передвижения. В ямских слободах, ямах и станках такое обеспечение и смены ямщиков фиксировались в так называемых разгонных, или записных книгах.

Октября во 2-й день по туринской подорожной дано с Тюмени до Тоболска туринскому служилому человеку Михайлу Щепкину подводы под верх с провожатым без прогонов. Послан он ис Туринска в Тоболеск с отписки ... Найму 1 рубль 16 алтын 4 денги. Положено 3 человека. Отпустили ямщики 3-х: Петр Поспелов, Агафон Дворников, Дмитрий Молоткин. <...> Октября в 10-й день по кунгурской подорожной дано с Тюмени до Тоболска посланным с Кунгура салдатом тритцети трем человеком да за ними провожатым ... девятнадцать подвод без прогонов ... Посланы те салдаты с Кунгура в Тоболеск ... Отпущены водяным путем в двух лотках, а подвод дано 8 человек гребцов да 2 кормщика, всего 10 подвод. Наем по 12 алтын²⁷.

²⁷ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 130. Л. 1, 5 об. — 6.

Столь пространный фрагмент из «Книги записи подвод, данных по подорожным от Тюмени до Тобольска» октября 1716 г. приведен не случайно. Он позволяет рассмотреть особенности функционирования сибирской ямской службы. Во-первых, при полном прочтении текста бросается в глаза, что подавляющее большинство отпусков подвод осуществлялось без прогонов: из 15 отпусков за месяц с прогонами путешествовал только один посыльный. Все остальные, таким образом, расплачивались с ямщиками из своего кармана (по найму), и остается только гадать, каким образом их расходы компенсировались властями. Во-вторых, в этом документе обращает на себя внимание разнообразие транспортных средств, используемых для передвижения по Сибири. Под условно-учетным понятием «подвода» в зависимости от рельефа, климата, времени года могли предполагаться и кони для верховой езды («под верх»), и телеги, и сани, и речные суда с необходимой оснасткой. В подорожных встречаются случаи, когда отправленные в дальние посылки сменяли все эти и другие, более экзотические средства передвижения на всем протяжении пути. Так, например, посланным в середине 1670-х гг. для поиска полезных ископаемых из Тобольска в Кузнецкий уезд служилым людям предписывалось выдавать

... вниз реки лотку да кормщика, да два человека гребцов, а вверх реки лотку ж, да кормщика, да пять человек гребцов. А сухим путем давали сыну боярскому три подводы, подьячему две подводы, а казаком трем человеком по подводе, летом с седлы и с уздами, а зимою с санями и с проводники. А где нартной путь, против подвод по две нарты с собаками и с проводники²⁸.

Вне зависимости от вида транспорта на ямщиков возлагалась обязанность выставить четыре подводы с необходимым снаряжением и проводниками с так называемой выти, или пая. В каждом яме или ямской слободе правительством учреждалось определенное количество таких паев-вытей, за которыми закреплялись ямщики, набранные из «охочих людей». Наиболее крупные ямские поселения в Западной

²⁸ ОР НРБ. Эрм. собр. Ед. хр. 321. Л. 66.

Сибири были рассчитаны на 50 паев. В 1740 г. Г.-Ф. Миллер, посетивший Самаровский ям, оставил подробное описание его функционирования и принципы несения ямской службы. По его сведениям, каждый пай делился на четыре четверти, с каждой из которых следовало обеспечивать по одной подводе. За это на каждую выгь из казны выделялось 20 рублей и 20 четвертей ржи и овса пополам годового содержания. Академик писал: «При этом было установлено, что из этих ямщиков в соответствии с тем, большая семья или маленькая, много имеет лошадей или мало, одни обеспечивали гоньбу подвод по целой выги, другие — по половине, большинство — по четверти, некоторые же лишь по одной восьмой выги, и за это они в пропорции получали и такую же долю из ежегодного содержания в деньгах и провианте»²⁹.

В этом описании зафиксированы различия в вознаграждении за ямскую службу в Сибири и в Европейской части России. На протяжении большей части XVII в. сибирские ямщики служили не за взимание с проезжающих прогонных денег, а за фиксированное денежное и натуральное жалованье. У туринских и тюменских ямщиков денежная часть жалованья была меньше — по 15 руб. ввиду меньших разгонов. Колебалось денежное жалованье у самаровцев и верхотурцев: первым в начале 1660-х гг. и до начала 1680-х гг. плату повысили до 23 руб. на выгь, вторые в те же 1680-е гг. добились 28-рублевого жалованья³⁰. Правда, правительство, как обычно, пыталось в любом случае минимизировать свои расходы. Уже в 1639 г. было принято решение вместо натурального жалованья отвести западносибирским ямщикам пашню и покосы, что и удалось сделать везде, кроме Самарова, ввиду полной непригодности окрестных земель к возделыванию³¹. В середине 1640-х гг. самаровским ямщикам вернули натуральное

²⁹ Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подг. А. Х. Элртом (История Сибири. Первоисточники. Вып. 6). Новосибирск, 1996. С. 264.

³⁰ Вигилёв А. Н. История отечественной почты : в 2 ч. М., 1979. Ч. 2. С. 43 ; Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница : в 2 ч. / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. С. 84–85.

³¹ Шашков А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут, 2004. С. 66–67.

жалованье, а с конца 1688 г., после коллективного челобитья всех западносибирских ямщиков, их перевели на прогонные деньги вместо жалованья. Первоначальные прогоны были установлены в размере 1,5 коп. за 10 верст; эти расценки подтверждались указами 1710 и 1711 гг.,³² хотя А. Н. Вигилёв считал, что сибирским ямщикам уже в конце XVII в. власти были вынуждены платить двойные прогоны³³.

Несмотря на то, что организация ямского сообщения являлась, как уже отмечалось выше, несомненным прогрессом в деле обустройства транспортных коммуникаций края, оно было очень далеко от совершенства и оставляло желать лучшего по своей эффективности. Во-первых, ямская гоньба оказалась очень тяжелым делом для самих ямщиков. Жалованье, не покрывавшее расходов на гоньбу, им выплачивалось крайне неаккуратно, а с переводом на поверстные прогоны возникла необходимость эти прогоны взимать. С ростом интенсивности грузопассажирских потоков оставалось неизменным количество паев-вытей, что приводило к резкому увеличению числа разгонов на ограниченное число ямщиков. Для удовлетворения потребностей извозов ямщикам приходилось нанимать подводы на стороне и терпеть большие убытки, вплоть до разорения. Кроме того, местные администрации взваливали на «ямских охотников» массу дополнительных обязанностей. Вопреки указу 1556/57 г., освобождавшему ямщиков (как и других служилых людей «по прибору») от несения тягла, в ряде случаев с них взыскивали общегосударственные налоги, мобилизовывали на ремонты дорог, строительство и починку судов, возведение казенных строений и т. п., принуждали нести караульную службу³⁴. Во-вторых, будучи постоянной, ямская служба не обеспечивала *регулярности* сообщений. Между тем, и нужды государственного управления, и рост торговых операций настоятельно требовали максимально оперативной и гарантированно периодической доставки казенной и деловой корреспонденции. Выход представлялся только

³² Шашков А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVIII в. С. 85.

³³ Вигилёв А. Н. Указ. соч. С. 44.

³⁴ Подробнее см.: Семёнов О. В. Система ямской гоньбы в Сибири в конце XVI–XVII в.: качество функционирования // Россия и мир: панорама исторического развития / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008. С. 534–539.

один — в организации почты, основой которой могла стать сеть ямских коммуникаций.

Устройство почты в условиях Сибири оказалось крайне трудным и долгим процессом. Первые попытки создания сибирской почты восходят к 1690-м гг. В частности, 31 марта 1697 г. в Тобольск воеводе А. Ф. Нарышкину с «товарищи» поступил царский указ, непосредственно посвященный почте. Изложив причины своего недовольства системой доставки официальных писем из Тобольска в Москву, царь Петр предписал впредь посылать сибирскую корреспонденцию в течение года с установленной периодичностью — раз в два месяца «с нарочными двумя посылщики добрыми на добрых лошадях». В системе передачи почты роль «сортировочных» узлов отводилась Тобольску и Тюмени. В Тобольске следовало разбирать «отписки», поступавшие из отдаленных районов Сибири, «из низовых городов... из Енисейска, ис Томска, с Тары, с Нарыму, ис Кецкого, из Сургута и Березова», и связывать их в отдельные связки. Отвечать за обработку почты должен был специально назначенный подьячий, которому следовало эти связки, «обертев в бумаги и завязав, запечатав нашею, великого государя, тоболоскою печатью сургучем», зарегистрировать в особой книге. В другие связки таким же образом надлежало паковать собственно тобольские «отписки». Уложенные в «нарочно устроенную сумку или чемодан», письма отправлялись в Тюмень и сдавались под роспись местному воеводе. Там же, в Тюмени, предполагалось сортировать и упаковывать встречную корреспонденцию из столицы, «грамоты». Доставленные в Тобольск, они вновь сортировались: адресованные тобольским воеводам оставались в местной приказной палате; адресованные в «низовые города» отправлялись дальше «в два ж месяца куды которые грамоты надлежат каким путем, смотря по времени и случаю способнее и надежнее». В дополнение к срочной казенной почте дозволялось брать частные письма «торговых людей», взимая за провоз весьма высокую плату: «с малых по полтине, а з болших по рублю». Прочую корреспонденцию (вроде ясачных и таможенных книг и челобитных «о нашем, великого государя, жалованье») дозволялось отпускать прежним порядком: «по первому зимнему пути с нашею... ясачною тоболоскою недоборною казною». И лишь в самых

исключительных случаях, «о каком самом нужном деле», тобольские воеводы могли посылать государю отдельных нарочных посыльщиков³⁵.

Надо ли говорить, что этот план оказался полной утопией. Если сообщение между Тобольском и Тюменью и от Тюмени в Европейскую Россию можно было хотя бы планировать как регулярное, то ни о какой подобной схеме не могло быть и речи для внутренних районов Сибири, где к концу XVII в. не существовало даже сколько-нибудь устойчивой ямской гоньбы. На неуспех в организации почтового сообщения в Сибири указывает, в частности, тот факт, что Петр I и позже неоднократно возвращался к вопросу о необходимости наладить сибирскую почту, в том числе в годы больших реформ и в 1719, и в 1721, и в 1723 гг., пытаясь решить проблему оперативной доставки официальной документации как в регионе, так и в целом по стране³⁶. Даже в начале 1730-х гг., когда организация почтового тракта действительно дошла до Сибири, большая его часть по-прежнему воспринималась как кошмарное бездорожье даже теми, кто по самому роду своих занятий был обязан стойко сносить опасности и превратности странствий.

...Оной путь через Сибирь... весьма труден и казне... убыточен будет, ибо некогда надлежит ехать водою, а некогда — сухим путем; некогда же на лошадях, а в иных местах люди имеют все материалы, правянт и багаж и протчее нести на себе; а в иных местах летом притить и проехать невозможно, а надобно дожидаться зимнего пути, индеже зимним путем ехать ни иттить невозможно, а надобно дожидатся летнего времени...

³⁵ ОР РНБ. Эрм. собр. Ед. хр. 358. Л. 64 об. — 65.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 390; Ф. 425. Оп. 1. Д. 8. Л. 131–132; ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 439. Л. 22–22 об. Надо заметить, что в 20-е гг. XVIII в. на очень локальном уровне, там, где объективные обстоятельства и деятельная администрация тому способствовали, регулярное сообщение наладить удавалось, как, например, на территории горнозаводского ведомства, сфера компетенции которого распространялась на ряд западносибирских уездов и волостей. Так, 7 февраля 1726 г. определением В. де Геннина и сибирского обер-бергамта было установлено постоянное дежурство в Екатеринбурге шести подвод «для самых нужнейших посылок». Их следовало «с переменою по очереди нарезать от земской канторы», и если в них не было срочной необходимости, использовать в заводской работе в городе, «а не в далной отлучке». См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 38. Но это, конечно, не меняло ситуации в целом.

— живописал в 1732 г. «прелести» сибирского путешествия вице-адмирал гр. Н. Ф. Головин в проекте, поданном на высочайшее имя относительно разработки маршрута Второй Камчатской экспедиции и способов ее дальнейшего обеспечения. По его мнению, гораздо дешевле и быстрее было пройти из Петербурга на Камчатку по морю вокруг света, мимо мыса Горн, нежели пробираться на восток через Сибирь³⁷.

И сложности заключались не только в громадных расстояниях, сезонных флуктуациях и перепадах рельефа и климата. «Человек сближал, расстояние отдаляло: пройденные пространства было тем труднее преодолеть, чем меньше они были населены», — эта закономерность, выведенная П. Шоню для «старой географии» из преимущественно (хотя и не только) европейского материала³⁸, не могла не работать и в Сибири. Там, где плотность населения была выше, расстояния между человеческими жилищами короче, где можно было достать смену лошадей, найти кров, помощь, пищу и фураж, там относительно легко проходились большие расстояния, независимо от наличия или отсутствия ямской или почтовой связи. Ближайшая к Уралу часть Западной Сибири уже в конце XVII в. выглядела вполне сносно, а в отзывах Избранта Идеса, проезжавшего в 1692 г. долинами Нейвы и Туры до Тюмени, звучит едва ли не восторг:

³⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 8. Л. 3–3 об. Экспедиции, шедшей из Петербурга к тихоокеанскому побережью через Сибирь, потребовалось бы, по расчетам гр. Головина, не менее двух лет на дорогу, а казенному курьеру, доставлявшему корреспонденцию с Камчатки в столицу, восемь месяцев (Там же. Л. 3 об.). На деле в XVIII в. письма между Охотском и Петербургом шли еще дольше — в среднем 11 месяцев в один конец (*Охотина-Линд Н.* «Я и мой Беринг...» (частные письма Витуса Беринга и его семьи из Охотска в феврале 1740 г.) // *Россия в XVIII столетии. Вып. 2 / отв. ред. Е. Е. Рычаловский. М., 2004. С. 187*). С предложениями, схожими с головинскими, выступил в 1732 г. еще один опытный морской офицер — вице-адмирал Т. Сандерс (см.: *Вторая Камчатская экспедиция : Документы 1730–1733 / отв. ред. В. Хинтцше. М., 2001. Ч. 1. Морские отряды. Док. № 42. С. 132–145*). Даже если усмотреть в проектах Н. Ф. Головина и Т. Сандерса элементы, говоря современным языком, лоббирования интересов флота, морское путешествие на большегрузных кораблях, обещавшее обернуться в оба конца в 16–18 месяцев, действительно выглядело предпочтительнее.

³⁸ *Шоню П.* Указ. соч. С. 269.

Это путешествие сухим путем до Невьянска доставило мне величайшее наслаждение, так как по пути встречались прекраснейшие луга ... самые плодородные и прекрасно обработанные поля ... все хорошо заселенные русскими; здесь можно было достать всякие припасы по сходной цене. < ... > Водный путь до Туры шел всюду между берегами с густозаселенными русскими деревнями и слободками с хорошо обработанными полями ...

Окрестности Тобольска густо населены «как русскими, занимающимися земледелием, так и разными другими народностями ... Зерно здесь так дешево, что можно купить 100 немецких фунтов ржаной муки за 16 копеек ...»³⁹ и т. п. Г.-Ф. Миллер, проезжая из Тобольска в Тюмень в 1741 г., чувствует себя вполне комфортно: «Здесь кормили 2–3 часа, — запишет он в дневник, — здесь имеется почтовая станция в 34 верстах от предыдущей». Деревни, русские и татарские, можно сказать, лепятся в этих краях друг возле друга: в двух верстах от предыдущей, в пяти верстах, в трех, в одной, в полутора — скрупулезно отмечает неугомонный Миллер деревни, погосты и юрты, проплывающие мимо его взора⁴⁰. И только к концу XVIII в. что-то похожее становится характерным и для отдельных районов Восточной Сибири. «По Лене селений очень много, иногда очень часты», «по дороге есть селения хорошие» (между Братским острогом и Удинском), «по Курзану много деревень и вверх по Ие», — сообщает в своих записках А. Н. Радищев, проезжая по этим местам в 1790 и 1797 гг.⁴¹ и пользуясь как почтовыми, так и простыми ямскими подводами. Чтение его дневника показывает, что не только ямская, но и почтовая связь стала к концу XVIII в. реальностью для значительной части Сибири.

Знакомство с источниками убеждает, что за два столетия сибирские трассы несомненно прошли определенную эволюцию. Между рейдами первопроходцев на рубеже XVI–XVII вв. и путешествиями конца XVIII в. разница заметна. Успехи государственной колонизации, хозяй-

³⁹ *Идес И., Брант А.* Указ. соч. С. 78–79, 80.

⁴⁰ Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 289–297.

⁴¹ *Радищев А. Н.* Указ. соч. С. 265, 269.

ственное освоение края переселенцами, пути, проложенные купцами «через великие сибирские ярмарки — Тобольскую, Омскую, Томскую, Красноярскую, Енисейскую, Иркутскую, Кяхтинскую», через «города-этапы с их лавками», «бывшими местом сборищ и развлечений»⁴², были налицо. Но и к концу XVIII в. транссибирские маршруты — это зачастую путь на грани возможного. Даже на самом благополучном участке между Тобольском и Тюменью, преодолеваемом обычно в трехдневный срок в один конец, вполне можно было застрять на недели из-за сезонных перепадов, когда «была пора вешняя и зимний путь утратился, и выслать... сухим путем и водою невозможно»⁴³.

Впрочем, состояние коммуникаций — общая проблема того времени. Английский историк Джереми Блэк, исследовавший функционирование европейских государств в XVIII в., отмечал, что во многих странах Европы плохие коммуникации были такой же «головной болью» центральных правительств, как нехватка средств, квалифицированных чиновников и достоверной информации (ввиду отсутствия надежной статистики)⁴⁴. В 1776 г. «для новости о провозглашении независимости (североамериканских колоний. — Д. Р.), — отмечал Фернан Бродель, — понадобилось столько же времени, чтобы дойти от Филадельфии до Чарлстона, — двадцать девять дней, — сколько и на то, чтобы дойти от Филадельфии до Парижа»⁴⁵. Время, требовавшееся для прохождения «привилегированной дороги Атлантического океана» (пользуясь выражением того же автора), примерно соответствовало времени преодоления 1 500-километрового участка суши между Тобольском и Хлыновым (Вяткой) — 25–29 дням при благоприятных условиях⁴⁶. Приведенные расчеты показывают несомненные преимущества морских путей перед

⁴² Бродель Ф. *Время мира : Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.* : в 3 т. М., 1992. Т. 3. С. 470–471.

⁴³ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 2. Л. 58 об.

⁴⁴ Black J. *Eighteenth Century Europe. 1700–1789*. L., 1990. P. 328–331.

⁴⁵ Бродель Ф. *Указ. соч.* С. 399–400.

⁴⁶ При этом обычно с учетом сезонных флуктуаций и прочих условий срок прохождения трассы между Тобольском и Хлыновым мог быть гораздо более длительным — до 45 дней. См.: *Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.)*. Екатеринбург, 2007. С. 381.

сухопутными и сопоставимость состояния сухопутных трасс на восточном побережье Соединенных Штатов и в Урало-Западносибирском регионе в XVIII в., если учесть, что расстояние между Филадельфией и Парижем через Атлантику оценивается почти в 6 000 км, а между Филадельфией и Чарльстоном — около 1 100 км.

По оценкам П. Шоню, сделанным им на материалах доставки официальной корреспонденции 1720-х гг., 2 500 км от Парижа до Кадиса французская королевская почта проходила в среднем за 35–40 дней, тратя на последнем 500-километровом отрезке (Мадрид — Кадис) в горах Сьерра-Морены до 20–25 дней⁴⁷. Перегон между Тобольском и Хлыновым не выглядит в сравнении с трассой Париж — Кадис несопоставимо безнадежным, особенно если учесть колоссальную разницу в плотности населения между двумя регионами и наличие великолепной мощеной королевской дороги от Парижа при отсутствии даже намека на таковую в Приуралье и Западной Сибири.

Эти и другие примеры позволяют предположить, что состояние коммуникаций в Сибири, в общем-то, соответствовало общей картине эпохи. Относительно приемлемое в наиболее освоенных частях (и даже сопоставимое с периферийно-европейским, таким как, например, в Пиренеях), оно было совершенно удручающим в глубинных районах, где даже в конце XVIII в. путешествовать было тяжело и небезопасно, как между североамериканскими английскими колониями, мало заселенными и рассеянными от Мэна до Джорджии на 2 000 км.

Качественные улучшения транспортной системы восточных владений России терялись в неизвестной тогда перспективе и стали возможными лишь в результате технического переворота, великих изобретений и железнодорожного строительства XIX в. Людям же, жившим в Сибири до эпохи пара и железных магистралей, оставалось лишь справляться с пространством известными им способами. И они справлялись.

⁴⁷ Шоню П. Указ. соч. С. 266–268.

Этюд 2

ПОДАТНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО: НОРМАТИВНО-ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ

2.1. Армия — налоги — управление

ПРАКТИЧЕСКИ одновременно со второй областной в России стартовала еще одна реформа, связанная с введением новой системы налогообложения. Как известно, главной целью реализации этой реформы было введение нового прямого налога — подушной подати, собираемой по определенной ставке с каждой «души мужского пола» на содержание регулярной армии. Реформа оказала влияние не только на состояние финансовой системы или экономику страны в целом. Она имела гораздо более широкие социальные последствия, заложив основу новой модели учета населения, усилив процессы сословной консолидации, укрепив контроль государства над обществом, стимулировав развитие крепостничества и т. п. Среди многих проблем, которые надлежало решить в ходе реализации податной реформы, важное значение имела организация системы взимания нового прямого налога. Традиционно в научной литературе ключевым элементом механизма сбора подушной подати считали так называемые полковые дворы.

Но историографическая судьба полковых дворов сложилась парадоксально. Их функционирование и даже сам процесс их создания оказали самое серьезное влияние на состояние местного государственного аппарата империи, а между тем литература, посвященная этим учреждениям, крайне скудна. Обязанные своим возникновением податной реформе Петра Великого, они упоминаются всякий

раз, когда речь заходит об этом масштабном мероприятии¹. В то же время единственным систематическим изложением истории полковых дворов до сих пор остается пятая глава фундаментальной монографии М. М. Богословского «Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг.», увидевшая свет в 1902 г.² Надо воздать должное автору: тщательность источниковедческих реконструкций и научная добросовестность, присущие всему творчеству Богословского, сделали этот очерк истории полковых дворов надежным фундаментом для будущих построений. Его значение велико по сей день, а собранный и скомпонованный ученым материал может быть превзойден только в результате отдельного монографического исследования данного предмета. Не задаваясь пока такой целью, я посчитал целесообразным рассмотреть историю полковых дворов в более широком контексте административных замыслов и практик динамичной ситуации 1710–1720-х гг.

Боеспособная и удобная в содержании армия — какой монарх не мечтал об этом? Петр I не был исключением. Сделавшись единоличным правителем России в 1696 г., царь принял власть над воюющей страной и оставался государем воюющей страны на все последующие годы, вплоть до своей кончины в январе 1725 г. Мудрено ли, что армия и флот стали любимым детищем Петра, а забота о вооруженных силах — доминантой его деятельности? Военные расходы, поглощавшие в иные годы свыше 90 % государственных доходов, требовали неустанной заботы об эффективности налоговой системы, а проблемы фиска вызывали к жизни потребность поиска адекватной системы государственного управления. Чем дольше я занимаюсь историей петровских административных реформ, тем больше убеждаюсь в том,

¹ Наиболее ценными в этом отношении до сих пор остаются две монографии, отделенные друг от друга девяностолетней дистанцией: *Милюков П. Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и Реформа Петра Великого. 1-е изд. СПб., 1892. 688 с. (2-е изд. — 1905. 696 с.) ; *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I : Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л., 1982. 296 с. В настоящей работе ссылки на монографию П. Н. Милюкова даются по второму изданию 1905 г.

² *Богословский М. [М.]* Областная реформа Петра Великого : Провинция 1719–27 гг. М., 1902. С. 322–443.

что их исходной предпосылкой стали не столько некие объективные потребности внутреннего развития, сколько необходимость содержания армии, противостоящей одному из сильнейших противников в Европе. С течением времени связь «армия — налоги — управление» становилась не столь очевидно прямолинейной. Обретая государственный опыт, Петр все больше подпадал под влияние идей о государстве «всеобщего блага», формируя в процессе законотворчества образ идеальной системы управления, соответствующей камералистским моделям *Polizeistaat*³. Идея рационально устроенной государственной машины, вооруженного и хорошо управляемого государства оказалась удивительно созвучной прагматичному уму и целям русского царя. Интуитивно он начал исповедовать ее едва ли не в самом начале 1700-х гг., столкнувшись с образцами ее практической реализации в отвоеванных городах и крепостях шведской Остзее. К этому же времени восходят и первые опыты по использованию камералистских принципов в государственном строительстве собственной державы. Неудачи на этом поприще, разочарование в управленческих конструкциях, созданных в ходе первой областной реформы, не обернулись разочарованием Петра в самих камералистских принципах. Напротив, начиная с 1713–1715 гг. он предпринял новую попытку гораздо более глобальных административных преобразований, в основу которых было положено более систематизированное, хотя и по-своему переосмысленное камералистское наследие. Наиболее ярко и комплексно царские воззрения на смысл и природу созда-

³ Подробнее о камералистских идеях и практиках см.: *Small A. W. The Cameralists : The Pioneers of German Social Polity. Kitchener ; Ontario, 2001. 544 p.* (переиздание — 1909 г.) ; *Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. N. Haven, 1983. 281 p.*, см. также его статью в русском переводе: *Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 48–79 ; Weakfield A. The Disordered Polise State. Chicago, 2009. 240 p. ; Филиппов А. [Ф.]. Полицейское государство и всеобщее благо. К истории одной идеологии. Статья первая // Отеч. зап. 2012. № 2 (47). С. 328–340 ; Зубков К. И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение // Урал. ист. вестн. 2013. № 3 (40). С. 20–29.*

ваемого им государства проявились в пакете указов 1719–1720 гг., регулировавших институты местного управления, и в регламентах, подводивших нормативную базу под деятельность центральных органов власти⁴. Хотя в массиве этих документов читалась скорее забота о государстве в целом (и здесь принципиально подчеркнуть единство понятий «государство» и «общество», «народ», ибо достижение общественного блага в представлениях эпохи возможно был только в их единстве), нежели исключительно об армии, военная тема вовсе не ушла для царя на второй план. Военное управление и содержание армии должны были, по мысли Петра, естественным образом найти свое место в общем государственном устройстве. Но это оказалось не таким простым делом, как можно было представить.

⁴ Эти нормативно-законодательные акты, прочитанные и проанализированные в комплексе, как представляется, дают возможность наиболее целостно реконструировать взгляды Петра I на создаваемое им государство — ту идеальную конструкцию, которую я рискнул назвать «ментальным государством» Петра Великого. См.: *Редин Д. А. «Ментальное государство» Петра Великого и культура управления в петровской России // Памятники российского права / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова : в 35 т. Т. 4. Памятники права в период единодержавия Петра I. М., 2014. С. 80–90.*

2.2. Как содержать регулярную армию?

Оздав крупную регулярную армию и заменив ею прежние вооруженные силы, основанные на принципе сбора ополчения, Петр столкнулся с несколькими проблемами: ее материального обеспечения (проблемой организации системы налогообложения как таковой); организации сбора, учета и контроля налогов (проблемой создания административного аппарата фиска) и квартирования войск в мирное время. При всей очевидной взаимосвязи важно подчеркнуть, что каждая из них имела и свое самостоятельное значение. Похоже, что осознание и попытки решения этих проблем долгое время осуществлялись царем, говоря современными словами, как бы в разных алгоритмах. Попытаемся рассмотреть эти процессы подробнее.

Организация системы налогообложения

Уже в 1710-х гг. и власть, и общество (насколько применим этот термин к описываемой эпохе), судя по всему, осознали неэффективность существовавшей системы фиска. В первую очередь, если прибегнуть к современным понятиям, речь шла о кризисе репатриационной (раскладочной, или окладной) системы прямого налогообложения, на протяжении столетий практиковавшейся в России.

Определяя общую сумму прямых налогов, которые требовалось собрать с определенной группы плательщиков, государство оставляло за территориальными общинами возможность самостоятельного распределения этой суммы между отдельными плательщиками. Пока общие суммы были относительно приемлемы для тяглых хозяйств, а количество налогов относительно невелико, такая система оправдывала себя. В чрезвычайных ситуациях она переставала устраивать всех. Нарастание кризиса налоговой сферы ощущалось на протяжении почти всего предшествовавшего петровскому царствованию XVII столетия, особенно во второй его половине, отягченной затяжной войной с Речью Посполитой за Украину, войнами со Швецией и Турцией. Власти пытались оптимизировать принципы прямого обложения путем периодических попыток упрощения структуры налогов (отказа от различных мелких прямых налогов с переносом центра тяжести взиманий на косвенные платежи или без такового) или путем расширения количества налогоплательщиков и более совершенного их учета (перехода к подворной системе обложения). Тем не менее, эти меры давали лишь кратковременный положительный эффект⁵. Существовавшая практика налогообложения оставалась весьма сложной, а в годы Северной войны стала еще более запутанной и плохо поддающейся контролю. Разнообразные «окладные» и «неокладные», «запросные», «повсягодные» и «неповсягодные, на случай приключившихся военных действий» сборы, налоги на бани, бороды, гробы, перевозки, пасеки и рыбные ловли, гербовые акцизы и прочие изощрения, предлагаемые изобретательными прибыльщиками, не избавляли от постоянного дефицита бюджета и при этом ставили на грань возможного платежную способность тяглого населения. Верховная власть вроде бы понимала опасность латания финансовых дыр с помощью лишь одного способа — сбора очеред-

⁵ До сих пор наиболее обстоятельной и глубоко документированной работой на этот счет остается магистерская диссертация А. С. Лаппо-Данилевского. См.: *Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований.* СПб., 1890. 560 с.

ных «запросных денег» — и даже пыталась как-то ограничить его⁶, но сама же вынуждена была нарушать собственные запреты. Рост налогового давления и усложнение структуры налогообложения, всевозможные злоупотребления со стороны как представителей администрации, так и мирских выборных, ответственных за раскладку, — все сплеталось в запутанный узел проблем и противоречий и приводило финансовую систему государства в состояние коллапса. Резко возросшие потребности в ресурсном обеспечении армии, вызванные Северной войной, вызвали мощное стихийное противодействие фискальной политике короны, удивительным образом объединив в нем самые различные силы. Непосредственные плательщики, уклоняясь от непосильных платежей, искали выход в бегстве. Помещики, желая сохранить экономический потенциал своих хозяйств, подавали ложные сведения о количестве тяглых дворов в своих имениях. Вороватые чиновники, ответственные за учет налогооблагаемой базы и сбор платежей, за взятки также искажали платежную статистику, проявляя при этом бескомпромиссную жестокость во взыскании недоимок с тех, кто не имел возможности откупиться. В результате власть не только не была в состоянии собирать в полном объеме необходимые налоговые суммы, но даже не имела достоверного представления о том, с какого количества населения их возможно взыскать. Подворная перепись 1710 г. дала такие неудовлетворительные результаты, что вызвала не только раздражение царя, но и общественную критику. Поиски выхода из сложившейся ситуации явственно видны в целом ряде проектов, появившихся из-под пера современников в течение второго десятилетия XVIII в. Примечательно, что все эти люди были разного происхождения и социального статуса, кто-то из них занимал достаточно высокое служебное положение, а кто-то — никакого, у них были разный уровень образования и культурные ориентиры, но все они так или иначе сходились в одном — в необходимости изменения организации налогообложения. Диагноз болезни существовавшей подворной системы выставлялся ими, в сущности, один и тот же.

⁶ Например, известный указ от 29 февраля 1712 г., запрещавший губернаторам налагать новые подати на население без ведома Сената, см.: ПСЗ. Т. 4. № 2493.

Эта система была несправедливой, поскольку в самой своей основе предполагала неравномерность раскладки и создавала простор для злоупотреблений при учете тягла и сборе налога; в результате этого «в платежах была польза полномочным, а тягость меньшим и немноговотчинным»⁷. Едва ли не первым, кто высказался в пользу иной системы налогообложения, был один из порученцев Петра I Федор Степанович Салтыков. Прошедший обучение морскому и судостроительному делу еще в 1697 г. и посланный в Англию в 1711 г. для покупки военных кораблей, Салтыков стал автором двух обширных записок о необходимых, по его мнению, преобразованиях, адресованных царю⁸. В первой из них, составленной в 1712 г. и названной позднейшим издателем «Пропозициями», Федор Салтыков, между прочим, предлагал введение «поголовной дани», которой следовало обложить посадских, и даже приблизительно определял ее возможную ставку — ½ руб.⁹ Впрочем, эта идея затерялась среди других многочисленных и беспорядочно изложенных, хотя и любопытных инициатив и не получила развития. Подробнее мысль о необходимости взять за единицу прямого обложения не двор, а отдельного крестьянина обосновывалась в доношении на царское имя неким Иваном Филипповым¹⁰. По его мнению, корень зла заключался уже в том, что, зачисляя в переписку «дворы, а не людей», «переписчики в уездах описывают крестьянские дворы не равно», «и то, видимо, неравная переписка чинится не безо взятков, и оттого приходит народу конечное разорение». Следствием разорения становятся крестьянские побег, запустение хозяйств, «великая доимка» и «умножение разбоев и татьбы». Отказ от подворной фиксации налогооблагаемого населения и замена ее «счислением мужеска и женска пола людей... кроме малолетних

⁷ Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты. СПб., 1897. Ч. 2. С. 60.

⁸ О Ф. С. Салтыкове см.: Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 11–17.

⁹ Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 32.

¹⁰ Н. П. Павлов-Сильванский, основываясь на анализе содержания текста, датирует его появление 1715–1716 гг. См.: Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 100.

и старых»¹¹ должна была в корне изменить ситуацию. Правда, увлекшись идеей о борьбе с бегством и разбоями, И. Филиппов все свои дальнейшие рассуждения посвятил именно этому сюжету.

Наиболее обстоятельно новая налоговая система оказалась изложена в сочинении обер-фискала А. Я. Нестерова, имевшем характерное название «Доношение об уравнительном платеже» (1714). Опытный делец и прожектор, Нестеров предложил Петру сосчитать «наличных людей всех губерней» и, вычислив собирающуюся сумму прямых налогов, «росписать, почему из того окладу достанется по расположению на всякого человека онаго платежу»¹². В принципе, эта арифметически ясная схема была впоследствии взята за основу расчетов подушного платежа, что позволило М. М. Богословскому считать именно Нестерова идейным отцом подушной реформы¹³. Примечательно, что и Алексей Нестеров, и Иван Филиппов, выступая поборниками «поголовного», или «уравнительного» платежа, имели в виду, что налогоплательщиками должны были стать работоспособные лица, причем обоего пола, исключая детей и стариков. В этом заманчиво видеть латентную тенденцию перехода от репатриационной к долеой, или количественной системе налогообложения, которая имела бы шанс стать действительно более справедливой и приемлемой для населения и выгодной для казны. Однако авторы проектов слишком лапидарно обозначили механизмы взимания «поголовного» налога и не оставили нам достаточного материала для корректной интерпретации их замыслов.

Гораздо подробнее в записках современников разработан сюжет о способах борьбы с другим злом, подрывавшим финансовую основу государства, — отсутствием точного учета тяглого населения. Осознавая, что бегство тяглецов, укрывательство беглых, умышленное искажение данных переписной статистики, связанная с этим преступность (взяточничество, вымогательство, разбои) вызваны неудовлетворительной организацией фиска, прожекторы сосредоточивали свое внимание на изобретении рецептов совершенствования

¹¹ Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 61–62.

¹² Там же. Ч. 2. С. 58.

¹³ Богословский М. [М.] Указ. соч. С. 322.

системы контроля над учетом народонаселения. Некоторые, вроде Алексея Нестерова, полагали, что ситуация изменится в лучшую сторону сама собой вследствие введения «уравнительного платежа». С наивным оптимизмом человека, нашедшего простой способ решения сразу нескольких сложных проблем, обер-фискал убеждал царя, что при новой справедливой схеме обложения «все будут... довольны и платить станут без доимок». Поскольку никому не будет обиды «в излишнем платеже», постольку «ни маловотчинные помещики» не станут укрывать своих крестьян, сводя по несколько дворов в один, ни сами крестьяне не станут искать спасения от разорительных налогов с помощью бегства. Более того, Нестеров высказывал уверенность, что «за оным уравнительным необходимым платежом» крестьяне сами вернутся «к прежним своим вотчинникам, от кого бежали»¹⁴. Правда, А. Я. Нестеров остался одинок в своем оптимизме. Другие прожекторы больше уповали на полицейские средства — жесткий контроль над населением и тяжкие наказания для укрывателей беглых. Их рассуждения были не менее наивны, чем нестеровские, ибо предлагаемые ими меры без особого результата так или иначе практиковались для пресечения бегства и в предшествующем столетии. Тем не менее, некоторые предложения, высказанные авторами проектов начала XVIII в., заслуживают внимания, поскольку демонстрируют известную эволюцию представлений о способах контроля над мобильностью тяглецов. Так, например, полковник Семен Юрлов, автор одной из ранних записок на тему («Пункты к прибытку государственному», 1710–1711), среди первых русских прожекторов предлагал введение особых документов, без которых был бы невозможен легальный отъезд крестьян из мест их постоянного проживания — «письменных повелений», закрепленных подписями ландратов. Развернутую систему пресечения побегов представлял уже упоминавшийся Иван Филиппов. Предлагая разделить население в сельской местности и в городах на десятки и сотни с выборными десятскими и сотскими во главе, он возлагал всю тяжесть борьбы с бегством и преступностью на эти организации, члены которых

¹⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. Ч. 2. С. 59–60.

должны были быть связаны круговой порукой и ответственностью за состояние дел на вверенной им территории. Любой из жителей, покидавший по какой-либо надобности место проживания, был обязан «объявляться десятскому», а отъезжающим далее чем на 100 верст от дома следовало брать «отпускные письма», заверенные приказами или местными священниками¹⁵.

Идеи введения новых принципов прямого налогообложения и связанные с ними меры по ужесточению контроля за перемещением плательщиков буквально витали в воздухе и не оставались лишь идеями. По сведениям М. М. Богословского, в 1715 г. азовский вице-губернатор С. А. Колычев приказал «для уравниения людей и всенародной лучшей пользы» собирать прямые подати «с числа людей, а не с дворов»¹⁶. Петр тоже не оставался глух к призывам прожектеров: практически все их записки попадали в поле зрения царя, и он внимательно с ними знакомился. Правда, его волновали не столько мысли об облегчении положения крестьян, сколько проблемы содержания армии — в этом сходятся и авторы исследований предыстории податной реформы. Рано усвоив термин «поголовщина» и с интересом восприняв идею «отпускных писем», самодержец, тем не менее, колебался в вопросе перехода к подушному обложению. Во всяком случае, даже в ноябре 1717 г. он еще предлагал Сенату рассмотреть вопрос о том, «сколько душ или дворов (что удобнее) будет один солдат, драгун и офицер», придя, впрочем, вскоре к мнению, что налог следует взимать с «рабочих персон»¹⁷. Но прежде чем это решение вызрело, Петр долгое время, как говорится, изучая вопрос, одновременно пытался оптимизировать уже существовавшую модель фиска, обеспечив ее более эффективным и приспособленным административным аппаратом. На это у царя ушло не менее десятка лет.

¹⁵ Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 114–115.

¹⁶ Богословский М. [М.] Указ. соч. С. 323.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 11. С. 355–356, 357 ; Павлов-Сильванский Н. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 108 ; Богословский М. [М.] Указ. соч. С. 323.

Административное обеспечение фиска

Реорганизация системы снабжения войск поначалу мыслилась в общем контексте реорганизации системы государственного управления, конструирование которой, в свою очередь, было подчинено потребностям создания более эффективного механизма налогообложения. Думаю, что именно эти обстоятельства стали едва ли не главной причиной проведения первой областной реформы. Созданные в ходе этой реформы губернии мыслились законодателем как податные округа — пора, наконец, признать аргументированную правоту П. Н. Милюкова. Весь период с 1708 по 1711 г. (время подготовительной работы по организации губернского устройства) прошел под знаком финансовых забот. Назначенным губернаторам, ландрихтерам (там, где их успели назначить), городovým бурмистрам следовало произвести тотальную ревизию платежеспособности вверенного им тяглого населения, выявить финансовую состоятельность губернского хозяйства. Расчеты государственного бюджета на 1710 г., определение штата и раскладка средств на содержание вооруженных сил (по сути, формирование военного бюджета 1711 г.) происходили на первом и втором съездах губернаторов (в Москве и Петербурге соответственно) под личным руководством царя и при участии Консилиии министров¹⁸. Полагаю, что это дает полное основание утверждать, что хозяйственно-податной характер учреждаемой губернской организации более чем очевиден. Столь же очевиден и смысл формирования губерний как податных округов: содержание армии, напрямую ставшей на губернское обеспечение. 14 января 1711 г. Консилиии министров был объявлен в Ближней канцелярии именной указ, который в самых общих чертах как идею излагал повеление о распределении доходов, получаемых с губерний, на содержание армейских и гарнизонных полков, флота и артиллерии¹⁹. А уже 19 февраля того же года на свет появился обширный документ, детально представлявший штаты армейских и гарнизонных полков, суммы, не-

¹⁸ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 280–287, 288–294.

¹⁹ ПСЗ. Т. 4. № 2313.

обходимые на выплату жалованья военным от генералитета до ротных слесарей, плотников и коновалов, для закупок полковых припасов, ремонта конского состава, и раскладку этих расходов на губернии. Каждая губерния, согласно этой схеме, была обязана полностью обеспечивать деньгами, продовольствием и фуражом определенное (в зависимости от величины губернского дохода) количество полков «по долям дворового числа»²⁰.

Исполнение этих крайне трудоемких и обширных обязанностей по сбору денег и продовольствия требовало создания соответствующих административных механизмов. Процесс их формирования шел трудно, поначалу интуитивно; в новоконструируемой административной реальности причудливым образом сочетались традиционные для России приемы и практики управления и новации, буквально «с колес» подхватываемые Петром у «учителей своих» шведов, чье административное устройство открывалось русским с первыми победами в Восточной Прибалтике.

Общий принцип организации губернского управления первоначально сильно напоминал приказный, причем, так сказать, в его исходных формах. Осознав проблему содержания армии в новых, гораздо более сложных, чем в XVII в., условиях, царь попытался решить ее проверенным способом личного поручения, возложив прямую ответственность по мобилизации необходимых материальных ресурсов на плечи восьми-девяти доверенных лиц, получивших статус губернаторов. Эту основную идею, лежавшую в фундаменте первоначальных мер монарха по организации губерний, очень точно подметил В. О. Ключевский. «Слишком конкретный ум Петра, — писал ученый по этому поводу, — располагал его более доверяться лицам, чем учреждениям»²¹.

Огромные полномочия первых губернаторов и их прямая подчиненность царю породили историографический миф о «децентрализации управления», которая якобы произошла в России в ходе первой областной реформы. Живучесть этого мифа стимулировалась тем,

²⁰ ПСЗ. Т. 4. № 2319.

²¹ Ключевский В. О. Русская история : полный курс лекций : в 2 кн. Минск ; М., 2000. Кн. 2. С. 450.

что среди историков бытовало (а во многом бытует и по сей день) устойчивое представление о разрушении приказной системы, хронологически совпавшей с преобразованиями 1710-х гг. В результате была создана совершенно карикатурная картина, в соответствии с которой модель государственного управления, формировавшаяся в период первой губернской реформы, отличалась ощутимым вакуумом власти в центральном звене и крайней слабостью губернского аппарата. Между тем, при всех очевидных недостатках, создаваемая управленческая система была не так проста, как могло показаться при поверхностном знакомстве. Во-первых, ни в начале административных реформ, ни к периоду их завершения приказы никогда не исчезали полностью, занимая свое (и весьма немаловажное) место в системе центрального управления, имея, помимо прочего, завидную способность к эволюции и регенерации. Во-вторых, многие функции бывших приказов как учреждений центрального звена взял на себя Сенат (его канцелярия и подведомственные ему структуры и службы). Наконец, между Сенатом и губернскими канцеляриями были очень оперативно созданы каналы административных связей и контроля: институт губернских комиссаров при Сенате и полках, фискалитет²².

Служба губернских комиссаров имеет для нашего повествования особое значение, так как именно ей было доверено стать важным звеном в обеспечении вооруженных сил материальными ресурсами. Полагаю, что введение должностей этих комиссаров можно считать первой *системной* попыткой власти организовать специальный механизм армейского снабжения, хотя кое-какие опыты в этой сфере предпринимались и ранее. Еще во второй половине 1700-х гг. в номенклатуре Ингерманландской губернии, например, появились должности ландрихтера, обер-коменданта, комендантов, обер-комиссара и обер-провиантмейстера. Общие служебные обязанности этих «ко-

²² См., например: Блинков И. Губернаторы : ист.-юридич. очерк. СПб., 1905. С. 118–140 ; Антилов Г. Н. Губернские комиссары при Петре I: 1711–1718 гг. // Доклады и сообщения истфака МГУ. 1948. Вып. 8. С. 33–38 ; Серов Д. О. Юстиц-коллегия и органы надзора // Российская Юстиц-коллегия (1718–1786) : Историко-правовые очерки. М., 2003. С. 91–111 ; Его же. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в. : дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2010. 443 с.

мандиров» (чьи наименования были заимствованы из административного лексикона шведской Остзее) определялись в двух хорошо известных историкам именных указах, данных Я. Н. Римскому-Корсакову. Первый из этих указов касался подтверждения его прав в качестве копорского коменданта (12 марта 1706 г.), а второй объявлял о назначении его же ландрихтером Ингерманландской губернии (17 января 1707 г.)²³. В этих указах устанавливались в общих чертах полномочия коменданта и ландрихтера; во втором из названных указов можно почерпнуть сведения о характере взаимоотношений ландрихтера с обер-комендантом, обер-комиссаром и обер-провиантмейстером. Важно, что все эти должности (за исключением комендантских) имели ярко выраженную финансово-хозяйственную специализацию, а главным смыслом их учреждения становилась деятельность по обеспечению армии²⁴. Конечно, совершенно очевидно, что эти нормы писались под конкретную ситуацию. И хотя названные указы впоследствии использовались как аналоги для формирования институтов власти в других регионах страны (наиболее подробно эту практику описал еще П. Н. Милюков, а в новейшей историографии, применимо к конкретной губернии, Н. А. Комолов²⁵), было бы некорректно утверждать, что они стали основой для формирования унифицированной и общепринятой системы, как это нередко можно встретить в учебной и справочной литературе²⁶.

²³ ПСЗ. Т. 4. № 2097, 2135.

²⁴ Это в полной мере касалось и ландрихтера, который, несмотря на свое должностное наименование, и по должностной инструкции, и по практической деятельности меньше всего был связан с отправлением судопроизводства. Подобные выводы сделаны на основе тщательного изучения функционирования ландрихтеров Сибирской и Азовской губерний в период первой областной реформы. См.: Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 154–162, 175–178; Комолов Н. А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д, 2009. С. 139–160.

²⁵ Милюков П. Н. Государственное хозяйство России. С. 378–379; Комолов Н. А. Азовская губерния. С. 140, 149–152.

²⁶ См., например: Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. 3-е изд. М., 1983. С. 88–89; Голикова Н. Б., Кислягина Л. Г. Сис-

Гораздо удачнее оказался в этом смысле опыт по учреждению упоминавшегося выше института губернских комиссаров, инициированный указом об учреждении Сената от 22 февраля 1711 г.²⁷ Более детально должностные обязанности губернских комиссаров регламентировал сенатский указ от 16 марта 1711 г.²⁸ Согласно этим документам, комиссары должны были регулярно извещать Сенат о положении дел в своих губерниях и передавать на места сенатские распоряжения. На практике эти чиновники не только отвечали за оперативную связь между государственными инстанциями, но нередко несли личную ответственность за добросовестное и своевременное исполнение указов губернскими властями²⁹. Судя по всему, первоначально среди важнейших дел, подведомственных губернским комиссарам, было осуществление снабжения армейских полков, определенное количество которых, как говорилось выше, закреплялось за каждой губернией актом от 19 февраля 1711 г. В июле-августе 1711 г. было создано особое сенатское учреждение — Кригс-комиссариат; оно ведало всем войсковым снабжением по финансовой, продовольственной, мундирной, амуниционной, фуражной и транспортной частям³⁰. Тем

тема государственного управления // Очерки русской культуры XVIII в. : в 4 ч. М., 1987. Ч. 2. С. 56 ; Коротков Ю. Н. Губерния // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 5 т. М., 1994. Т. 1. С. 649. Разделял подобное заблуждение и автор этих строк, пока не получил возможность специально изучить состояние дел, см.: *Алексаиенко Н. А., Шаилов А. Т., Редин Д. А., Бугров Д. В.* История Урала с древнейших времен до середины XIX в. : учеб. пособие. Екатеринбург, 2002. С. 138.

²⁷ ПСЗ. Т. 4. № 2321.

²⁸ Там же. № 2339.

²⁹ *Блинов И.* Губернаторы : Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 61 ; *Антилов Г. Н.* Губернские комиссары. С. 33–38 ; *Голикова Н. Б., Кислягина Л. Г.* Система государственного управления. С. 61 ; *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 29–30.

³⁰ ПСЗ. Т. 4. № 2412 ; *Карпиев И. В.* Генерал-пленипотенциар // Государственность России : словарь-справ. : в 6 кн. Кн. 5, ч. 1 (А–Л). М., 2005 ; *Анисимов Е. В.* Государственные преобразования. С. 30. До учреждения Кригс-комиссариата его функции исполняли два должностных лица: генерал-комиссар и генерал-провиант, учрежденные в 1700 г. См.: *Бобровский П. О.* Военное право в России при Петре Великом : в 2 т. СПб., 1886. Т. 2, вып. 2. С. 388–389.

самым, к лету 1711 г. институт губернских комиссаров подвергся внутренней специализации. Два комиссара представляли свою губернию при Сенате, находясь в Москве (губернские комиссары при Сенате), а остальные (число которых было различно от разных губерний) курировали свои полки, исполняя обязанности полковых губернских комиссаров и став подотчетными Кригс-комиссариату. На практике столь четкая специализация проявлялась не всегда, но этот новый административный механизм, созданный для обеспечения армейского снабжения, имел, тем не менее, вполне системный характер.

Изучение практики формирования корпуса губернских комиссаров от Сибирской губернии показывает, что назначение дворян на комиссарские должности зависело от губернатора, который выдвигал кандидатов, и от Сената, утверждавшего выдвиженцев³¹. Резонно предположить, что такая практика не была эксклюзивной для Сибири и имела общий характер. Вопрос о месте этих чиновников в административной иерархии решается менее определенно. Порядок подчинения комиссаров при Сенате законодательно установлен не был. В упоминавшемся указе от 16 марта 1711 г. речь шла (в части, касающейся этого вопроса) лишь о том, что они должны пребывать в канцелярии Сената «для принятия Его, великого государя, указов и для вопросов о нужных тех губерней делах... безотлучно»³². Относительно комиссаров при полках законодательство еще скупо на информацию. Именной указ от 31 июля 1711 г. об учреждении Кригс-комиссариата ставил их в непосредственное подчинение кригс-комиссарам во всем, что касалось исполнения служебных обязанностей. Но, видимо, кригс-комиссары и другие чины ведомства не имели права применять по отношению к комиссарам при полках кадровые решения или привлекать их к ответственности. Известен, например, случай, который, как представляется, проливает свет на механизм управления последними. Осенью 1712 г. генерал-фельдмаршал граф Б. П. Шереметев жаловался в Сенат, что губернские комиссары, прикомандированные с денежными суммами ко вверенному ему кор-

³¹ Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала. С. 146–149.

³² ПСЗ. Т. 4. № 2339.

пусу в Малороссии и подведомственные обер-штер-кригс-комиссару и генерал-майору Л. С. Чирикову, сбежали, оставив корпус без финансирования. Фельдмаршал требовал разыскать комиссаров, наложить на них штраф и вернуть деньги. Сенат направил указы о расследовании существа вопроса и принятии дисциплинарных мер губернским властям³³. Этот прецедент показывает, что, хотя губернские комиссары утверждались при назначении Сенатом и по службе подчинялись сенатским структурам — канцелярии и Кригс-комиссариату, в административном отношении они зависели от губернаторов и на этом основании, с учетом исполняемых обязанностей, несомненно относились к губернскому звену управления. К этому следует добавить, что канцелярский штат, действовавший при губернских полковых комиссарах (думается, весьма скромный), комплектовался за счет подъячих, присылаемых из губерний³⁴.

Таким образом, усилия высшей власти по созданию действенной администрации, способствовавшей мобилизации ресурсов для обеспечения войск, по своему замыслу отличались большей логикой, чем обычно принято считать. Со стороны центрального звена управления процесс курировали сенатские структуры, представленные с лета 1711 г. Кригс-комиссариатом с целой иерархией его уполномоченных чиновников (*генерал-пленипотенциар-кригс-комиссар — обер-штер-кригс-комиссар — обер-кригс-комиссары — кригс-комиссары*). От новоучрежденных губерний, первейшее назначение которых как раз и сводилось к содержанию армии, с центральными структурами взаимодействовали уполномоченные комиссары, в первую очередь прикомандированные к полкам, находившимся на губернском обеспечении. По своему функционалу комиссары были подведомственны центральным органам специального управления, в административном смысле — губернским структурам (непосредственно ландрихтерам).

Но работала эта система не хуже и не лучше, чем вся администрация того времени. Многочисленные проблемы, делавшие системный замысел правительства стройным и эффективным лишь на бумаге,

³³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 48–48 об.

³⁴ Антипогов Г. Н. Указ. соч. С. 37.

достаточно подробно описаны П. Н. Милюковым³⁵, и это избавляет от необходимости их повторного изложения. Однако дело было, конечно, не в губернских комиссарах как таковых. С позиций состояния государственного управления, вся система его функционирования не выдерживала проверки на прочность ни с точки зрения кадрового состава, ни с точки зрения организации документационного обеспечения управления. Это стало очевидным уже в марте-октябре 1711 г., когда в силу ряда именных и сенатских указов началась кампания по финансовой ревизии губернского хозяйства с целью уменьшения местных расходов и минимизации за счет этого дефицита военного бюджета. Технически на губернские канцелярии была возложена обязанность составления прихода-расходных книг по окладным, неокладным и таможенным сборам за 1710–1711 гг. и таблицы по переписям «дворового числа» 186 (1678) и 1710 гг. Результатом этой процедуры должна была стать сводная ведомость, «сочинение» которой поручалось канцелярии Сената. Каждой губернии предписывалось послать для этой работы в Москву определенное количество приказных. Вероятно, что процедура рассылки указов и сбор необходимого числа исполнителей-канцеляристов, с учетом скорости продвижения информации и ресурсной недостаточности учреждений, затянулись. По мнению П. Н. Милюкова, попытка 1711 г. взять под сенатский контроль приходную и расходную части губернских бюджетов провалилась. Тем не менее, 12 февраля 1712 г. вышел сенатский указ, подтверждавший правительственные намерения о проведении генеральной ревизии финансов и налогооблагаемой базы. Ответственным за эту работу назначался обер-комиссар кн. М. И. Вадбольский. В указе подробно в 14 пунктах перечислялись действия, которые следовало предпринять счетной комиссии Вадбольского, а также определялся ее канцелярский штат. Он был невелик и заключался в двух дьяках и точно не указанном количестве подьячих. Сверх того в распоряжение князя передавались подьячие, успевшие приехать из губерний по указам 1711 г.

³⁵ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 369–371.

На губернские средства комиссия должна была получать бумагу, чернила, свечи и дрова³⁶.

Комиссия Вадбольского столкнулась с непреодолимыми трудностями, которые были вызваны неполной и некачественно составленной первичной финансовой и переписной документацией, предоставляемой губерниями. Некоторые из них вообще не прислали требуемого; полностью оказалась «сосчитана» только Казанская. В силу этого через два года деятельность комиссии пришлось прекратить, а ее функции передать счетному приказу Ближней канцелярии под руководством Н. М. Зотова; в дальнейшем ревизии губернских расходов стали практически непрерывными, но главным препятствием для их окончания была все та же неисполнительность местных органов. Скверное состояние отчетности было сопряжено с низкой собираемостью средств, недопоставкой денег в «указные места», в первую очередь в военные ведомства и непосредственно в войска. Стремясь переломить ситуацию, царь возложил личную ответственность за сбор налогов и его документальное оформление на первых лиц областного аппарата — губернаторов и ландрихтеров. В 1712 г., например, губернаторы лично вызывались в Москву с приходо-расходными книгами для отчета «по многим неисправностям»³⁷. В 1716 г. (сенатским указом от 6 июля) губернаторов, вице-губернаторов и ландрихтеров поставили на правеж за неприсылку денег в Адмиралтейство за 1715 г.³⁸ На следующий год под массовый правеж попали местные чиновники всех уровней: вина была большей — недоимки по окладным сборам на нужды армии, выявленные с 1711 по 1717 г.

³⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 39–43^з; Кн. 37. Л. 341–345 об., 427–429, 491. Подробнее о различных аспектах деятельности центральных властей по организации финансовых ревизий губернского хозяйства в 1711–1714 гг. см., например: *Петровский Т.* О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. С. 278–280; *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 307–311; *Мрочек-Дроздовский П. Н.* Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года : ист.-юридич. исслед. М., 1876. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.). С. 345; *Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века : Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 98–100, 197–198.

³⁷ РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 44–45 об.

³⁸ Там же. Л. 676–677.

На основании доноса обер-фискала А. Я. Нестерова сенатским указом от 3 апреля 1717 г. со всех чинов, получавших жалованье (кроме служилых людей и солдат регулярных гарнизонных частей), следовало взыскать деньги, полученные ими по окладам за 1714–1716 гг.³⁹ Но штрафование высших руководителей губерний и даже массовые изъятия выданного жалованья не приводили к принципиальному улучшению положения с исполнительской дисциплиной на местах. Вероятно, властям стало ясно, что дело крылось в самой системе управления в целом. Примерно с середины 1710-х гг. царь стал искать новые схемы и принципы организации госаппарата, что в конечном итоге вылилось в проведение «больших» реформ 1720-х гг.

Проблема квартирования войск

Другая идея, развивавшаяся параллельно с идеями создания новой системы налогообложения и организации эффективного механизма сбора средств, касалась самого принципа размещения армии в мирное время. Как было выяснено еще в дореволюционной историографии, она стала занимать Петра вскоре после Полтавской победы, когда появились надежды на скорое окончание войны со Швецией⁴⁰. Поскольку, в отличие от ополчения, регулярную армию не предполагалось распускать по домам, следовало найти способ ее квартирования при поддержании в боеспособном состоянии. Самым естественным образом такой способ подсказывала практика расположения войск, принятая у неприятеля, — шведская система индельты⁴¹. Достигшая

³⁹ Там же. Кн. 46. Л. 533 об.; Кн. 154. Л. 793–794, 808.

⁴⁰ *Богословский М. [М.]* Указ. соч. С. 324 ; *Милюков П. Н.* Указ. соч. С. 297–298. Впрочем, эксклюзивно поселение войск на зимних квартирах началось еще раньше. Весной 1708 г. таким образом было решено расквартировать драгунские части в Новгороде, см.: ПСЗ. Т. 4. № 2194.

⁴¹ В сентябре 1715 г. Петр I дал поручение Роману Вилимовичу Брюсу «осведомиться, с kolikoго числа мужиков у шведов был солдат и почему (то есть сколько. — Д. Р.) было положено на двор, или на гак, или на поголовщину, и каким образом оных и их офицеров держали на квартирах?». Цит. по: *Павлов-Сильванский Н. П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 108.

своего совершенства в результате реформы Карла XI, проведенной в 1680 г., система индельты (точнее, «молодая индельта»), позволила отказаться от рекрутского комплектования армии и создать хорошо обеспеченный и глубоко эшелонированный способ содержания войск как в мирное, так и в военное время.

Следует напомнить, что индельтой именовалась группа крестьянских дворов в Швеции, обязанная выставлять одного солдата и обеспечивать его земельным участком, домом, обмундированием и дополнительным продовольствием. Индельта, содержавшая пехотинца, имела специальное наименование *ротехолл*, содержавшая одного кавалериста — *рустхолл*. Солдаты, содержавшиеся индельтами одного лена, составляли полк. Офицеры и унтер-офицеры жили в специально построенных для них усадьбах в той же местности, в которой располагался их полк, и получали жалованье от закрепленных за ними групп крестьянских дворов. В случае ухода солдата на войну индельта выставляла ему на смену другого и так далее. Эта стройная и эффективная система составляла основу комплектования и содержания вооруженных сил королевства, хотя параллельно с ней в определенной пропорции власти использовали систему вербовки и дворянского ополчения⁴².

При всей заманчивости системы индельты она едва ли была применима в российских условиях. Полагаю, что главными причинами, препятствовавшими ее использованию, являлись совершенно отличные от шведских демографические и географические параметры России. Огромные размеры Российского государства не позволяли распределить воинские части по всей территории царства. Учитывая, что основные театры военных действий в то время располагались на западных и юго-западных границах, а транспортные коммуникации оставляли желать много лучшего, войска, расквартированные по всей стране, просто было бы трудно мобилизовать в случае необходимости.

⁴² Подробно о шведской армии в описываемый период см.: *Беспалов А. В.* Северная война. Карл XII и шведская армия : Путь от Копенгагена до Переволочной. 1700–1709. М., 1998. 48 с., ил. Что-то похожее практиковалось и в Пруссии. А. А. Матвеев, посещавший Европу в 1705 г., отмечал, между прочим: «В Померании, в Кольберге и в других местах, сделаны солдаты от деревень за оброки своего паежю альбо (то есть либо. — Д. Р.) уезду». Цит. по: *Павлов-Сильванский Н. П.* Указ. соч. Ч. 1. С. 10.

Это было настолько очевидно, что Петр даже в годы относительного затишья на фронтах продолжал держать значительную часть армии, что называется, под рукой. В этом смысле очень показателен коротенький указ, данный царем Сенату 17 октября 1717 г.:

Понеже войска наши, которые были в чюжих краях, маршируют ныне к своим границам, и для того заранее роспишите им винтер-квартиры, а имянно: *пехотные полки чтоб поставлены были не гораздо в дальнем разстоянии*, так, чтоб на будущую весну *ранее могли попасть сюды к Питербурху*, а драгунские полки где заблагоразсудите. *Гвардию велено поставить возле Новогорода и Пскова ...*⁴³

Бескрайние пространства России были весьма неравномерно заселены. Об это непреодолимое обстоятельство уже разбивались планы государя, направленные на создание системы административно-податного деления, основанного на статистическом принципе, такие как, например, ландратские доли (забегая вперед, замечу — и камер-коллежские дистрикты, которые должны были заменить уезды в качестве низшей административно-территориальной единицы). В разных районах страны численность податного населения была различной и, соответственно, различными оказывались экономический потенциал и платежные возможности территорий как по количеству, так и по качеству тяглых хозяйств. Расположить войска по принципу индельты, поставив их на прямое и непосредственное содержание крестьян той или иной местности, было невозможно и по этой причине. Поэтому следует считать совершенно справедливым мнение исследователей, отмечавших, что из шведского опыта Петр мог почерпнуть только саму идею территориального квартирования и содержания войск, но никак не готовые рецепты ее реализации⁴⁴. В этом отношении большее значение могла иметь собственная национальная практика, имевшая место с конца XVII в. в южных районах государства. На этот прецедент обратил внимание Е. В. Анисимов, использовавший сведе-

⁴³ Сб. РИО. Т. 11. С. 355.

⁴⁴ Милюков П. Н. Указ. соч. С. 303 ; Богословский М. [М.] Указ. соч. С. 325.

ния воронежского историка В. М. Важинского. Речь идет о способе снабжения продовольствием и жалованьем регулярных полков Белгородского разряда, введенного в 1696 г. Вкратце его суть сводилась к тому, что служилые люди южных уездов, зачисленные в регулярные части, содержались за счет подушного сбора денег с тех служилых и их родственников, которые в новые полки не попали. При этом подушным сбором облагались только взрослые представители местных служилых корпораций, и то не все (часть была занята на исполнении натуральных повинностей), а неслужилое население продолжало выплачивать подати на основе подворного обложения⁴⁵.

Наконец, еще одно обстоятельство, уходившее, как представляется, от внимания исследователей, значительно отличало принципы содержания шведской армии от тех, которые в конце концов были приняты Петром. Владельцами крестьянских хозяйств, объединявшихся в индельты (будь то ротехоллы или рустхоллы), были *свободные держатели коронных земель*. Это выгодно отличало их от русских крестьян, большинство из которых *находились в крепостной зависимости* и были гораздо серьезнее ограничены в правах распоряжения имуществом. Шведские дворохозяева — держатели королевской земли имели право на отчуждение (продажу) своих держаний с обременением (новый держатель вместе с землей получал обязанность содержать солдата); они имели право использовать (при обоюдном желании) труд поселенного солдата в мирное время; они были полностью освобождены от уплаты всех остальных налогов и арендного платежа⁴⁶. Это делало хозяйство шведского крестьянина экономически более мощным, что позволяло обеспечивать поселенных солдат напрямую и главным образом натуральными ресурсами. Солдат жил среди крестьян, получая от них двор, землю, скот, хозяйственный инвентарь и обмундирование.

Петровская система снабжения войск оказалась по преимуществу монетизированной. Прямого снабжения по схеме «поселенный солдат — группа крестьянских хозяйств» достичь в России было невоз-

⁴⁵ Подробнее см.: Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. С. 52–54.

⁴⁶ Там же. С. 55–57.

можно в силу вышеизложенных причин. Поэтому, как ни пытался царь сократить дистанцию между плательщиком и получателем платежа, он в любом случае должен был решить вопрос о создании некоего нового административного фискального аппарата, коль скоро действовавшая система губернских комиссаров перестала удовлетворять государственным потребностям. Круг замыкался.

2.3. Податная реформа и реформа местного управления: попытки соотнесения административных аппаратов

Исходу второго десятилетия XVIII в. у Петра I, судя по всему, все-таки вызрел основной комплекс идей, связанный с решением проблем содержания и квартирования армии в мирное время. Во-первых, стало понятно, что для материального обеспечения войск следует ввести специальный прямой налог на основе подушного обложения. Во-вторых, определилось, что полки, вставшие на зимние квартиры по губерниям, должны получать на свое содержание средства с населения данных губерний. В-третьих, было уяснено, что для сбора этих средств необходимо создать простой и действенный административный аппарат. Первые шаги в этом направлении на нормативно-законодательном уровне были сделаны осенью 1718 г., когда царь декларировал одновременное начало двух больших реформ: местного управления (известной в литературе как второй областной) и податной.

Хотя М. М. Богословский сетовал на то, что вторая областная реформа и податная реформа, в ходе которой появились полковые дворы, «обсуждались и осуществлялись одновременно и параллельно, но порознь и без малейшей попытки согласовать одну с другой»⁴⁷, это было не совсем так. Пытаясь гармонично объединить государственное управление, фиск и армию, царь предложил некий вариант

⁴⁷ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 404–405.

такого синтеза, представленный, в частности, в двух именных указах, опубликованных в один день 26 ноября 1718 г.

Один из этих указов определял введение в губерниях новых административных должностей: в качестве эксперимента — в Санкт-Петербургской губернии с 1719 г., а повсеместно — с 1720 г.⁴⁸ До конца текущего 1718 г. вновь определенные областные чиновники должны были лишь получить служебные «инструкции и протчие порядки все против шведского (или что переправя)». Приведенная в указе «роспись чинам» раскрывала структуру руководящего и старшего канцелярского состава местных учреждений. Шведские названия должностей сопровождалась русскими толкованиями. Из 12 чинов росписи восемь, как можно понять, представляли губернский штат. Местную иерархию должен был возглавить *ландсгевдинг*, «голова земской», как объяснялся этот ранг в тексте. Ландсгевдингом назывался глава шведской губернии-лена («ландсгевдингства»)⁴⁹; соответственно, таким образом должны были впредь именоваться ранее существовавшие в России губернаторы. Следующий чин росписи — *обер-ландрихтер*, или «вышний земский судья», был уже привычен отечественной административной практике, поскольку, как известно, ландрихтеры существовали в местном госаппарате 1710-х гг. Цитируемый указ лишь подчеркивал особые судебные полномочия обер-ландрихтера нового образца. Замыкал первую тройку губернских чинов *ланд-секретарь* («земской дьяк») — глава губернской канцелярии. Еще пять чиновников должны были отвечать за различные сферы губернского управления: *бухгалтер* («земской надзиратель сборов»), *ланд-рентмейстер* («земской казначей»), *ланд-фискал* («земской фискал»), *ланд-мессер* («межевщик») и *профос* — «староста тюремный». Следующие три должности представляли сред-

⁴⁸ ПСЗ. Т. 5. № 3244.

⁴⁹ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 49. Подробную характеристику шведской системы управления и ее влияние на идеологию второй областной реформы, проявившееся в предложениях петровских прожекторов и в нормативно-законодательной базе, разработанной на этой основе царем, см.: Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms : Swedish Antecedents and the Process of Reception. Stockholm, 1979. 448 p.

ний уровень местного управления. *Ланд-комиссар* («земской комиссар»), *ландрихтер* («земской судья») и *ландс-шрайбер* («подьячий земской») могли быть соотнесены с уездным или провинциальным звеном: на более низкой ступени администрации они составляли аналогию ландсгевдингу, обер-ландрихтеру и ланд-секретарю. Наконец, на существование третьего, низшего уровня управления указывает упоминание последней в росписи должности — *кирхшпиль-фохта*, русского толкования которой не приводилось. Между тем известно, что в шведской системе местного управления *кирхшпильфохт* был главой первичной, самой низшей административно-территориальной единицы в трехступенчатой системе территориального деления королевства — *кирхшпиля* (церковного прихода)⁵⁰. Отсюда можно предположить, что в указе от 26 ноября 1718 г. тоже закладывалась трехступенчатая организация местной власти. Из содержания этого документа совершенно определенно видно стремление реформатора специализировать управление. Специализация была наиболее детально проработана для высшего (губернского) уровня. В «росписи чинам» можно отметить судебные, финансовые, надзорные и даже такие «экзотические» должности, как межевую и тюремную. В этом ряду за губернатором-ландсгевдингом, вероятно, закреплялись общедминистративные и, быть может, военные функции. Следующий уровень власти характеризовался меньшей степенью специализации. Специальное управление здесь представлено только судьей-ландрихтером, а организация власти низового звена, похоже, не вполне была ясна и самому законодателю.

Другой указ, принятый того же 26 ноября 1718 г., нес в себе некоторые весьма важные дополнения по поводу функционального разделения полномочий на нижних этажах областной власти. Санкционировавший начало проведения податной реформы (и оттого известный в научном обиходе как указ о введении подушной подати)⁵¹, он устанавливал порядок проведения подушной переписи тяглого населения, новые принципы обложения и процедуры взимания налога.

⁵⁰ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 49.

⁵¹ ПСЗ. Т. 5. № 3245.

Небольшой по объему, он был вполне понятен по содержанию. Для определения числа плательщиков в соответствии с первым пунктом указа надлежало собрать информацию («сказки») о том, «сколько в которой деревне душ мужеска полу». Выяснив это, следовало, как гласил второй пункт, вычислить количество «душ», способных содержать рядового солдата «с долею на него роты и полкового штаба». Для взывания необходимых сумм указ предписывал учредить на каждый полк двух комиссаров. Одного, «от земли», выбранного помещиками того или иного уезда, для сбора подушной подати; другого, полкового (очевидно, по умолчанию, от офицеров полка), для принятия собранной подати (пункт третий). Указ определял и механизмы контроля сбора и передачи денег: «комиссар от земли» в указанные (какие?) сроки сдавал деньги полковому комиссару в присутствии всех офицеров полка, которые свидетельствовали этот факт своими подписями. О засвидетельствованных таким образом актах сдачи-приемки денежных средств надлежало извещать («ведение подавать») Военную и Ревизион-коллегию и ландсгевдинга (губернатора). Достоверность сведений о количестве душ мужского пола и раскладке полков по крестьянам гарантировалась жесткими санкциями — конфискацией имущества и смертной казнью виновных⁵².

В нашем случае особый интерес представляет третий пункт указа, который предполагал учреждение особой должности — *выборного комиссара от земли*, ответственного со стороны *местного дворянского сообщества* за сбор установленного налога. Таким образом, комиссар от земли олицетворял собой сборщика подушной подати на уровне уезда (именно уезда, так как он, согласно указу, избирался уездным дворянством). Оба указа от 26 ноября 1718 г. не давали точного представления о системе соподчинения всех перечисленных должностных лиц. Тем не менее, если учесть одновременность публикации указов и несомненную причастность к составлению обоих документов самого царя, то не придется усомниться в том, что перед нами — *результат некоего системного взгляда на проблему организации местного управления, фиска и содержания войск*. При всех нестыковках

⁵² Там же.

и умолчаниях, свойственных административному законодательству петровского времени, оба указа формировали общую композицию власти, в которой комиссар от земли становился ключевой связующей фигурой. По своему месту в управленческой иерархии он оказывался сопоставим с тремя чинами средней администрации (ланд-комиссаром, ландрихтером и ланд-шрайбером), а по сфере компетенции мог считаться уездным аналогом губернских чинов, ответственных за сборы (бухгалтера и ланд-рентмейстера). В соответствии с указом «о введении подушной подати» устанавливалась (правда, в самых общих чертах) и подотчетность комиссара от земли: ландсгевдингу как главе губернской администрации и двум центральным ведомствам — Ревизион- и Военной коллегиям. Этим инстанциям комиссар от земли должен был «ведение подавать» о передаче собранных сумм *уполномоченному комиссару того полка, содержание которого положено на конкретный уезд*. Так косвенно, как бы между делом, в небезупречную, но интенционно системную конфигурацию местной гражданской администрации вошли полк и полковой комиссар — зачаток военно-административной организации в области, впоследствии представленной полковым дистриктом и военно-фискальными структурами.

Однако простота ноябрьского указа была, по пословице, хуже воровства. Для реализации указных предписаний требовалось ни много ни мало — провести в масштабе страны: 1) перепись мужского населения (что едва ли внушало оптимизм, учитывая провал дворовой переписи 1710 г. и ландратской переписи 1715–1717 гг.); 2) размещение армии по губерниям и уездам (попутно решив вопрос с жилыми и служебными помещениями для квартирования личного состава и полкового хозяйства); 3) выборы «комиссаров от земли». Все эти задачи, тяжелейшие в исполнении сами по себе, усугублялись еще и тем, что примерно в это же время был дан старт масштабной реформе государственного управления в целом. С поразительной синхронностью — день в день — царь декларировал намерение начать преобразование местного аппарата⁵³. Внедрить новое трехступенчатое специализированное управление мыслилось монарху *одновре-*

⁵³ ПСЗ. Т. 5. № 3244.

менно с окончанием переписи: к концу 1719 г. он надеялся получить «правдивые сказки» о количестве плательщиков подушной подати, а с 1720 г. развернуть сеть новых местных администраций! Конечно, в связи с этим можно было бы пуститься в очередные рассуждения о наивной вере Петра в действенность указов, о нетерпеливости, свойственной его характеру, о недостатке теоретической глубины его действий как реформатора, непродуманности программы преобразований и о прочих вещах, так часто ставившихся ему в упрек позднейшими критиками, но лучше прислушаться к мнению М. М. Богословского. «Не будем забывать, — писал по этому поводу ученый, — что перед Петром никогда не было общего, заранее обдуманного и соображенного плана реформы, общей идеи о реформе как таковой. Такое мышление не было вообще свойственно людям конца XVII и начала XVIII века, и оно навязано им учеными-мыслителями XIX столетия»⁵⁴. Тем не менее, при всей справедливости приведенного замечания следует признать, что к последнему периоду своего правления монарх все-таки выработал по-своему цельную и последовательную модель создаваемого им государства. И в конкретной ситуации конца второго десятилетия XVIII в., ставя перед собой и подданными очередные, на пределе возможного, задачи, Петр заботился о том, чтобы создать определенные механизмы их выполнения. Выше уже отмечалось, что указ о введении подушной подати, предусматривавший учреждение должности комиссаров от земли и комиссаров от полков как инструмента сбора нового прямого налога, может и должен рассматриваться в увязке с другим указом, определявшим общую схему нового устройства местного управления. Подотчетность комиссара от земли губернатору-ландсгевдингу в общих чертах привязывала формируемый административно-фискальный аппарат к системе областных учреждений. Идея такой привязки не пропала, мелькнув, как мимоходом брошенное слово, но получила свое развитие и более детальную проработку уже несколько месяцев спустя, когда на свет появился целый пакет указов-инструкций, определивший круг должностных

⁵⁴ Цит. по: Шмидт С. О. Многоотное исследование академика М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» // Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. М., 2005. Т. 1. С. 427–428.

обязанностей и полномочий чинов областного управления. Сохранив общий дух намечаемой реформы — разделение предметов ведения между различными чиновниками местной администрации, инструкции 1719 г. существенно отличались от ноябрьских указов 1718 г. в целом ряде деталей (заметной ревизии подверглись даже должностные наименования местных начальников), но идея взаимодействия между сборщиками подушной подати и должностными лицами области приобрела большую масштабность и определенность. Особенно информативной в этом отношении оказалась «Инструкция, или наказ воеводам», адресованная старшим начальникам местного аппарата — провинциальным воеводам и, по умолчанию, губернаторам. Четыре пункта этой инструкции определяли схему взаимоотношений воевод и лиц военно-податного ведомства. В первую очередь воеводы должны были содействовать процедуре расположения воинской части на постой в том или ином селе; им полагалось иметь «истинные расчеты» о «заслуженном солдатском жалованье» (то есть располагать точными сведениями о том, сколько положено собирать средств с крестьян на содержание расквартированных солдат). Воевода наделялся правом своего рода третейского суда между полковым комиссаром и офицерами полка, с одной стороны, и земским комиссаром (здесь речь идет именно о земском комиссаре — сборщике подушной подати, а не о камер-коллежском земском комиссаре — руководителе низшей административно-территориальной единицы губернии/провинции) и крестьянами — с другой: «в обидах и в ссорах, и во всяких непорядках чинить рассмотрение, чтобы на обе стороны было безобидно...» Аналогичные полномочия давались воеводам и в отношении снабжения флотских команд: «а буде чего на флот требовать будут, о том офицерам указы посылать и с сел собирать, что оным на поход выдавать должно». Сам сбор подушной подати также оказывался подведомственен воеводам; согласно инструкции, им давались полномочия надзирать за деятельностью комиссаров от земли и приданных им подьячих, чтобы они «чинили сущую правду» в сборах. Наконец, воевода был обязан наблюдать за проведением самой подушной переписи, имея право проводить розыск и наказывать виновных в случае выявления каких-либо злоупотреблений в ходе переписного дела. Ви-

димо, реализуя это право, воевода был в полной власти: о наложенных санкциях ему полагалось лишь уведомлять Камер-коллегию⁵⁵. Таким образом, очевидно, что воеводы получали широкий круг компетенций по административному надзору за важнейшими процедурами, связанными с реализацией податной реформы на вверенных им территориях, и наделялись властью для вмешательства в деятельность комиссаров от земли, переписчиков и (в меньшей степени) полковых представителей. Это означало, что Петр не только не отказался от мысли привести в единую систему организацию местного управления, фиска и содержания войск, но существенно развил и нормативно укрепил ее.

Однако при всей детализации полномочий нового областного аппарата законодательство 1719 г. продолжало изобиловать недоговоренностями, умолчаниями и откровенными противоречиями, позволявшими произвольные толкования и неизбежно порождавшими зоны напряженности во взаимоотношениях управленцев разной ведомственной подчиненности. Это не только создавало затруднения в реализации прав воевод, но ставило в двусмысленное положение других областных чиновников, в первую очередь тех, чьи должностные обязанности полностью или по преимуществу замыкались на финансово-экономическую сферу: земских камериров (земских надзирателей сборов) и земских комиссаров — руководителей низшего звена местного управления. В данных им инструкциях самым тщательным образом перечислялись их функции по обеспечению сборов и оформлению финансовой отчетности, но их отношение к реализации податной реформы если каким-то образом и определялось, то крайне пунктирно и вскользь. «Земского комиссара главнейшая должность в том состоит, чтоб он в поверенном ему уезде в надлежащее и указное время *все* ... доходы собирал и приписывал, *кроме пошлин*», — недвусмысленно заявляла «Инструкция, или наказ земским комиссарам»⁵⁶. «Земскому надзирателю сборов *все* доходы, приходы и расходы и ведомости о сборах, поданные от земских комиссаров, истинно записывать и со всех иметь правдивую записную

⁵⁵ ПСЗ. Т. 5. № 3294, п. 8, 11, 27, 35.

⁵⁶ Там же. № 3295.

книгу с алфавитным регистром», — не менее определенно гласил п. 41 «Инструкции, или наказа воеводам», повествовавший о помощниках воеводы по финансовой части⁵⁷. Земский камерир ведет переписную книгу «всем деревням, дворам и в них людям, тако ж землям и надлежащим угодьям, с которых государевы подати берутся»; эта книга — «главнейшее основание», на котором «все комиссарские счета и *все* предыдущие (то есть «[в]предь идущие», будущие. — Д. Р.) окладные и неокладные сборы и подати впредь основываться имеют», — уточняла «Инструкция земским камерирам»⁵⁸.

Как следовало понимать все эти нормы? Предполагал ли законодатель, что под *всеми* «доходами и сборами», находившимися в ведении камерных чиновников, скрывалась и *подушная подать*? Вопрос этот оставался без ответа, и его толкование, очевидно, отдавалось на волю случая или будущих уточняющих нормативов. Употребление в цитированных пунктах инструкций старых понятий деревень и дворов как налогооблагаемых единиц, окладных и неокладных сборов как будто свидетельствует о том, что при написании этих инструкций Петр выпустил из виду изменения в системе налогообложения и учета податного населения. Даже в тех пунктах «Инструкции, или наказа земским комиссарам», где речь идет о переписи и движении войск, новые реалии отсутствуют. Земский комиссар со своими подчиненными служителями, например, обязан был присутствовать при «переписке *дворов или земель*» своего уезда, если таковая случится, чтобы оказывать содействие «учрежденным переписчикам»; если через уезд случится «войску проход, или оные от начальства в уезде поставлены будут», то земский комиссар должен был снабжать «воинских людей» всем необходимым и смотреть, чтобы тяготы по обеспечению войск равномерно распределялись между всеми тяглецами⁵⁹. Такие несообразности остается только отнести на несовершенство юридической техники изучаемого периода, высказав предположение, что Петр, в свойственной ему манере определив взаимоотношения старшего чиновника областного управления (воеводы) с переписчиками

⁵⁷ ПСЗ. Т. 5. № 3294.

⁵⁸ Там же № 3296.

⁵⁹ Там же. № 3295, п. 10, 17.

и сборщиками подушной подати, действительно оставил на потом детальную проработку остальных норм. Царь, несомненно, торопился; проведение подушной переписи виделась ему делом одного года, необходимо было срочно размещать войска по зимним квартирам, и поручить эти процедуры местным администрациям он находил вполне естественным. Другого выхода, как казалось, у него просто не было. Центральным ведомством, на долю которого выпала работа по сбору и обобщению данных подушной переписи, стала специально созданная Канцелярия переписных дел. Она располагалась в Петербурге, была подчинена Сенату и работала под руководством генерал-ревизора бригадира В. Н. Зотова, почему нередко и называлась (по традиции времени) Канцелярией генерал-ревизора Зотова.

2.4. Что-то пошло не так: переписные канцелярии и проблема распределения полков по провинциям

ЕСТНЫЕ администрации не оправдали надежд монарха. В том не было их вины. Бесконечные преобразования, кадровые перетряски, противоречивые указания, катастрофически нараставший вал отчетности, непонимание происходивших процессов и малочисленные канцелярские штаты, подвергавшиеся постоянным изъятиям в пользу разнообразных комиссий и создаваемых структур специального управления, буквально парализовывали деятельность государственного аппарата на местах. Первые шаги, связанные со сбором «сказок» о количестве душ мужского пола, давались очень трудно, и к концу 1719 г. перепись, разумеется, была еще далека от завершения⁶⁰. К концу следующего 1720 г. выяснилось, что собранная информация неполна и недостоверна; это вызвало потребность в ее проверке — ревизии. Первоначально Петр пытался вынудить душевладельцев самим подавать уточненные и дополненные сведения⁶¹, угрожая заслушание конфискацией имений⁶². Параллельно он предпринял меры для активизации деятельности местных администраций. Средство нашлось опробованное — гвардейцы-понудители, которые и рань-

⁶⁰ ПСЗ. Т. 5. № 3470.

⁶¹ ПСЗ. Т. 6. № 3492.

⁶² Там же. № 3687.

ше использовались в делах такого рода⁶³. Снабженные именными инструкциями государя, они обладали правом налагать на местных чиновников любого ранга административный арест и держать их в кандалах и на шейной цепи в канцеляриях до тех пор, пока не добивались исполнения искомого — сбора недоимок или предоставления той или иной отчетной документации. Но такие чрезвычайные меры не принесли ожидаемого эффекта, в связи с чем в январе 1721 г. Сенатом был издан указ о взятии воевод к розыску в Петербург и о конфискации их недвижимости⁶⁴. В конце концов, разуверившись в способности гражданских властей обеспечить столь важное мероприятие, Петр решил прибегнуть к последнему, но самому главному своему резерву — армии.

В январе 1722 г. вся деятельность по ревизии числа мужского тяглого населения в стране оказалась передана в руки уполномоченных генералов и штаб-офицеров; при них сформировались особые структуры, укомплектованные офицерами полков, которые должны были быть расквартированы в губерниях. Именуемые в источниках «генералитетом», или «переписчиками», эти структуры получили в литературе общее наименование переписных канцелярий⁶⁵. Из текста сенатского указа, данного в Военную коллегию 26 января 1722 г., известны имена глав этих канцелярий:

В Санкт-Петербургской — генерал-маюр Чернышов; в Московской — генералы-маюры Волков, Юсупов пополам; в Киевской —

⁶³ Подробнее о деятельности понудителей по обеспечению проведения подушной подати см.: *Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I. С. 66–68. О понудителях вообще см.: *Серов Д. О.* Понудители: (Из истории чрезвычайного контроля в России первой четверти XVIII в.) // «Мы были!» : Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха : материалы всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.) : в 2 ч. СПб., 2004. Ч. 2. С. 74–76 ; *Редин Д. А.* Ревизия И. С. Арсеньева: к вопросу об эволюции чрезвычайных институтов петровского времени // Проблемы истории России. Вып. 7. Источник и его интерпретации. Екатеринбург, 2008. С. 139–152.

⁶⁴ ПСЗ. Т. 6. № 3707.

⁶⁵ Документы показывают гораздо большее разнообразие наименований этих органов: «канцелярия переписных дел», «канцелярия расположения полков», «канцелярия ревизии свидетельства мужеского полу душ», «канцелярия следования и ревизии», наконец, «канцелярия ведения генерала-маюра (бригадира, полковника) имярек».

брегадир Левашов⁶⁶; в Азовской — полковник Мякинин; в Рижской — полковник Вельяминов; в Сибирской — полковник Сонцов; в Казанской — брегадир Фаменгдин; в Нижегородской — генерал-маэор Салтыков; в Астраханской — брегадир Фаменгдин⁶⁷.

Их деятельность подробно описана М. М. Богословским и существенно дополнена важными материалами, выявленными и проанализированными Е. В. Анисимовым⁶⁸. Это избавляет от необходимости подробно останавливаться на данном сюжете и позволяет лишь в общих чертах обозначить ту роль и те функции, которые сыграли переписные канцелярии в процессе формирования системы военных дистриктов и военно-фискальных администраций.

Практически с самого начала своего возникновения переписные канцелярии, помимо главной задачи — осуществления проверки данных переписи (а по сути — продолжения ее проведения), взяли на себя обязанности по размещению войск на зимних квартирах и организации аппарата взимания подушного налога, в первую очередь — по проведению уездных съездов для выбора комиссаров от земли.

Расписание полков на постой по губерниям было процедурой, оказавшей очень серьезное влияние на состояние административно-территориального деления страны. Дело в том, что округ, на территории которого располагался полк и население которого обеспечивало содержание полка путем выплаты подушной подати, образовывал особую административно-фискальную территориальную единицу — полковой

⁶⁶ В тексте документа на левом поле против данной строки — помета: «Вместо Левашова отправлен полковник Чернышов».

⁶⁷ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 127. Л. 23 об. В этом перечне отсутствуют Архангелогородская губерния и посланный туда переписчик. Из более поздних документов известно, что в роли такового в 1724–1725 гг. на территории губернии действовал генерал-майор Чекин (см. ниже).

⁶⁸ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 328–389; Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. С. 80–100. Если М. Богословский уделял основное внимание взаимоотношениям переписных канцелярий с местными властями, то Е. В. Анисимов акцентировал внимание на мерах, предпринимаемых ревизорами-переписчиками по выявлению утайки плательщиков и наказанию виновных в этом помещиков и представителей вотчинных администраций.

дистрикт. Сеть полковых дистриктов, таким образом, потенциально *накладывалась* на административно-территориальную сеть, образованную провинциями и дистриктами общего ведения в ходе второй областной реформы. Границы полковых и общеадминистративных (или, как их еще называют, камер-коллежских) дистриктов совершенно не совпадали друг с другом. И если география общеадминистративных дистриктов сегодня более или менее ясна, поскольку в ее основе лежала старая система уездного деления⁶⁹, то о географии полковых дистриктов мы до сих пор имеем самое смутное представление⁷⁰. Думается, что относительную ясность в этом вопросе можно будет получить только в результате специальных *региональных* исследований квартирования полков. Поскольку подобные исследования — дело неблизкой перспективы, постольку крайне важным остается выяснение общей географии размещения войск на зимних квартирах.

Однако даже этот вопрос решается чрезвычайно трудно ввиду двух обстоятельств. Во-первых, те или иные полки не всегда квартировали в тех губерниях и провинциях, с которых собиралась в их пользу подушная подать. Это усложняло структуру военно-административных органов управления и обеспечения таких полков: их полковой

⁶⁹ Говоря «более или менее», я имею в виду, что, хотя, как доказал еще М. М. Богословский, большинство общеадминистративных дистриктов появилось в результате простого переименования уездов, бывали случаи дробления уезда на дистрикты, объединения нескольких уездов в один дистрикт или выделения дистриктов в качестве особых низших единиц в составе уезда. Наконец, существовали дистрикты горнозаводского (берг-коллежского) ведения, организованные по образцу общеадминистративных, или камер-коллежских. См.: *Богословский М. [М.] Областная реформа*. С. 34, 49–51, 146–148. Своеобразие дистриктной организации в Сибирской губернии см.: *Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала*. С. 315–341.

⁷⁰ Отдельные опыты по изучению истории полковых дистриктов см.: *Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в.* Новосибирск, 2005. С. 113–117; *Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала*. С. 343–348; *Его же. Полковые дистрикты в системе местного государственного управления России первой трети XVIII века (На примере Сибирской губернии)* // *Проблемы социальной и политической истории России* / под ред. Р. Г. Пихои. М., 2009. С. 161–172. Надо признать, что всем указанным работам присущи предварительность суждений и разнообразные неточности в приводимых сведениях и оценках, что вполне понятно ввиду плохой изученности источниковой базы.

дистрикт с соответствующим аппаратом находился в одном месте, а собственно штаб полка и полковая канцелярия со всей полковой инфраструктурой — в другом. Во-вторых, неизвестно, изменялась ли со временем схема поста тех или иных полков, или она оставалась постоянной на протяжении периода существования военно-дистриктной организации. От точности изучения этих вопросов зависит точность наших представлений о деятельности военно-фискальных органов в системе государственных учреждений первой трети XVIII в.

По мнению М. М. Богословского, «первый общий план расписания полков на губернии был составлен в начале 1722 г.»⁷¹, то есть одновременно с указом о создании губернских переписных канцелярий в ведении генералитета и штаб-офицеров. Документы (указы Сената и Военной коллегии), отложившиеся в Канцелярии генерал-ревизора В. Н. Зотова, позволяют считать, что таковой план был составлен несколько ранее — 3 декабря 1721 г. именным указом императора. Именно на этот указ дается ссылка, предвещающая роспись армейских полков по дивизиям с указанием мест их дислокации на зимних квартирах. Эта роспись столь важна в качестве отправной точки в исследовании географии полковых дистриктов, что заслуживает быть приведенной полностью:

А в прошлом 1721 году декабря в 3 де[нь] по Его императорского величества указу армейские полки расписаны по дивизиям впредь до Его императорского величества указу по нижеписанному:

<i>Первая дивизия</i> Его императорского величества при лейб-гвардии	Те полки ныне на винтер-квартирах обретаются
<i>Полки:</i> Ингермоландской Астраханской Лефортовской Бутырской	В Москве

⁷¹ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 362.

Вторая, генерала и ковалера князя Репнина Драгунские: гранодерский Роппов	В Прилуках
Астраханской	В Танбовской правинции
Пермской	В Полтаве
Новогороцкой	В Шацкой правинции
Ингермоландской	В Лубнах
Сибирской	В Миргороде
Тверской	В Нежине
Псковской	В Гадиче
Каргополоской	В Рижской губернии
Азовской	В слободках полках в Сумском и Ахтырском
Нижегородской	В Севской правинции
Пехотные: Леснев гранодерские Капенгаузенов Смоленской Ярославской	В Рижской губернии
Нарвской Пермской Ростовской	В Ревельской губернии
Вязкой Выборской	В Нарвской правинции
Киевской Нижегородской Троицкой	В Питербурхе половина их, во Пскове; а другая отправля- етца в Ярославль, в Романов, в Углич, в Тверь
Третья дивизия, генерала и кова- лера барона фон Аларта Драгунские: гренадерский Кропотов	В Переяславле

Кроншлоцкой	В Арзамасе
Вязьмой	В Харькове и Вязьме
Казанской	В Елецкой провинции
Московской Архангелогородской Рязанской Ростовской	В Казанской губернии
Мекленбургской	На Валуях
Луцкой	В провинциях: в Воронежской
Вологодской	в Орловской
Нарвской	в Белогородской
<i>Пехотные:</i> Первой гренадерской Московский Санктпетербургской	Половина их в Ладозе и на Тихвине, и в Копорском уезде; а другая отправлена в Ярославль, в Углич, Романов, Тверь
Володимирской Новгородской	На Котлине острове
Тобольской Копорской	В Копорском уезде половина, а другая отправлена в Тверь, в Углич, в Романов, в Ярославль
Белогородской	В Нарвской провинции
Ренцелей	В Выборге
Галицкой	Во Пскове половина, а другая отправлена в Ярославль и другие тамошние города
Черниговской	На Олонце
гренадерский Алартон	На Котлине острове, а расклады- вается на число душ в Новгорт- кой провинции
<i>Четвертая</i> , генерала и ковалера князя Голицына [Драгунские:] гренадерской Хлопов	В Стародубе

Санктпетербурхской Олонецкой	На Вышнем Волочку и в Бежец- кой пятине
Ярославской	тот Ярославской полк расклады- ваетца на число душ в Новгороц- кой правинцыи
Володимерской	В Устюжне Железополской, и селах, и в деревнях
Новотроецкой Киевской Троицкой Невской	В Старой Рузе и в уезде, и в Де- ревской пятине
Тоболской	В Торопце, и в селех, и в дерев- нях
Ямбурской	В Торшку, и в селех, и в деревнях
Пехотные: 2 гренадерской Шляутенбурхской Казанской Азовской Псковской Великолуцкой Невской Архангелогороцкой	Половина тех полков в Питер- бурхе и в Копорском да в Ямбур- ском уездах, а другая половина отправлена во Тверь, в Угльчъ, Романов, Ярославль
Сибирской Воронежской Резанской Вологоцкой	В Новгороде половина, а другая отправлена в оные же города ⁷²

Заголовок правой графы росписи («Те полки ныне на винтер-квартирах обретаютца») как будто совершенно определенно указывает на то, что перед нами схема именно *расселения* полков. Уверенности в этом добавляет характерная оговорка, сделанная в отношении гренадерского пехотного Алартова полка. Он «обретаетца» на «Котлине

⁷² РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 127. Л. 25–27.

острову, а *раскладываетца* на число душ в Новгородской правинции». Перед нами один из тех случаев, когда дислокация полка на зимних квартирах не совпадала с территорией, тягелцы которой снабжали полк деньгами и припасами. Правда, в этом случае и расселение полка, и его обеспечение замыкались в рамках одной и той же губернии — Петербургской. Однако существовали и более сложные вариации. Так, например, армейские полки, положенные на содержание Сибирской губернии, размещались по зимним квартирам около Санкт-Петербурга⁷³; такой порядок предписывался в развитие общей установки, изложенной в именном указе от 5 февраля 1722 г.: «которые правинции далеко, и салдат раскладывать (имеется в виду расселять. — Д. Р.) нельзя, то те полки, которые на те места достанутца, поселить в Ингермонландии, Корелии, Лифляндии, Эстляндии»⁷⁴.

Насколько часто практиковались такие несовпадения дислокации и фискальной раскладки и исчерпывались ли они приведенными выше примерами — вопрос, который приходится отложить для дальнейшего исследования. Можно лишь предположить, что все-таки потребность этой практики ограничивалась здравым смыслом, заложенным в цитированном выше февральском указе Петра: армейские части должны были находиться в относительной близости от возможных театров военных действий, и их не следовало загонять, например, в Сибирь. Но это соображение не проясняет другого вопроса: насколько стабильным оставалось расположение полков по местам дислокации, зафиксированное в росписи от 3 декабря 1721 г.? М. М. Богословский, описывая дальнейшие обсуждения проблемы квартирования и снабжения армии, состоявшиеся весной 1724 г., считал, что первоначальное «распределение полков по губерниям в общем сохранилось такое же, какое было намечено в 1722 г.»⁷⁵. Но имеющиеся в моем распоряжении документы не позволяют абсолютно поддержать авторитетное мнение историка. Так, например, по росписи конца 1721 г. (начала 1722 г., по Богословскому) драгунский гренадерский Кропотова полк, входивший в состав

⁷³ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 127. Л. 28.

⁷⁴ Там же. Л. 24–24 об.

⁷⁵ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 362.

3-й дивизии генерала барона фон Аларта, должен был стоять в Переяславле. Тем не менее, в 1725 г. мы обнаруживаем, что его представители прибывают для принятия вечных квартир и организации сбора подушных денег в Суздаль, где и располагается в дальнейшем двор этого полка⁷⁶. Не совпадают данные росписи с последующей документацией по расположению и некоторых других полков. В «Регестре Володимерской правинцыи, кто от нижеписанных полков для принятия вечных квартир штап- и обор-афицеры определены...» перечислены представители Невского и Нарвского полков⁷⁷. К сожалению, в документе не уточняется, о каких полках — драгунских или пехотных — идет речь. Но в любом случае по росписи 1721 г. они не должны были оказаться во Владимире. Невскому драгунскому следовало стоять в Старой Руссе и в Деревской пятине; Невскому пехотному, в числе еще семи полков, отводились на постой Петербург и уезды и провинции Петербургской губернии (Копорье, Ям, Тверь, Углич, Романов и Ярославль). Нарвский драгунский по росписи 1721 г. предполагалось поселить в Белгородской провинции, а Нарвский пехотный — в Ревельской губернии⁷⁸. Видимо, со временем изменялась не только география дислокации полков, но и география территорий, с которых взималась подушная подать на их содержание. В 1722 г. на подушные деньги, собранные с Сибирской губернии, предполагалось содержать (помимо гарнизонных) пять армейских пехотных полков: Ингерманландский, Астраханский, Санкт-Петербургский, 1-й и 2-й гренадерские⁷⁹. Однако указом от 4 августа 1724 г. Петр распорядился вместо двух гренадерских «определить на сибирские деньги» Владимирский и Новгородский пехотные полки⁸⁰.

Таким образом, даже если отмеченные случаи были единичны и не меняли по существу первоначальную картину расположения полков, мы не можем абсолютно полагаться на роспись 1721 г.,

⁷⁶ РГАДА. Ф. 987. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 4.

⁷⁷ Там же. Л. 3.

⁷⁸ Там же. Ф. 350. Оп. 3. Д. 127. Л. 26–26 об.

⁷⁹ Там же. Л. 28.

⁸⁰ ПСЗ. Т. 7. № 4542.

считая картину, нарисованную ею, стабильной и неизменной. Кроме того, указанная роспись не учитывала гарнизонные полки. Общая раскладка всей регулярной армии была зафиксирована указом Военной коллегии от 28 февраля 1722 г.⁸¹ Расширяя наши представления о составе и структуре русской армии в 20-х гг. XVIII в., этот документ задает дополнительные загадки относительно географии полковых дистриктов. По общей логике, провозглашенной указом, гарнизонным полкам следовало «всем быть в тех же гварнизонах, в которых они ныне обретаются»⁸². Исходя из этого положения логично предположить, что местонахождение гарнизонных полков было, в отличие от полевых, стабильно: они квартировались в своих губерниях. Но уже сам текст указа опровергает подобные предположения. Четыре Ревельских и один Нарвский гарнизонные полки оказываются, согласно указу, «расположены на Московскую губернию». Архангелогородская губерния, на долю которой выпало содержание исключительно гарнизонных полков, помимо собственных двух, должна была принять три Рижских и один Перновский гарнизонные полки⁸³. Сравнение данных указа с первичной документацией показывает, что речь шла не просто о разложении содержания этих полков на души мужского пола «чужих» губерний, как могло показаться на первый взгляд, а именно об устройстве их слобод, то есть *о поселении этих полков за пределами своих гарнизонов*. Иначе невозможно истолковать, например, информацию, содержащуюся в доношении архангелогородского переписчика генерал-майора Ф. Г. Чекина в Военную коллегию от 12 октября 1724 г. В этом доношении, выясняя вопрос о том, где именно строить полковые дворы для собственно архангелогородских гарнизонных полков (полковников Гулица и Монастырева), генерал рапортует о том, что эта проблема решена относительно Динаменшанского полка Рижского гарнизона. Его полковой двор, по мнению Чекина, следовало воздвигнуть «на реке Ваге при Шенкурском посаде»⁸⁴.

⁸¹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 127. Л. 27 об.—28 об.

⁸² РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. Д. 127. Л. 28 об.

⁸³ Там же. Л. 27 об., 28.

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2. Оп. 7. Д. 11. Л. 163.

Таким образом, пытаясь разобраться с системой полковых дистриктов, следует учитывать, что в каких-то случаях и гарнизонные полки могли располагаться далеко за пределами своих гарнизонов.

Не проясняет ситуации и «Реэстр полевым драгунским и пехотным полкам, где полковые дворы по указу селить велено и ныне обретаются», приложенный вместе с другими документами к рапорту Военной коллегии Петру II от 24 августа 1727 г. В реестре три колонки: в первой перечислены наименования драгунских и пехотных армейских полков, сгруппированных не по дивизиям, как в декабрьской росписи 1721 г., а по губерниям; вторая имеет заголовок: «Селить велено» и, таким образом, представляет собой план размещения армии *после* 1727 г.; наконец, третья колонка, озаглавленная «Ныне обретаются», показывает местоположение полков на момент составления реестра, то есть к концу лета 1727 г. Если добавить к этому реестру еще одну колонку — сведения о расквартировании армейских полков по росписи от 3 декабря 1721 г., то можно получить информацию о том, насколько стабильной или нестабильной была география дислокации русской армии между концом 1721 г. и второй половиной 1727 г. (табл. 1).

Из 73 перечисленных в реестре армейских полков три в росписи 1721 г. отсутствуют. Из оставшихся 70 у четырех не указано место дислокации на 1727 г.; таким образом, мы не сможем понять, изменилось или нет их местоположение по сравнению с 1721 г. В итоге в нашем распоряжении остаются 66 подразделений полевой петровской армии, чьи места дислокации зафиксированы обоими документами. Нехитрые подсчеты показывают, что даже если предельно щадяще подходить к сравнению данных росписи 1721 г. и данных реестра 1727 г., считая позиции полка неизменными и в случаях частичного совпадения, то станет ясно, что к августу 1727 г. русская армия оказалась в значительной степени передислоцирована. Из 66 полков в лучшем случае только 15, то есть около 23 %, сохранили то местоположение, которое обозначалось в росписи 1721 г.

Таблица 1
Динамика размещения полков русской армии с 1721 по 1727 г.⁸⁵

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Лейб-режимент	При Санкт-Петербурге в Ямбургском уезде	В Новгороде	В росписи нет
Драгунский Кропотов	При Выборге	«Велено от Смоленска маршировать на Украину»	В Переяславе
Драгунский Санкт-Петербургский	«Драгунским 2 полкам, которые назначены селить при Ревеле и Риге, стоять по-прежнему по квартирам, а слобод не строить»	Не указано	В Вышнем Волочке и в Бежецкой пятине
Пехотный Каргопольский	«Драгунским 2 полкам, которые назначены селить при Ревеле и Риге, стоять по-прежнему по квартирам, а слобод не строить» (так!)	В Риге	В росписи нет
Пехотный Ингерманландский	Около Санкт-Петербурга	В Санкт-Петербурге	В Москве

⁸⁵ Сост. по: Сб. РИО. 1889. Т. 69. С. 14–17; РГАДА. Ф. 350. Оп. 3. А. 127. А. 25 об. — 27.

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Семить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Пехотный Астраханский	Около Санкт-Петербурга	В Ревеле	В Москве
Пехотный Санкт-Петербургский	Около Санкт-Петербурга	В Кронштадте	Часть — в Ладоге и на Тихвине, часть — в Ярославле, Угличе, Романове и Твери
Пехотный Московский	Около Санкт-Петербурга	В Ревеле	Часть — в Ладоге и на Тихвине, часть — в Ярославле, Угличе, Романове и Твери
Пехотный Владимирский	Около Санкт-Петербурга	В Кронштадте	На Котлине
Пехотный Новгородский	Около Санкт-Петербурга	В Кронштадте	На Котлине
Пехотный Зыков	При Кексгольме	В Кексгольме	В росписи нет
Драгунский Ярославский	При Старой Руссе	В Новгородской провинции	Разложен на Новгородскую провинцию
Пехотный Аларта	При Ладоге	В Санкт-Петербурге	На Котлине (разложен на Новгородскую провинцию)
Пехотный Галицкий	При Новгороде	В Ревеле	В Пскове и Ярославле

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Пехотный Архангелогородский	При Новгороде	В Риге	Часть — в Санкт-Петербурге, Копорском и Ямбургском уездах, часть — в Твери, Угличе и Ярославле
Пехотный Шлиссельбургский	В Великолуцкой провинции в Торопецком уезде	«Из Ревеля велено маршировать в Ригу»	Часть — в Санкт-Петербурге, Копорском и Ямбургском уездах, часть — в Твери, Угличе и Ярославле
Пехотный Псковский	При Пскове	В Риге	Часть — в Санкт-Петербурге, Копорском и Ямбургском уездах, часть — в Твери, Угличе и Ярославле
Пехотный Тобольский	При Угличе	Не указано	Часть — в Копорском уезде, часть — в Твери, Угличе, Романове и Ярославле
Пехотный Черниговский	При Бежецке	В Ораниенбауме	На Олонце
Пехотный Воронежский	При Кашине	В Риге	Часть — в Новгороде, часть — в Твери, Угличе, Романове и Ярославле

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Семить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Пехотный Копорский	При Твери	В Санкт-Петербурге	Часть — в Копорском уезде, часть — в Твери, Угличе, Романове и Ярославле
Пехотный Ренцеля	При Старице	Не указано	В Выборге
Пехотный Лефортовский	При Москве	«Батальон в Ревеле, а другой в Москве»	В Москве
Пехотный Бутырский	При Москве	«Батальон в Петербурге, а другой в Москве»	В Москве
Пехотный Ярославский	При Ярославле	В Риге	В Рижской губернии
Пехотный фон Гагена	При Ярославле	В Выборге	В росписи нет
Пехотный Пермский	При Романове	В Риге	В Ревельской губернии
Пехотный Смоленский	При Веневе	В Риге	В Рижской губернии
Пехотный Рязанский	При Епифани	В Санкт-Петербурге	Часть — в Новгороде, часть — в Твери, Угличе, Романове и Ярославле

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Пехотный Сибирский	При Алексине	В Риге	Часть — в Новгороде, часть — в Твери, Угличе, Романове и Ярославле
Пехотный Киевский	При Суздале	В Риге	Часть — в Санкт-Петербурге и Пскове, часть — Твери, Угличе, Романове и Ярославле
Пехотный Троицкий	При Костроме	В Санкт-Петербурге	Часть — в Санкт-Петербурге и Пскове, часть — Твери, Угличе, Романове и Ярославле
Пехотный Казанский	При Переяславле-Рязанском	В Выборге	Часть — в Санкт-Петербурге, Копорском и Ямбургском уездах, часть — в Твери, Угличе и Ярославле
Пехотный Выборгский	При Кауге	В Выборге	В Нарвской провинции

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Пехотный Великолуцкий	При Туле	В Риге	Часть — в Санкт-Петербурге, Копорском и Ямбургском уездах, часть — в Твери, Угличе и Ярославле
Пехотный Вятский	При Переяславле-Залесском	В Риге	В Нарвской провинции
Пехотный Нарвский	При Владимире	В Риге	В Ревельской губернии
Пехотный Невский	При Муроме	В Санкт-Петербурге	Часть — в Санкт-Петербурге, Копорском и Ямбургском уездах, часть — в Твери, Угличе и Ярославле
Пехотный Вологодский	При Вологде	В Выборге	Часть — в Новгороде, часть — в Твери, Угличе, Романове и Ярославле
Пехотный Нижегородский	При Нижнем Новгороде	В Санкт-Петербурге	Часть — в Санкт-Петербурге и Пскове, часть — Твери, Угличе, Романове и Ярославле
Пехотный Ростовский	При Юрьевце-Поволжском	В Нарве	В Ревельской губернии

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Пехотный Белгородский	При Василеве	В Риге	В Нарвской провинции
Арагунский Луцкий	В Казанской провинции	В Казанской провинции на Черемшанских форпостах	В Воронежской провинции
Арагунский Вологодский	В Казанской провинции	В Казанской провинции на Черемшанских форпостах	В Орловской провинции
Арагунский Казанский	При Казани	В Низовом корпусе	В Елецкой провинции
Арагунский Рязанский	При Казани	В Низовом корпусе	В Казанской губернии
Арагунский Московский	При Пензе	В Низовом корпусе	В Казанской губернии
Арагунский Астраханский	При Самаре	В Низовом корпусе	В Тамбовской провинции
Арагунский Новгородский	При Симбирске	В Низовом корпусе	В Шацкой провинции

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Арагунский Ростовский	При Саратове	В Низовом корпусе	В Казанской губернии
Арагунский Архангелогородский	При Царицыне	В Низовом корпусе	В Казанской губернии
Арагунский Ингерманландский	При Белгороде	На Украине	В Лубнах
Арагунский Невский	При Сумском полку	«На Украине ж Изюмского полку»	В Старой Руссе с уездом и в Деревской пятине
Арагунский Рапшов	При Изюмском полку	В Выборге	В Прилуках
Арагунский Нарвский	При Харьковском полку	«Велено от Смоленска маршировать на Украину»	В Белгородской провинции
Арагунский Тверской	При Ахтырском полку	При Царицынской линии	В Нежине
Арагунский Псковский	При Тамбове	При Царицынской линии	В Гадяче
Арагунский Нижегородский	При Козлове	«Велено от Смоленска маршировать на Украину»	В Севской провинции

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Драгунский Сибирский	При Валуяхах	На Украине	В Миргороде
Драгунский Азовский	При Старом Осколе	На Украине	В Сумском и Ахтырском слободских полках
Пехотный Азовский	При Полтаве	В Выборге	Часть — в Санкт-Петербурге, Копорском и Ямбургском уездах, часть — в Твери, Угличе и Ярославле
Драгунский Вятский	В Смоленске	На Украине	В Харькове и Вязьме
Пехотный Ласси	В Дорогобуже	В Риге	В Рижской губернии
Пехотный Кампенгаузена	В Поречье	В Риге	В Рижской губернии
Драгунский Киевский	«В Малой России полков не селить, а стоять драгунским полкам по-прежнему, когда скольким надлежит, по квартирам, а копеечных денег не собирать. А когда которые полки из Малой России переменины будут, а на их места другие определятся, тогда те,	«Велено от Смоленска маршировать на Украину»	В Старой Руссе с уездом и в Деревской пятине

Продолжение табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
	преждебывшие в Малой России, полки вводить в те слободы, которых полков на их места в Малую Россию вступят»		
Арагунский Троицкий	То же	«Велено от Смоленска маршировать на Украину»	В Старой Руссе с уездом и в Деревской пятине
Арагунский Пермский	То же	В Ревеле	В Полтаве
Арагунский Тобольский	То же	«Велено от Смоленска маршировать на Украину»	В Торопце с уездом
Арагунский Новотроицкий	То же	«Велено от Смоленска маршировать на Украину»	В Старой Руссе с уездом и в Деревской пятине
Арагунский Олонский	То же	Не указано	В Вышнем Волочке и в Бежецкой пятине
Арагунский Владимирский	Не указано	На Украине	В Устюжне Железопольской с уездом

Окончание табл. 1

Полки	Предполагаемая дислокация после 1727 г. («Селить велено»)	Местоположение на август 1727 г.	Местоположение по росписи 3 декабря 1721 г.
Драгунский Хлопова	Не указано	«Велено от Смоленска маршировать на Украйну»	В Стародубе
Драгунский Ямбургский	Не указано	«Велено от Смоленска маршировать на Украйну»	В Торжке с уездом

Что это означает для нашего исследования? Уточняет ли реестр 1727 г. наши представления о географии военных дистриктов? На мой взгляд, нисколько. Если традиционно понимать под полковым дистриктом территории, подушная подать с населения которых должна была идти на содержание расквартированных в них полков, то вышеприведенные документы показывают, что, во-первых, полки могли быть расквартированы совсем не на тех территориях, с населения которых собиралась подушная подать на их содержание; и, во-вторых, существенная передислокация полков за относительно короткий промежуток времени должна была совершенно разорвать зависимость между квартированием и раскладкой полков, их физическим нахождением и их полковым дистриктом. В противном случае нам придется признать, что система полковых дистриктов перекраивалась при всякой новой передислокации полков, что было бы слишком абсурдно даже для абсурдной Петровской эпохи.

Таким образом, можно предположить, что карта дистриктов как военно-административных податных единиц, примерно очерченная росписью 1721 г. и несколько скорректированная в 1724–1725 гг., когда армия более или менее расположилась на зимних квартирах, сформировалась именно к этому хронологическому рубежу. В дистриктах на полковых дворах водворилась податная полковая администрация и оставалась там и впоследствии, несмотря на передвижения полков в последующие годы. Военные дистрикты, таким образом, оказались связаны не столько с фактическим местом пребывания полков, сколько с физическим местом пребывания их податных администраций, с *местом раскладки*. Подтвердить или скорректировать это предположение могло бы обнаружение сводной ведомости дислокации полков 1724 или 1725 г., но повторю еще раз: полную общую картину военно-дистриктной организации возможно будет реконструировать с высокой степенью достоверности только в результате *сплошного изучения* сохранившихся локальных документов полковых дворов, что на сегодняшний день остается трудоемкой нерешенной задачей.

Если же вернуться к ситуации первой половины 1720-х гг., то следует признать, что разработчики первоначальных документов о расположении полков и не ставили перед собой задачи детализации

этой процедуры. По справедливому замечанию М. М. Богословского, такая работа «должна была происходить на местах, в области». Началась она в том же 1724 г., когда переписчики разъехались из Москвы по своим губерниям, «но продвигалась крайне туго»⁸⁶. Первого мая 1724 г., будучи в Сенате, Петр распорядился начать размещение армии в губерниях, сперва в Московской, потом — в граничащих с ней, и далее везде. Этот указ позже был продублирован сенатским от 19 мая того же года⁸⁷. В начале августа 1724 г. император вновь потребовал начать движение войск на «вечные квартиры», из чего следовало, что его майские распоряжения выполнены не были. Указ от 6 августа, объявленный из Сената, уточнял, каким образом следовало размещать полки: те из них, которые находились в 500 верстах от мест постоянной дислокации, надлежало ставить на квартиры полным составом; если полки находились на более значительном расстоянии от предписанного места расположения, то к «вечным квартирам» следовало немедленно отправить команды их представителей во главе с полковником. В составе этих команд следовало быть обер-офицерам от каждой роты, и по капитану, поручику, подпоручику, фендрику, сержанту и капралу, а также 30 человекам рядовых — от каждого батальона⁸⁸. Указанные команды должны были заняться подготовкой размещения личного состава и одновременно приступить к сбору подушных денег. Но, как известно, и августовский указ выполнен не был: полковые представители в большинстве случаев стали прибывать к местам расположения лишь в следующем 1725 г., и Петру уже не довелось дожидаться их рапортов — 28 января он скончался.

⁸⁶ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 363.

⁸⁷ ПСЗ. Т. 7. № 4503.

⁸⁸ Там же. № 4542.

2.5. На зимние квартиры?

ОТРЕВНОСТЬ поселения армии на зимних квартирах вызвала вопрос о том, каким образом эти зимние квартиры обустраивать. По мнению Петра, предпочтительным вариантом было строительство для войск специальных слобод на территории военного дистрикта, с населения которого собиралась подушная подать на содержание полка. Однако перспектива такого строительства не внушала оптимизма ни крестьянам, ни помещикам, хорошо понимавшим, что она обернется новой весьма обременительной повинностью. Большинство помещиков выразили намерение разместить войска постоем на крестьянских дворах. Какое-то время царь колебался в принятии окончательного решения, не исключая комбинированного принципа поселения армии (и на дворах обывателей, и в специальных слободах)⁸⁹, но к 1724 г., заняться

⁸⁹ Такими сомнениями Петр терзался давно. Еще в 1708 г., размышляя над поселением на зимних квартирах драгун генерал-майора О.-Р. фон Шаумбурга в Новгороде, царь предписал «построить близ города особливые дома и конские покои, дабы жителем от них обид и утеснения не было». Однако, когда 21 марта того же года кн. А. Д. Меншиков как губернатор Ингерманландской губернии, в состав которой входил Новгород, подал монарху доклад, в третьем пункте которого просил уточнения насчет строительства драгунских «особливых домов», то получил высочайшую резолюцию: «Домов не строить, а построить около Новагорода по знатым селам конюшни... где и драгуны при них же будут стоять». См.: РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 5. Л. 61 ; ПСЗ. Т. 4. № 2194.

о сохранении боеспособности армии, он в конце концов склонился в пользу строительства слобод⁹⁰. Это было закреплено как норма 19-м пунктом части второй так называемого «Плаката» от 26 июня 1724 г. — одного из базовых документов, определявших, наряду с «Инструкцией полковнику» и «Инструкцией земскому комиссару», круг должностной компетенции военных администраций. Согласно названному документу, личный состав полка располагался в отдельных слободах, в каждой из которых следовало селить не меньше капральства и не больше роты. В каждой слободе надлежало построить одну избу для сержанта, одну — для двух унтер-офицеров и избы для солдат из расчета одна изба на трех рядовых. Особое жилье полагалось воздвигнуть для старшего командного состава каждой роты: двор — для обер-офицеров, состоявший из двух офицерских изб и одной — для их «людей». «В середине полка» предписывалось выстроить штабной (или полковой) двор из восьми изб и при нем госпиталь, складские помещения и конюшни. Начать строительство солдатских слобод и полковых дворов «Плакат» предписывал с октября 1724 г., а закончить — к 1726 г. Согласно «Плакату», заготовление строевого леса «и прочих лесных припасов» возлагалось на тяглое населения уезда, в котором «полк квартиру иметь будет». Само строительство слобод становилось заботой личного состава полков. В тех местностях, где предполагалось содержать только офицеров-сборщиков и, соответственно, отсутствовала потребность постройки слобод для размещения солдат и полкового хозяйства, полковой двор строился силами тяглецов. Так в обиход вошло понятие *полкового (штабного) двора* — *комплекса жилых и хозяйственных построек* для «житья офицером и комиссару земскому»⁹¹.

Что представлял из себя этот комплекс? Его чертежи, равно как и чертежи солдатских слобод, были разработаны генерал-майором Г. П. Чернышевым, главой переписной канцелярии Санкт-Петербургской губернии, и предложены на рассмотрение императору, который и утвердил их в Сенате 4 августа 1724 г. Два дня спустя

⁹⁰ Анисимов В. Е. Податная реформа Петра I. С. 245.

⁹¹ ПСЗ. Т. 7. № . 4533.

эта конфирмация была оформлена именным указом, объявленным из Сената, и опубликована⁹², а копии с чертежей разосланы в губернские переписные канцелярии для исполнения. Одна из таких копий отложилась в переписке командира гарнизонного (его имени) пехотного полка полковника Гулица с Военной коллегией (апрель 1725 г.), расположенного в Архангелогородской губернии. Благодаря этому документу мы можем получить точное представление о том, как выглядел или, по крайней мере, как должен был выглядеть полковой двор. Его основу, в соответствии с уже цитировавшимся нормативом «Плаката», составляли восемь жилых помещений: для полковника, подполковника, майора, их денщиков и служителей, полковых адъютанта и писаря, квартирмейстера и обозного, аудитора и фискала, их денщиков и служителей. При этом старшие командиры полка занимали отдельные избы, а остальные должностные лица селились по два человека, занимая, таким образом, шесть из восьми домов. Денщики и служители штаб-офицеров и тыловых и юстицких чинов расселялись в двух остальных избах. В то же время из ведомости полковника Гулица можно узнать, что генерал-майор Г. П. Чернышов (вероятно, тогда же, 4 августа 1724 г., на представлении чертежей Петру I) предложил государю увеличить количество жилых построек, предусмотренных на полковом дворе нормами «Плаката», «понеже за многолюдством штапа во оные восемь изб уместитца невозможно». По его мнению, на полковом дворе следовало построить еще две избы: одну — для полкового провиантмейстера и одну — для комиссара (имеется в виду комиссар от земли) с подьячими и их служителями⁹³. Из цитируемого документа мы узнаем подробное описание хозяйственных, вспомогательных и жилых построек при полковом дворе, перечисленных в «Плакате» в общих чертах. Среди них мы находим три конюшни для офицерских и полковых лошадей, сарай для полковой амуниции и слободу из восьми изб для проживания 20 заротных чинов (музыкантов, слесарей и кузнецов), а также «караульных и полкового двора салдат и извошников». При полковом дворе находился и госпитальный

⁹² Там же.

⁹³ РГВИА. Ф. 2. Оп. 7. Д. 11. Л. 165.

двор, состоявший из шести изб. Четыре из них предполагались собственнo под госпиталь, для больных; в одной, при полковой аптеке, жил лекарь, а другая предназначалась для полкового священника и профоса. К госпитальному двору относились конюшня для «лекарских и аптекарских лошадей» и баня для больных, «которая учинена быть сверх указа, для того, что больным без оной пробывать невозможно»⁹⁴. Все эти сооружения занимали в общей сложности внушительную территорию: 69 саженей в длину и 50 в ширину; при переводе в метрическую систему мер это был прямоугольник приблизительно 147 на 106 м и площадью свыше 1,5 га — настоящий военный городок.

Можно себе представить, какая нелегкая задача предстояла тем, на чьи плечи ложилось строительство. А ведь кроме этого штабного городка, требовалось обустроить особые ротные слободы для более чем 120 пехотных, кавалерийских и гарнизонных полков петровской армии! Вероятно, вооружившись наконец чертежами и сообразив масштабы проекта, император был вынужден несколько пересмотреть свои требования к поселению войск и облегчить задачу подданным. Видимо, об этом его просили и начальники переписных канцелярий, в обязанности которых была вменена организация работ по строительству «зимних квартир». В связи с этим 6 декабря 1724 г. на свет появился сенатский указ, который на основании «Е. и. в. указу» повелевал:

По доношению генерал-майора Чекина и по рисункам *гарнизонным полкам*, которым по плакату в тех местах, на которые они расписаны, *слобод не строить*, а сделать для жилья офицерам и земскому комиссару полковые дворы по учиненным вновь рисункам, которые при указах посланы ко всем переписчикам⁹⁵.

Надо заметить, что уже упоминавшийся полковник Гулиц и его сосед по Архангелогородскому гарнизону полковник Монастырев чрезвычайно оперативно приступили к постройке своих полковых дворов, воспользовавшись возможностью только ими и ограничить-

⁹⁴ РГВИА. Ф. 2. Оп. 7. Д. 11. Л. 165 об.

⁹⁵ ПСЗ. Т. 7. № 4611.

ся. Из цитируемой ведомости можно узнать, что оба командира начали постройку дворов 8 и 10 декабря 1724 г. соответственно. Полковой двор полка Гулица дислоцировался возле Архангельского (Михайло-Архангельского монастыря), а полковой двор полка Монастырева — при деревне Кузнечихе (вероятно, неподалеку от Холмогор), поскольку «у города Архангельского, — как пояснял полковник Гулиц, — под оное полковых дворов строение тех удобнее мест не обретаецца». Подвозом стройматериалов и собственно стройкой занимались крестьяне Двинского, Кеврольского и Мезенского уездов и архангелогородские посадские. Очевидно, что перечисленные территории составляли полковые дистрикты названных гарнизонных полков, но где проходила их внутренняя граница, на основании имеющейся информации установить не представляется возможным.

По состоянию на 10 апреля 1725 г. на полковом дворе полка Гулица были выведены под крышу четыре жилые избы с сениями («тесом кроютца»). Другие четыре избы оказались «на сваи побиты и обложены». На госпитальном дворе полностью удалось соорудить только баню. У шести изб под госпиталь, аптеку, дом священника и профоса были срублены четыре нижних венца и намощены полы; под госпитальную конюшню и восемь изб для заротных чинов успели лишь набить сваи. Полковой двор полка Монастырева был почти готов:

... штапских восм изб, и промеж ими сени срублены, и верхние подволоки намощены, и внутренних оных изб строение, и двери, и окна, ставни — все зделано, и верхние кровли докрывают.

Правда, за сооружение госпитального двора Монастырева полка, похоже, еще и не брались, хотя «впредь к тому строению лес, мох и протчие припасы крестьянами приготавлиютца без остановки»⁹⁶. Если сведения, приведенные Гулицем, соответствовали действительности, то можно считать, что положение со строительством полковых дворов для этих гарнизонных полков находилось не в самом плачевном состоянии. Похоже, что очень немногие полки справились с заданием

⁹⁶ РГВИА. Ф. 2. Оп. 7. Д. 11. Л. 168–169.

в установленные сроки и поставили свои дворы к началу 1726 г., как то предписывалось «Плакато́м». М. М. Богословский, собравший некоторую информацию на этот счет, отмечал единичные случаи такого рода. По его данным, к сроку были построены полковой двор для Псковского пехотного полка в одноименной провинции да полковой двор в Бежецком дистрикте (наименование полка не указано). Строительство большинства (из попавших в поле зрения историка) дворов только начиналось весной-летом 1725 г., а в Азовской губернии к концу 1725 г. не сумели даже заготовить в необходимом количестве строевой лес⁹⁷.

Поняв, что масштабное строительство «зимних квартир» в отведенные сроки просто невозможно, власти пошли на очередной компромисс. Именным, объявленным из Сената указом новая государыня Екатерина I разрешила не принуждать «уездных жителей» к строительству квартир и размещать армию постоем по обывательским дворам. Что касалось полковых дворов, то указ предписывал окончить их к 1726 г. там, где такое строительство уже шло. Вероятно, именно такой двор, в котором отсутствовал ряд построек, предусмотренных чертежами Чернышева и воздвигнутый для нужд Ревельского гарнизонного полка, зафиксировала в 1730 г. документация Владимирской провинциальной канцелярии в Вымеготском стане Владимирского уезда близ села Унда́ла. На нем располагались обнесенные забором четыре избы-светлицы с «каморками» для начальствующего состава («штапская», «обер-афицерская», «камисарская» и земского писаря), каждая — в четыре окна; две светлицы по шесть окон каждая, соединенные сенями, под канцелярию и для солдат; две людские простые избы в два окна; две конюшни под офицерских и солдатских лошадей и погреб⁹⁸.

⁹⁷ Подробнее об этом см.: Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 372–375.

⁹⁸ РГАДА. Ф. 423. Оп. 2. Д. 136. Л. 14–16 об. Благодарю Е. С. Корчмину, предоставившую мне эти сведения. Впрочем, не исключено, что этот двор и не предполагал размещения всех подразделений полковой администрации, а изначально планировался только как резиденция сборщиков подушной подати, на что указывает функциональное предназначение помещений.

В тех случаях, когда для полковых дворов не успели запасти строительные материалы, окончание их сооружения продлевалось «впред сего времени на четыре года», а до того «от которых полков командированные в вечные квартиры вступили, тем быть по крестьянским дворам». Этот «милостивый указ», демонстрировавший (наряду с прочими, знаменовавшими вступление императрицы на престол), «матерное попечение» Екатерины о подданных и желание облегчить их тяготы, датирован в Полном собрании законов (возможно, ошибочно) 12 февраля 1725 г., а в ведомости полковника Гулица (где он приведен полностью) — 12 марта 1725 г.⁹⁹ Конечно, освобождение тяглого населения от обязательной постройки «зимних квартир» и смягчение условий по строительству полковых дворов были серьезной уступкой властей. Но и квартирование армии в домах крестьян и посадских тоже оставалось тяжелой повинностью, причем, в отличие от строительных работ, которые в конце концов должны были когда-нибудь закончиться, повинностью бессрочной.

⁹⁹ ПСЗ. Т. 7. № 4654; РГВИА. Ф. 2. Оп. 7. Д. 11. Л. 170–171.

2.6. Полковой двор и его обитатели, или Кто собирал подушную подать?

АК БЫ то ни было, но в историографической традиции принято считать, что под полковым двором понимался не только жилищно-хозяйственный комплекс, занятый «вышним и нижним штабом полка», но и некое *учреждение*. Например, М. В. Бабич, автор соответствующей статьи в современном словаре-справочнике «Государственность России», с самого начала определяет полковой двор как «местное учреждение военного управления»¹⁰⁰. Развивая свою мысль, историк продолжает, что «все полковые дворы были, вероятно, организованы как *особые относительно полковых канцелярий властные институты*». С этим наблюдением в определенном смысле следует согласиться: понятие полковой канцелярии как учреждения, сосредоточивавшего в себе делопроизводство по общему управлению, строевой и хозяйственной части полка¹⁰¹, существовало и до, и после организации полковых дворов, отличаясь достаточно ясной если не нормативно, то функционально определенной компетенцией. Но являлся ли учреждением полковой двор? Этот, казалось бы, совершенно надуманный вопрос, требует, тем не менее, прояснения.

¹⁰⁰ Бабич М. В. Полковой двор // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.) : словарь-справ. : в 6 кн. Кн. 3 (А–П). М., 2001. С. 329.

¹⁰¹ Военная энциклопедия : в 18 т. Пг., 1915. Т. 18. Полковое управление. С. 545–547.

Чтобы понять структуру и функционирование полковых дворов как учреждений, следует обратиться к законодательству, в первую очередь к тем трем хорошо известным в историографии нормативно-законодательным актам, которые были изданы 26 июня 1724 г. — к уже цитировавшемуся «Плакату», «Инструкции полковнику» и «Инструкции земскому комиссару» и примыкающему к ним именному указу «О должности полковника по наблюдению земской полиции».

В двух из названных документов — «Инструкции земскому комиссару» и указе «О должности полковника» — полковые дворы не упоминаются вовсе. Возможно, этому не стоит удивляться, учитывая, что эти акты являются вторичными по отношению к «Плакату» и «Инструкции полковнику», почти дословно повторяя или несколько уточняя положения последних в частях, касающихся полномочий земского комиссара (комиссара от земли) и административно-полицейских функций полковника. В «Плакате» и «Инструкции полковнику» информация о полковых дворах есть, хотя она не слишком обильна. Полковой двор трижды фигурирует в первом документе и трижды — во втором, всего шесть раз. Эта скромная статистика сама по себе тоже, возможно, не показательна; гораздо большее значение для наших изысканий представляет из себя контекст этих упоминаний.

Первый раз понятие «полковой двор» встречается в п. 4 ч. 1 («О земском комиссаре») «Плаката», где речь идет об организации съезда местного дворянства или местных «обывателей» (в районах, где дворянства нет) для выборов земского комиссара. В соответствии с нормативом, выборщикам следует *свезжаться на полковой двор*, который, таким образом, устанавливается в качестве *места* проведения процедуры выборов. Два следующих упоминания полкового двора мы обнаруживаем в п. 19 ч. 2 («О полковнике с офицеры») «Плаката»; в данном пункте содержатся общие указания о строительстве зимних квартир, в том числе о том, *чьими силами* следует осуществлять названные работы. Пр процитируем этот фрагмент:

Также в середине полка сделать штабу двор восемь изб, и при том дворе шпиталь и сарай на телеги и ящики полковые... а строить те слободы и *дворы полковой* и штабной и прочее полками (то есть силами личного

состава полка.— Д. Р.). <...> А которые полки будут поселены около Санкт-Петербурга и в других тамошних местах... слобод не строить; сделать токмо для житья офицерам и комиссару земскому *полковые двory* крестьянами¹⁰².

Три упоминания полковых дворов, содержащиеся в «Инструкции полковнику», сконцентрированы в пространном п. 12 («Когда полк от квартир будет в отлучении, кого оставить в квартирах и как им поступать»). Так, офицерам, остающимся на зимних квартирах, полагалось «иметь в том месте квартиру вкупе с комиссарами от земли *на полковом дворе*» (п. 12.1); им же надлежало «*полковой двор* того полку иметь... в прилежном смотрении, дабы был цел; и буде что попортится, чинить оставшими при полку солдатами» (п. 12.3); наконец, «когда по окончании года будет им перемена, тогда им, офицерам, всю свою комиссию... отдать; а *полковой двор* сдать по описи тем офицерам, которые на перемену им... присланы будут» (п. 12.5)¹⁰³.

Таким образом, все шесть упоминаний полковых дворов, читаемых в нормативных документах, определявших базовые права и обязанности военно-фискальной администрации, красноречиво и единодушно говорят о том, что полковой двор понимался законодателем *исключительно как место, как жилой и хозяйственный комплекс*, в рамках которого происходили те или иные действия, проживали и функционировали те или иные люди; как физический объект, который мог ветшать и ломаться и который надо было поддерживать в пригодном состоянии. Все это не дает нам основания видеть в полковом дворе *учреждение*.

Впрочем, петровское законодательство, как, может быть, никакое иное (во всяком случае, в имперский период российской истории), отличалось высокой степенью недосказанности. Оно изобиловало умолчаниями, противоречиями и часто лишь отражало некие общие намерения власти, имевшие порой мало общего с текущей действительностью. Поэтому при всей важности анализа нормативно-зако-

¹⁰² ПСЗ. Т. 7. № 4533. Ч. 1, п. 4; Ч. 2, п. 19.

¹⁰³ Там же. № 4534. П. 12.1, 12.3, 12.5.

нодательной базы было бы несправедливо делать какие-либо окончательные выводы о фактах и явлениях административной жизни страны без обращения к материалам канцелярского делопроизводства, без привлечения тех источников, которые фиксировали рутину управленческой повседневности.

Самым надежным маркером, указывающим на существование учреждения, является наличие его наименования в качестве субъекта делопроизводственной корреспонденции. Известно, что любая официальная бумага содержала в своем заголовке видовое определение документа (приказ, промемория, ордер, рапорт, доношение и т. п.), а также указания на адресанта и адресата переписки. Именно эта информация наглядно отражала сам факт наличия учреждения и его место в административной иерархии. Среди имеющихся в моем распоряжении архивных выписей, относящихся к различным сторонам деятельности военно-фискальных администраций за 1724–1735 гг., есть около двух десятков документов, в которых полностью воспроизведены наименования учреждений-контрагентов. Два десятка прецедентов — не слишком внушительная выборка из всего массива сохранившихся дел, но и они способны дать пищу для размышлений. Первое, что бросается в глаза, — редкое упоминание полковых дворов в качестве субъектов переписки. В любом случае они не преобладают, а в тех ситуациях, когда встречаются, не могут быть истолкованы однозначно как указания на инстанционную сущность полкового двора. Так, в 1731 г. была послана в Верхотурскую воеводскую канцелярию промемория «Новгородского армейского пехотного полку *ис полкового двора збору подушных денег* за рукою капитана Казакова»¹⁰⁴; в том же 1731 г. на «*на полковой двор к подушному збору*» в Тюмени поступило доношение, а по сути — извет, в котором доноситель обвинял одного из подъячих Тюменской воеводской канцелярии в уклонении от уплаты подушной за кабального человека¹⁰⁵. «Сибирского гварнизона Тобольского пехотного полку *в полковой двор к подушному збору*» пришла промемория «ис Тюменской канцелярии воевоцкого правления»

¹⁰⁴ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4913. Л. 40.

¹⁰⁵ Там же. Д. 2122. Л. 30.

(1731)¹⁰⁶. И, наконец, совсем интересное: «Орловской правинции в канцелярию смотрения над подушным сбором города Новосиля ис полкового двора доношение» (1735)¹⁰⁷. В приведенных случаях смущает то, что в них понятие «полковой двор» как бы двоится, дополнение «к подушному сбору» в конце концов превращается в противопоставление: «из полкового двора» — «в канцелярию смотрения над подушным сбором». И это смущение только нарастает, когда мы начинаем знакомиться с другими делопроизводственными формулировками, которые явно преобладают и в которых полковой двор все более «уходит в тень» и вовсе исчезает, уступая место другим учреждениям, занятым делами, вроде бы возложенными, по традиционным историографическим представлениям, на полковые дворы. В этих формулировках несомненный приоритет принадлежит понятию «канцелярия сбора подушных денег» — учреждению, не предусмотренному законодательством о военно-фискальных администрациях. Эти канцелярии существуют при полках и вступают в переписку между собой: «Промемория Суздальской правинции Дерптского полку из канцелярии сборов подушных денег той же правинции от канцелярии гранодерского Кропотова полку из канцелярии сборов подушных денег» (1725)¹⁰⁸; «Промемория Тобольского гарнизона Санктпетербургского пехотного полка из канцелярии збора подушных денег в Тюменскую канцелярию збора подушных денег» (1725, 1726)¹⁰⁹ — вариант: «Промемория ис канцелярии подушного збору Санктпетербургского армейского пехотного полку в канцелярию подушного збору Тобольского гварнизона Санктпетербургского полку» (1726)¹¹⁰. Им адресуются учреждения общего и специального управления: «Промемория из Тюменской канцелярии судебных дел в канцелярию Сибирского гарнизона Санктпетербургского полку збора подушных денег» (1726.)¹¹¹; «Промемория ис Тюменской канцелярии воевоцкого правления к збору подушных

¹⁰⁶ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4913. Л. 35.

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 1042. Оп. 1. Д. 212. Л. 18.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 987. Оп. 1. Д. 2. Л. 56, 60.

¹⁰⁹ ГАТО. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; Д. 6. Л. 27.

¹¹⁰ Там же. Д. 6. Л. 8.

¹¹¹ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 46. Л. 15.

денег Сибирского гварнизону на Тоболской полк» (1731)¹¹². Они выдают подорожные, как, например, поступила Тюменская канцелярия сбора подушных денег в отношении крестьян Григория Луганинова и Ильи Кулакова, посланных ею на розыск беглых крестьян (1726)¹¹³. Их обращения заслушивают на заседаниях: «Протокол заседания Сибирского обер-бергамта № 429. Того ж числа слушав промеморию Новогороцкого пехотного полку *ис канцелярии сбора подушных денег*» (1726)¹¹⁴; «Протокол заседания Сибирского обер-бергамта № 453. Того ж числа слушав промеморию *из Исецка ис канцелярии подушного сбора* Санктпитербурхского армейского пехотного полку» (1726)¹¹⁵. На фоне этого массива, где канцелярия сбора подушных денег (канцелярия подушного сбора) — главный актер, даже формулировка: «Из Исецка с полкового двора с вечной квартиры Санктпитербурского армейского пехотного полку в Тюмень на полковой двор Тоболского гварнизона Санктпитербурхского полку» (1726)¹¹⁶ не позволяет однозначно решить вопрос о том, что представляли собой полковые дворы с точки зрения их институциональности. Нам придется признать, что либо в системе местных военно-податных учреждений, созданных в ходе подушной реформы, существовали две инстанции (заметим в скобках — неясной соподчиненности) — *полковой двор и канцелярия сбора подушных денег*, либо под полковым двором следует понимать место, в котором располагалось учреждение — вышеупомянутая канцелярия.

Если допустить первое¹¹⁷, то остается непонятным, почему полковой двор редко фигурирует в качестве устойчивого субъекта документооборота или, говоря другими словами, в качестве устойчивого

¹¹² ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 2122. Л. 22 об.

¹¹³ ГАТО. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 6. Л. 250.

¹¹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 175 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 191 об.

¹¹⁶ ГАТО. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

¹¹⁷ Надо признаться, автор этих строк первоначально разделял именно эту точку зрения, априорно считая, что полковые дворы являлись вышестоящими учреждениями по отношению к канцеляриям подушных сборов — своим филиальным конторам. См.: Редин Д.А. Полковые дистрикты. С. 164, 169.

контрагента канцелярии сбора подушных денег и других органов местного управления? Второе предположение представляется более правдоподобным. На полковом дворе — в военном городке — располагались несколько учреждений: штаб полка (полковое управление в составе полковника, штабных офицеров разного ранга, тыловых и юстицких чинов), полковая канцелярия (учреждение, ведущее разнообразное делопроизводство полка) и *канцелярия сбора подушных денег* — специализированное местное учреждение военно-фискального (военно-податного) управления. В совокупности этих инстанций старшинство принадлежало, несомненно, штабу, и в первую очередь полковнику. Как недвусмысленно показывают все соответствующие нормативно-законодательные акты, полковнику принадлежала вся полнота власти как внутри полка, так и по всему широкому кругу вопросов, которые породила сама ситуация постоя войск на зимних квартирах и взимания подушной подати. Безусловно подчиненная полковнику полковая канцелярия (самая простая и ближайшая аналогия — подчиненность воеводе воеводской канцелярии) его именем могла в случае необходимости вторгаться в решение проблем, выходящих из круга исключительно полковых дел, и заниматься делами, связанными со сбором подушного налога (о подобной ситуации мы узнаем, например, знакомясь с протокольной записью Сибирского обер-бергамта, в котором слушалась промемория *«ис канцелярии Новогороцкого полку»* о рассылке с офицером этого полка «доношений и копиев с указов, посланных ... в приписные слободы *о зборе подушных денег»* (1726)¹¹⁸. И наконец, канцелярия сбора подушных денег, которая по первоначальному замыслу являлась учреждением, специализировавшимся на всех операциях, связанных с обслуживанием нового прямого налога. Это ее состав определялся в общей части п. 12 «Инструкции полковнику» («Когда полк от квартир будет во отлучении, кого оставить в квартирах и как поступать»): «... Оставить в тех квартирах *для приему и отправления тех денег* и прочего, в его [полковника] небытность одного капитана и с ним одного прапорщика, одного писаря и одного капрала да для караула

¹¹⁸ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 18 об.

и посылок и для счета денег 16 человек рядовых...»¹¹⁹ В «Инструкции» у этой команды нет собственного наименования; вероятно, оно появилось уже в ходе функционирования военных администраций и, как нередко бывало в русской практике госуправления, не отличалось стабильностью, чаще обозначаясь как «канцелярия сбора подушных денег», или как «канцелярия подушного сбора», или как «канцелярия смотрения над подушным сбором». Тем не менее, суть от этого не менялась: различные формы наименования четко определяли главное функциональное предназначение этого органа. Базируясь на полковом дворе, канцелярия сбора подушных денег могла (при отмеченной неустойчивости наименования) отождествляться с полковым двором, так сказать, институционно, что порождало формулы вроде приведенных выше: «*на полковой двор к подушному сбору*». Такое уточнение имело смысл в тех случаях, когда на полковом дворе присутствовали *все* учреждения военной администрации. В ситуациях, когда на полковом дворе оставалась *только* канцелярия подушного сбора, но выбывал полковник со штабом и полковой канцелярией, возможны были формулировки, подобные уже цитировавшейся: «Из Исецка с полкового двора с вечной квартиры Санктпитебурхского армейского пехотного полку в Тюмень *на полковой двор* Тоболского гварнизона Санктпитебурхского полку» (1726)¹²⁰. В данном случае происходит полное отождествление канцелярии подушного сбора и полкового двора (хотя в подавляющем большинстве случаев переписка между двумя этими полками фиксирует именно канцелярии, а не дворы). Использование подобной формулировки, являвшейся, в общем-то, отступлением от практиковавшейся нормы, может быть также объяснено сменой подъячего, ведущего делопроизводство, его стилевыми и терминологическими предпочтениями.

Приведенные соображения, основанные на изучении делопроизводственной документации военно-податных администраций, вполне коррелируют с данными нормативно-законодательных актов, разобранных выше. При всех возможных вариациях, которые

¹¹⁹ ПСЗ. Т. 7. № 4534. П. 12.

¹²⁰ ГАТО. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.

потенциально несет в себе еще не выявленный круг документальных комплексов аналогичного происхождения, кажется наиболее обоснованным признать, что полковой двор как «местное учреждение военного управления» есть историографический миф. Структура местных учреждений военно-фискального управления, возникшая в ходе введения подушной подати, была сложнее и включала в свой состав полковника с его штабом и полковой канцелярией и канцелярию сбора подушных денег. Последняя, располагавшаяся вместе с вышеуказанными на полковом дворе, играла в этом управлении ключевую роль, которая приобретала едва ли не всеобъемлющий характер в тех случаях, когда по каким-то причинам полковник с офицерами покидали полковой двор — центр своего полкового дистрикта.

2.7. Административный коллапс

ВАЗВЕРТЫВАНИЕ в регионах широкой сети военных учреждений самым серьезным образом изменило административный ландшафт России. Строго говоря, это стало ощущаться еще до того, как на территориях губерний и провинций застучали топоры, возвестившие начало строительства солдатских слобод и полковых дворов — с того момента, когда текущая жизнь области оказалась подчинена диктату переписных канцелярий — органов чрезвычайного, или экстраординарного управления. Их бесцеремонное властное вторжение в сферу компетенции ординарных органов общего и специального управления, созданных в ходе второй областной реформы, прекрасно описал М. М. Богословский. Характеризуя положение провинциальной администрации в 1720-х гг., историк замечал: «... кроме приставленного к ней гвардейца, надзор которого тяготел над нею (речь идет о так называемых гвардейцах-“понудителях”. — Д. Р.), сверху ее давил властный и требовательный переписчик, с боков сжимали полковые командиры»¹²¹.

При всем всевластии переписных канцелярий, парализовавших, по словам Богословского, провинциальные администрации и контролировавших деятельность полковых органов местного управления, они мыслились законодателем как все-таки временное явление управленческой системы. На это указывает сам процесс законодательного

¹²¹ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 402.

обеспечения деятельности переписных канцелярий: оно формировалось казуистически на протяжении относительного длительного (по меркам очень динамичного петровского царствования) времени. После окончания переписи переписные канцелярии предполагалось ликвидировать. Полковые администрации, напротив, выстраивались как учреждения постоянного характера. Петр, судя по всему, предполагал, что их век будет долг, и именно поэтому снабдил эти учреждения одновременно опубликованным массивом нормативов, носивших столь же «пакетный» характер, каковой был присущ нормативам функционирования областных администраций 1719 г. И это обстоятельство представляется крайне любопытным с точки зрения эволюции всей теории и практики государственного строительства Петровской эпохи. Не вдаваясь пока в подробности, отмечу, что сравнение актов, обеспечивавших работу местных органов военного управления и органов провинциального управления, демонстрирует редукцию полномочий вторых в пользу первых по целому ряду основных направлений.

В этом легко убедиться, рассмотрев полномочия полковника и его офицеров, изложенные в инструкциях и «Плакате» 1724 г. в сравнении с полномочиями воевод/губернаторов и чинов провинциальной администрации 1719 г. Даже с формально-юридической точки зрения это сравнение оказывается не в пользу последних. Инструкции 1719 г. в большинстве своем содержат обязывающие нормы права. По букве и духу они в предельной степени ставят чины местных администраций в положение механических исполнителей воли центральной власти, постоянно напоминая им: «Ты должен». Инструкции 1724 г., обращенные к полковнику и офицерам полка, скорее исполнены уполномочивающими нормами права, предоставляя *возможность* совершать те или иные действия.

Как упоминалось выше, организуя расселение войск и введение подушного налога, Петр вместе с тем не намеревался вовсе исключить из этих процессов руководство губерний и провинций. Воеводы в соответствии с инструкцией 1719 г. наделялись достаточно широкими возможностями для участия в проводимой реформе и даже имели определенные контролирующие функции. Воеводе придавались функции третейского судьи «в обидах, ссорах и непорядках», кото-

рые могли возникать между военными и тяглецами; вменялся надзор за деятельностью комиссаров от земли в процессе раскладки и сбора подушной подати; он был полномочен следить, чтобы крестьяне «не были обидимы» от военных как при сборе средств на их «жалованье и прочее», так и при осуществлении рекрутских наборов¹²². Все эти административные права были сведены на нет инструкциями 1724 г., изъывшими весь круг вопросов, связанных со сбором подушного налога и отправлением рекрутской повинности, в пользу военных учреждений. Даже контроль над комиссарами от земли — представителями местного населения, подведомственного общим администрациям, — оказался в руках полковников. Нормативно именно на них были возложены заботы о проведении уездных съездов по выбору комиссаров, а вопрос наказания нерадивых комиссаров решался таким странным образом, что оставлял большой простор для толкований, позволяя решать его по ситуации¹²³. Воеводу полностью устранили от контроля за снабжением войск, проходящих маршем через вверенную ему провинцию¹²⁴.

Вопиющим изъятиям подверглись prerogatives областных администраций в сфере общего администрирования, полицейского контроля и судебных полномочий. «Инструкция» 1719 г. вменяла в обязанности воевод попечение о земской полиции, общий надзор за соблюдением законности (содержать всех подданных своей провинции «по государевым уложениям», «стараться, чтоб никому насилия и грабежа чинено не было»), борьбу с «воровством и всякими разбоями и преступле-

¹²² ПСЗ. Т. 5. № 3294. П. 8, 11, 27, 35.

¹²³ В соответствии с п. 4 ч. 1 «Плаката», провинившийся земский комиссар подлежал суду дворянского уездного съезда, подконтрольного командованию полка (на практике эти процедуры оказались вообще в руках переписных канцелярий). Норма гласила, что в этом случае наказание виновных осуществлялось, «не описываясь губернаторам и воеводам», если речь не шла о совершении земскими комиссарами тяжких преступлений, караемых смертью или «публичным наказанием» (здесь действовали полномочия надворного суда, и лишь в случае его отсутствия — воеводы), см.: ПСЗ. Т. 7. № 4533. Явно противореча «Плакату», «Инструкция полковнику» однозначно предписывала отдавать провинившегося комиссара «земскому суду», «согласясь с губернатором или воеводою»: ПСЗ. Т. 7. № 4534. П. 11.

¹²⁴ Ср. на этот счет положения «Инструкции, или наказа воеводам» (п. 11) и «Плаката» (п. 6) : ПСЗ. Т. 5. 3294; Т. 7. № 4533.

ниями»; давала право проводить розыск и осуществлять наказания¹²⁵. Совершенно иначе расставляли акценты нормативно-законодательные акты 1724 г. Борьба с преступностью на территории полкового дистрикта отдавалась в исключительную юрисдикцию полковникам (шире — военной администрации). Эта норма, провозглашенная в общем в п. 11 ч. 2 «Инструкции полковнику», существенно уточнялась в указе «О должности полковника», перечеркивая всякое право воевод в подобных делах. Полковник прямо обязывался охранять «от всяких обид и налог» «уездных людей», а их «притеснителей» «арестовывать и писать» (п. 2)¹²⁶. Под контроль военной администрации попадали также такие важнейшие административно-полицейские функции, как розыск и поимка беглых, пресечение укрывательства беглецов (включая наложение и взыскание штрафов с укрывателей), процедура выдачи паспортов и даже надзор за переводом крестьян внутри владений одного душевладельца. Воеводам и губернаторам во всех этих действиях отводилась исключительно вспомогательная роль. Так, например, пойманных беглых предписывалось сдавать под временное содержание воеводам; надо полагать, такая уступка была сделана лишь оттого, что в распоряжении последних имелись подходящие для этого тюремные помещения¹²⁷. Судебная юрисдикция воевод была сведена до права соучастия в совместном разбирательстве конфликтов и правонарушений, возникавших при столкновениях субъектов разной ведомственной принадлежности (между военными и гражданскими лицами)¹²⁸, — порядок, так живо и, в сущности, справедливо напомнимый М. М. Богословскому нормы «сместного» или «вопчего» суда, практиковавшегося в средневековой России¹²⁹.

Наконец, законодательство 1724 г. позволило военным учреждениям вторгнуться непосредственно во внутриведомственные распоряжения общих администраций: под контроль полковников были поставлены командирования воеводами приказных людей внутри уезда. Надо за-

¹²⁵ ПСЗ. Т. 5. № 3294. П. 12, 13, 14.

¹²⁶ ПСЗ. Т. 7. № 4534, 4535.

¹²⁷ Там же. № 4533. Ч. 2, п. 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17.

¹²⁸ Там же. № 4535. П. 12, 13.

¹²⁹ Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. С. 394.

метить, что поездки подьячих по селам и деревням зачастую являлись одной из форм вымогательства с населения «кормов». Такие поездки всегда характеризовались как «бездельные» и время от времени попадали в поле зрения местных властей, пытавшихся их если не запретить, то ограничить. Однако «Инструкция полковникам» предписала *все* случаи командирования приказных согласовывать с полковым командиром расквартированной в местности части; последнему следовало выделить в сопровождение подьячему своих солдат, чтобы чиновники «порядочно и без раззорения чинили, а не так как прежде было раззорение от посланных»¹³⁰. Оставим в стороне рассуждения о том, насколько действенен был новый порядок; документы свидетельствуют, что такие командировки, «усиленные» солдатами-надзирателями, приводили к еще большему «раззорениям» крестьян. В этой норме важно то, что она, как и все остальные, оказалась направленной на сужение полномочий местных администраций. В конечном итоге даже первые лица губерний и провинций оказались поднадзорны полковым командирам. Указ «О должности полковника» устанавливал право командира расквартированного полка отслеживать, насколько губернаторы и воеводы усердно исполняют посылаемые им сенатские и коллежские указы, обязывал докладывать в вышестоящие инстанции на нерадивых начальников и даже давал полномочие «чинить на них взыскание», если на то будет получена санкция соответствующего центрального органа¹³¹.

Таким образом, уже изначально на законодательно-нормативном уровне военным администрациям были приданы такие широкие возможности, что они вполне могли чувствовать себя хозяевами положения. Сложность ситуации заключалась, помимо прочего, еще и в том, что установления 1724 г. *не отменяли* инструкции 1719 г. Такая законодательная несогласованность, очень характерная для петровского царствования, создавала многочисленные зоны напряженности как в межведомственных отношениях, так и в отношениях между различными властными инстанциями и населением. Разумеется, она давала простор и для злоупотреблений, оставляя разрешение конфликтных

¹³⁰ ПСЗ. Т. 7. № 4533. Ч. 2, п. 1.

¹³¹ Там же. № 4535. П. 20.

ситуаций на волю случая, усиливая традиционное: «кто сильнее, тот и прав». В этом отношении чаще всего оказывались сильнее органы военного управления. На их стороне были не только покровительство могущественных переписчиков и Военной коллегии, но и реальные ресурсы — воинские контингенты. Практика показывает, что реализация власти на местах, в текущей повседневности, обычно осуществлялась даже не полковниками, а офицерами, ответственными за сбор подушной подати, — главами канцелярий подушных сборов, квартировавших на полковых дворах. Именно эти майоры, капитаны и прапорщики становились настоящими конкурентами воевод, предельно широко трактуя в свою пользу полномочия, предоставленные законодателем.

Для примера приведу несколько случаев, которые достаточно разнопланово характеризуют коллизии, возникавшие в ходе деятельности офицеров-сборщиков, погодно возглавлявших канцелярии сбора подушных денег в дистриктах своих полков. Предваряя возможные упреки в иллюстративности, замечу, что подобных эпизодов можно привести гораздо больше, и представленные показательны именно как *неуникальные*.

В 1725 — начале 1726 г. канцелярию сбора подушных денег Санкт-Петербургского пехотного полка Сибирского гарнизона возглавил майор Алексей Леонтьевич Гречанинов. Особого полкового двора для его полка построено не было. Под майорскую квартиру, постой солдат и канцелярию подушного сбора воеводская канцелярия отвела обывательские дворы в Тюмени («покамест будут зделаны вечные квартиры», которые, кстати сказать, так «сделаны» и не были). Команда, состоявшая при Гречанинове, была, вероятно, укомплектована в соответствии с нормами; во всяком случае, его преемник капитан Эртланге, принявший должность в следующем году, располагал таковой (сержант, капрал, солдат «за писаря» и 15 рядовых)¹³². Совершенно определенно имелись в подчинении майора Гречанинова и необходимые канцелярские кадры: подъячих ему предоставила все та же Тюменская воеводская канцелярия¹³³. Свою деятельность глава

¹³² ГАТО. Ф. И-166. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–7.

¹³³ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 2. Л. 2–2 об.

канцелярии сбора подушных денег Санкт-Петербургского гарнизонного пехотного полка начал с того, что, водворившись в Тюмени, по каким-то причинам остался недоволен отведенными ему помещениями. Собственно канцелярию он «самовольством своим» перевел из двора ямщика Ивана Петкова на двор посадского человека Василия Полигалова, а свою квартиру — из двора «тюменского обывателя» Матвея Головкова¹³⁴ на двор посадского Осипа Шишкина. То ли по жалобе Полигалова, то ли по инициативе воеводы, которому наверняка были не по душе самоуправства майора, канцелярию сбора подушных денег переместили «по указу» еще раз — на двор тюменца Ивана Быкова. На этом вроде бы хлопоты с размещением военной администрации закончились. Но проблемы с самим Гречаниновым только начинались.

Чувствуя себя главным командиром в дистрикте, майор со своими солдатами не только с примерной жестокостью принялся взыскивать недоимки по подушным, «забывая» порой выдавать после правежа положенные квитанции, но и вершить «правосудие», также нисколько не стеснясь в средствах. Так, по приказу Гречанинова солдат Дмитрий Фролов, отправленный в село Спасское на Пышме «для збору подушных денег», между делом взыскал в деревне Другановой с «бухаретина» Рембачи Майсина восемь гривен долгу по челобитью жителя деревни Червишевой Григория Утешева, предварительно избив Майсина палкой и продержав под арестом в кузнице. Видимо, «за труды» солдат «выколотил» с Майсина еще 20 алтын в свою

¹³⁴ Матвей Головков приобрел всероссийскую скандальную известность в результате службы судебным комиссаром Краснослободского дистрикта Тобольского уезда Сибирской губернии в начале 1720-х гг. В 1723 — начале 1724 г. генерал-майор В. И. Генин, глава Сибирского обер-бергамта и следственной канцелярии своего имени, осуществивший масштабный розыск по деятельности чиновников местных администраций, получил на Головкова 60 челобитных, изобличавших судью во взятках и вымогательстве (Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала. С. 304, 306). Тогда Матвею Головкову удалось избежать наказания при покровительстве судей Тобольского надворного суда, но должности он в конце концов лишился, а его случай как вопиющий пример судебных злоупотреблений был описан в сенатском указе от 21 февраля 1727 г. (ПСЗ. Т. 7. № 5051). Вздорный и склочный нрав Головкова проявлялся и в быту, когда он уже как частное лицо проживал в родной Тюмени, скандала и сутяжничая с бывшими сотоварищами по управленческому ремеслу и с соседями (ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 16. Л. 17; Д. 49. Л. 76).

пользу, что, правда, при последующем разбирательстве отрицал, не запираясь при этом в самом факте взыскания долга, очевидно, полагая это вполне правомочным. Такими же побоями Гречанинов добился от отставного солдата Василия Котовникова «отдачи ево пожитков» в пользу снохи солдата, вероятно, ввязавшись в имущественный спор по челобитью последней. Крепко досталось от всесильного майора солдатской жене Ульяне Важениной. Сначала, как доносила впоследствии Важенина, к ней в дом пришли посланный от Гречанинова солдат и местный поп Архангельской церкви Иван Иванов, обратившийся в канцелярию сбора подушных денег со взысканием с Важениной кабалы в 21 руб. Солдат «взял грабежом» с челобитчицы ее «пожитки» — шапку-«кораблик» на овчине, рукавицы и кусок сукна и отдал священнику, а после доставил на квартиру к своему начальнику. Там за несчастную женщину взялся сам майор и «бил ее палкой насмерть», требуя отдать кабалу, после чего, отправив в канцелярию сбора, пришел туда сам, раздел Важенину до нижней рубахи и продолжил правож. Сумма, представленная ко взысканию, была слишком велика; очевидно, Гречанинов не добился выплаты в первый день истязаний, и солдатская жена каким-то образом умудрилась добраться до местной канцелярии судебных дел и подать комиссару Федору Фефилову челобитье на майора. Она сумела назвать пятерых свидетелей учиненной над ней расправы, а проведенное по горячим следам освидетельствование (челобитная была подана через день после описываемых событий) показало, что «на челобитчице Ульяне битых мест явилось плеча и спина сини, и левая рука запухла». Эти случаи (очевидно, как доказанные, но не единственные эпизоды) были зафиксированы и поданы в Тобольский надворный суд, о чем Тюменская судная канцелярия известила промеморией канцелярию сбора подушных денег Санкт-Петербургского гарнизонного полка, дела в которой к этому времени (промемория датирована 30 марта 1726 г.), вероятно, принял уже упоминавшийся капитан Эртланге.

Примечательно, что начальнику канцелярии подушного сбора инкриминировались не «бой и грабеж», в чем его и его солдат обвиняли челобитчики, а превышение полномочий и вторжение в компетенцию

судебных учреждений¹³⁵. Думаю, что тюменский судебный комиссар Ф. Фефилов, сам известный вымогатель и взяточник, не раз за свою долгую административную карьеру бывавший под следствием¹³⁶, воспользовался случаем покончить с зарвавшимся военным и поступил так, как на его месте поступил бы любой другой «гражданский» администратор. Не менее любопытно и то, что в то время как часть населения чувствовала себя жертвой произвола военной администрации, другая искала ее покровительства, предпочитая обращаться с исками не в суды и даже не к воеводам, а к офицерам-сборщикам. При этом, как видно в том числе и из инцидентов по делу Гречанинова, лица, прибегавшие к помощи своеобразного военного «правосудия», по своему социальному статусу были такими же рядовыми подданными империи, как и их ответчики. Это лишь подтверждает предположение М. М. Богословского о том, что, возможно, «оно (уездное население. — Д. Р.) само обращалось к нему (“суду” военной администрации. — Д. Р.) и предпочитало его как более близкий, так как он находился в пределах дистрикта, как более дешевый, если он действительно не взимал пошлин, а относительно справедливости решений стоявший едва ли на низшем уровне сравнительно с воеводским»¹³⁷.

Если вторжение в судебные прерогативы органов общего управления и даже собственно судов было для канцелярий сбора подушных денег и их начальников делом обыденным, то не менее обыденным стало предельно широкое толкование фискальных полномочий военных администраций. Созданные для сбора подушного налога, они скоро стали ставить под свой контроль весь фиск в целом, практически вытесняя из этой сферы и губернаторов с воеводами, и специальные камер-коллежские местные органы, в первую очередь земские камерирские конторы и земских комиссаров дистриктов общего управления. В этом военно-податные учреждения могли рассчитывать и на поддержку своего могущественного центрального покровителя — Военной коллегии, которая своими указами легализовывала всевластие офицеров-сборщиков. Во всей полноте напряженность в отношениях

¹³⁵ ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 46. Л. 15–16 об.

¹³⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 24. Л. 149–150 об.

¹³⁷ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 401.

между гражданскими и военными администрациями в вопросах фиска обнаружилась, например, в конфликте двух капитанов — Казакова, возглавлявшего канцелярию подушного сбора на полковом дворе Новгородского армейского пехотного полка в Верхотурье, и Воейкова, верхотурского воеводы. Суть его заключалась как раз в том, что два чиновника никак не могли определить, в чьей зоне ответственности находился вопрос сбора недоимок с 1724 г. по *всем* платежам, включая подушные, таможенные и канцелярские сборы. Капитан Казаков, опиравшийся на указ Военной коллегии, был абсолютно уверен, что этот вопрос находится в его компетенции. Цитируя предписания своего ведомственного начальства, Казаков настаивал, чтобы местные воеводы, включая верхотурского, способствовали ему «чинить следствие и взыскание» по названным недоимкам, присылая доимочные ведомости из воеводских канцелярий к нему на «помянутой полковой двор збору подушных денег в канцелярию». Для проведения этой масштабной работы был задействован весь аппарат военной администрации — комиссар от земли и «командированные к подушному збору драгуны и салдаты». В случае надобности Казаков мог требовать «в прибавку» от губернатора и воевод служилых людей и рассыльщиков. Для «того следствия и взыскания» воеводы Верхотурья, Тюмени, Пельима и Туринска должны были отправить на полковой двор «особливых подъячих и щетчиков, также и к тому делу бумагу и чернила»¹³⁸. Пикантность ситуации состояла в том, что на дворе стояла осень 1731 г. Уже несколько лет верховная власть, в первую очередь в лице Верховного тайного совета, пыталась разобраться с петровским административным наследием и внести изменения в его «архитектуру» и функционирование. Одна из тенденций этого процесса заключалась в попытке предельно сократить полномочия военно-податных учреждений, сфокусировав их исключительно на сборе подушной подати и поставив их деятельность под контроль местных учреждений общего управления. Несмотря на это, правящие круги вследствие полного расстройств системы местного управления не могли решительно отказать от участия военных в податном процессе, по-прежнему рассматривая их универсальным

¹³⁸ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4913. Л. 40–41 об.

инструментом фиска и давая возможность деятелям вроде капитана Казакова чувствовать себя вполне полномочными давать распоряжения губернским и воеводским канцеляриям своих дистриктов относительно сбора недоимок по всем видам налогов. Что же говорить о периоде второй половины 1720-х гг., когда местные военные учреждения находились на пике своего могущества и «камерирское ведомство фактически не допускалось ни к каким сборам»¹³⁹?

Справедливости ради надо заметить, что не все местные учреждения оказались заложниками военно-податных администраций. Вполне успешно и спокойно их притязания на подведомственную территорию и население отклонял Сибирский обер-бергамт — региональный орган специального управления, курировавший горно-металлургическую промышленность на огромных пространствах от Приуралья до Западной Сибири. В 1726 г. это учреждение несколько раз отказывало в привлечении крестьян своего ведомства к строительству полкового двора Новгородского пехотного полка в Верхотурье и не давало офицерам-сборщикам и комиссарам от земли собирать с приписных и мастеровых подушную подать¹⁴⁰. Впрочем, у регионального горного начальства были на то нормативные основания, могущественное покровительство в лице государя, с исключительной заботой относившегося к развитию металлургии и горного промысла, деятельное отраслевое начальство в лице Берг-коллегии и, наконец, несокрушимый руководитель Вильгельм-Георг де Геннин, единственный обладатель генеральского звания в Сибирской губернии, человек нестигаемой воли, облеченный особыми полномочиями царского эmissара. Таким образом, отношения Сибирского обер-бергамта с местными военными администрациями представляли собой то исключение, которое лишь подтверждало правило.

¹³⁹ Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого. С. 399.

¹⁴⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 18 об. — 19; 37 об., 44; Д. 194. Л. 51 об., 53, 191 об. — 192.

2.8. Тяжелая ликвидация последствий

Произвол и хаос, которые были связаны с распространением власти военных учреждений на провинцию, достаточно подробно и ярко описывали все авторы, так или иначе обращавшиеся к сюжетам административной и финансовой истории второй половины 1720-х гг. Но была ли повинна в них сама военная администрация как таковая? Вопрос этот решается не так просто, как может показаться на первый взгляд, равно как непросто ответить на вопрос, насколько она оказалась эффективна. Повод для размышлений дает анализ событий, связанных с демонтажом петровских местных органов управления, предпринятым его преемниками в 1726–1727 гг. Его событийная канва исследована достаточно хорошо, и в этом смысле очередное обращение к данному сюжету едва ли привнесет что-то существенно новое. Но осмысление произошедшего все еще оставляет большой простор для интерпретаций.

В первую очередь хочется обратить внимание на то, с какой легкостью произошла ликвидация системы местного управления, созданного в ходе второй областной реформы, и насколько неоднозначно происходила процедура реорганизации местного военно-податного аппарата. Обычно принято считать, что с петровским наследием в сфере организации власти на местах было покончено уже в 1727 г. К этому же времени относят и ликвидацию полковых дворов. В уже упоминавшемся словаре-справочнике «Российская государственность», который

может считаться в известной степени итоговым трудом по истории российского государственного управления, в статье, посвященной полковым дворам, 1727 г. со всей определенностью назван тем рубежом, после которого полковые дворы «следует считать окончательно ликвидированными»¹⁴¹. Наверное, с этим можно было бы согласиться, если считать полковой двор учреждением. Но как было показано выше, полковой двор не был учреждением и не может быть отождествлен с военно-податным органом местного управления. Приняв это во внимание, необходимо еще раз вернуться к хорошо известным документам (в первую очередь нормативно-законодательным), чтобы понять, *что именно* ликвидировала верховная власть в 1727 г. и каким образом перемены, провозглашенные указами 1727 г. и ближайших последующих лет, повлияли на статус и полномочия местных военных администраций.

Оживленные обсуждения дальнейшей судьбы местных административных структур, обмен мнениями среди членов Верховного тайного совета по этому вопросу в 1726 г. показали, по словам М. М. Богословского, «открытое несочувствие новым областным учреждениям», что происходило «благодаря сознанию неудачи областных учреждений, выяснившейся на практике»¹⁴². В этих дебатах совершенно четко обнаружилась главная тенденция, обретшая к 1727 г. облик правительственных распоряжений: система провинциального управления должна быть предельно упрощена и избавлена от всех избыточных звеньев. В русле этих общих настроений был вынесен приговор и военным администрациям, оформленный февральскими и мартовскими указами того же 1727 г. Наиболее решительно он оказался сформулирован в именном указе от 9 февраля 1727 г., состоявшемся в Верховном тайном совете. Основные положения этого указа, касавшиеся судьбы военно-податных учреждений, сводились к следующему. Офицеры-сборщики и подчиненные им команды должны были по получении указа немедленно «отрешиться» от «всяких дел и сборов» и прибыть к своим частям. Вся полнота полномочий и ответственности за сбор подушного налога переходила в руки губернаторов и воевод. Последним оказывались подчинены и земские комиссары воен-

¹⁴¹ Бабич М. В. Полковой двор. С. 331.

¹⁴² Богословский М. [М.] Указ. соч. С. 488.

ного ведомства, обязанные сдать дела губернскому и провинциальному руководству. Оставаясь непосредственными агентами сбора, земские комиссары (комиссары от земли) и приданные им подьячие теряли право разъезжать по уезду и должны были принимать свозимый им подушный налог в городах — центрах уездов и провинций¹⁴³.

Буквально две недели спустя, 24 февраля, объявленный из Верховного тайного совета Сенату именной указ несколько скорректировал радикальные нормы предыдущего¹⁴⁴. Нет, полномочия в контроле над сбором подушной подати он по-прежнему оставлял за общей администрацией. Более того, ряд положений указа был направлен на укрепление авторитета воеводской власти и на усиление служебной субординации в структуре местных «гражданских» властей. Самым важным шагом в этом направлении стало уничтожение всех «лишних управителей» и их канцелярий, к каковым были отнесены надворные суды и канцелярии земских комиссаров (имелись в виду земские комиссары камер-коллежского ведомства). 15 марта 1727 г. в именном указе, почти полностью повторявшем указ от 24 февраля, к упраздняемым «лишним» добавились земские камериры с их конторами¹⁴⁵. Все полномочия ликвидированных должностей и учреждений передавались в ведение губернаторов и воевод, равно как и городские магистраты и крестьяне синодального ведомства. Что же касается контроля над подушным сбором, недоимками и рекрутской повинностью, то указы 24 февраля и 15 марта, подтвердив необходимость роспуска военных администраций, предписали, тем не менее, придать «для вспоможения» воеводам по отставному штаб-офицеру с командой из урядников и рядовых. Определяя подчиненное положение таких штаб-офицеров по отношению к воеводам статусом «товарища», верховная власть попыталась подстраховаться, видимо, отдавая себе отчет в том, что офицеры, привыкшие за последние годы быть полновластными хозяевами в провинции, не так легко смирятся с положением вторых лиц. Во избежание «какой распри» между «товарищами»-офицерами и воеводами, указы наделяли последних

¹⁴³ ПСЗ. Т. 7. № 5010.

¹⁴⁴ ПСЗ. Т. 7. № 5017.

¹⁴⁵ ПСЗ. Т. 7. № 5033.

«рангом полковничьим», «чтоб тот ранг иметь им, пока воеводою будут». Полковничье звание могло быть оставлено за воеводами и после отставки в качестве награды за добросовестную службу. И воеводы, и их товарищи из числа офицеров подчинялись, в силу изложенных указов, губернаторам. В «приписных» городах, не имевших воевод в предшествующие годы реформ, также следовало назначить таковых.

Изменяли названные указы и схему размещения армии. Полки следовало вывести из уездов и расселить по городам, расположенным по преимуществу в приграничных районах, в местах, изобилующих дешевым хлебом и лесом. Новый план расселения армии в городах нашел свое отражение в уже упоминавшемся «Реестре» от 24 августа 1727 г. Любопытно, что, меняя принцип квартирования войск, правительство вовсе не отказывалось от идеи использования для этих нужд особых полковых дворов и солдатских слобод. В соответствии с указом 24 февраля, Военная коллегия должна была провести инвентаризацию уже построенных дворов и слобод и перевезти их водою или подводами на новые места дислокации полков, если того потребует ситуация. Поэтому говорить о том, что полковые дворы были уничтожены распоряжениями 1727 г., некорректно, даже если понимать под ними исключительно постройки.

Таким образом, если ликвидация результатов петровских преобразований системы местного управления в целом происходила с удивительной быстротой, то не так просто оказалось реализовать реорганизацию военно-податных администраций. Даже редуцировав их до уровня отставного штаб-офицера при воеводе и комиссаров от земли, подчиненных тем же воеводам, даже приравняв воевод к полковничьему рангу, Петербург не смог ни снять напряженность в отношениях между гражданскими и военными чиновниками, ни решить проблемы организации подушного налога. «Передача сборов местным властям, — писал по этому поводу Е. В. Анисимов, — привела к распрям воевод с военными, ибо постановления не оговаривали четко компетенции каждой из сторон. Кроме того, оказалось, что силами лишь одной местной администрации собирать подати и недоимки невозможно»¹⁴⁶. В этом-то и заключалась главная проблема. Ликви-

¹⁴⁶ Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. С. 281–282.

дация разнообразных местных учреждений специального управления, предпринятая Верховным тайным советом, мера, в общем-то, разумная, не устранила главного рифа, о который многократно разбивался корабль благих намерений Петра Великого, — острого кадрового дефицита. В борьбе с хроническими недоимками, в разборах бумажных завалов годами не исполнявшейся отчетности было невозможно обойтись без армии! Уже со следующего 1728 г. столичные власти вновь стали наращивать военное присутствие в местных администрациях. В январе, 2-го числа, сенатским указом предусматривалось «командировать из полевых и гарнизонных команд от каждого полка на свою вечную квартиру, где который полк на подушные деньги расположен», по одному обер-офицеру с капралом и 16 солдатами для осуществления помощи в сборе подушных денег и проведения рекрутских наборов¹⁴⁷. И хотя указ подтверждал узкую функциональную задачу этих воинских команд и их подчиненность воеводской власти, сама их структура, численный состав, сам факт появления воскрешали пугающие контуры вездесущих канцелярий сбора подушных денег такого недавнего прошлого. В любом случае это была другая тенденция, не радикально, но заметно отличавшаяся от намеченной прошлогодними указами, и можно только согласиться с Ю. В. Готье, считавшим, что «указ 2 января 1728 г. был отменой одного из самых важных пунктов указов 9-го и 24-го февраля и 15-го марта предыдущего года», что «это было возвращение к старым петровским обычаям посылать офицеров туда, где гражданские власти оказывались несостоятельными»¹⁴⁸. Эта тенденция была закреплена резолюцией Верховного тайного совета на доношение Военной коллегии от 25 февраля 1730 г., удвоившей число офицеров и солдат при подушном сборе¹⁴⁹, и превратилась в реальность в 1731 г. На заседании Кабинета министров от 8 ноября 1731 г. подтверждалось решение Сената о взыскании подушной доимки по 1730 г. офицерами «на вечных квартирах». Исключение делалось

¹⁴⁷ ПСЗ. Т. 8. № 5221.

¹⁴⁸ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II : в 2 т. М., 1913. Т. 1. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. С. 38–39.

¹⁴⁹ ПСЗ. Т. 8. № 5506.

для Москвы: там полномочия по сбору недоимок передавались под контроль генерал-лейтенанта М. Я. Волкова¹⁵⁰. В несколько особом положении оказалась и Сибирская губерния. Восстановление именным указом от 20 декабря 1730 г. Сибирского приказа вывело местные учреждения из ведения коллегий «финансового блока» по вопросам фиска. Контроль за сбором платежей и недоимок по таможенным, кабацким и канцелярским сборам вновь переходил в руки губернатора и воевод, но вопросы, касавшиеся подушной подати, так же, как и в остальных губерниях, оставались за офицерами-сборщиками, действовавшими на основании указов Военной коллегии, Сената и Верховного тайного совета рубежа 1720–1730-х гг.¹⁵¹

Лишь к началу 1736 г. правительство приняло радикальные меры для окончательного подчинения процедуры сбора подушных денег гражданской администрации. Это произошло в рамках общей реформы военного управления, связанной с ликвидацией Кригс-комиссариата и включением его в состав Военной коллегии. Среди прочего высочайше утвержденный доклад Сената от 26 января, узаконивший преобразования, изменял принципы и структуру административного обеспечения взимания подушного налога. В этом смысле наиболее важными явились 5-й и 8-й пункты доклада. Они лишали военную администрацию всех полномочий, кроме узкофискальных. Полки теряли право командировать для сбора подати действующих офицеров. Теперь на эту роль снова следовало наряжать лишь отставников. По сути, ликвидировалась система полковых дистриктов: сбор подушной подати со второй половины 1736 г. следовало осуществлять только поуездно. Признавая, что прежняя практика провоцировала со стороны военных команд взяточничество и вымогательства при сборе налога, власть устанавливала строго фиксированную тарификацию их содержания и передавала все случаи нарушений с их стороны суду воевод и губернаторов. Последние получали и право общего контроля над деятельностью офицеров у подушного сбора¹⁵².

¹⁵⁰ Сб. РИО. Т. 104. № 3.

¹⁵¹ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 4913. Л. 40–45.

¹⁵² ПСЗ. Т. 9. № 6872.

Оценивая опыт реализации административной составляющей податной реформы, приходится признать, что она в конечном итоге не смогла вписаться ни концептуально, ни практически в общую систему управления, создававшуюся в последние годы жизни Петра I. Органы местного коронного управления в идеале мыслились императором как важный элемент «хорошо организованного государства». Однако, будучи слабо обеспеченными в финансовом и кадровом плане, обремененные многими обязанностями и лишённые права инициативы, они показали свою неработоспособность, в том числе в обслуживании задач эффективной ресурсной мобилизации. Это вынудило монарха прибегнуть к организации целой системы органов экстраординарного контроля и управления, важное место в которой заняли военно-податные учреждения, представленные канцеляриями сбора подушных денег. Находясь в противоречивом взаимодействии с учреждениями ординарного (гражданского) управления, военно-податные администрации по своей природе не могли удовлетворять задачам функционирования государственного механизма в длительной перспективе. Они затрудняли и подрывали деятельность «правильного» администрирования, лежавшую в основе создаваемого Петром *Polizeistaat*, и лишь позволяли добиваться краткосрочного эффекта в удовлетворении текущих сиюминутных потребностей власти. В последние годы петровского царствования противоречия между ординарными и экстраординарными учреждениями, камералистскими идеалами и практикой чрезвычайщины, «ручного управления» завели конструирование государственного механизма в тупик. Для разрешения этого противоречия и выхода из кризиса управления преемникам реформатора пришлось предельно упростить структуру общей администрации и редуцировать военно-податные органы.

Этюд 3

Что такое взятка?

**Частные вознаграждения
должностных лиц в речевом обиходе
Петровской эпохи**

3.1. О чем говорят слова?

ольшое разнообразие терминов, которыми современники маркировали различные формы частных вознаграждений должностных лиц, само по себе требует поставить вопрос о семантической дифференциации этих форм. Что скрывалось за словами? Это тем более необходимо прояснить, поскольку в разнообразных трудах современных историков-юристов, социологов, политологов, политических антропологов, посвященных феномену взятки, последнюю часто отождествляют с кормлениями, почестями или посулами, не усматривая между ними принципиальных различий¹. Между тем, эмпирический опыт показывает, что однород-

¹ Примечательно в этом отношении название одной из подобных статей: Федунков В. В. Взятка как вид должностных преступлений в законодательстве России XV–XVIII вв. // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2011. Т. 24 (63). № 2. С. 89–95. Из него видно, что автор *argiori* считает, что взятка существовала в России уже в XV в. Другой исследователь, В. В. Гаврилов, видит истоки мздоимства, которое он прямо считает (наряду с лихоимством) «историческим обозначением» современных понятий «коррупция» и «взяточничество», в практике XII в., глухо ссылаясь на некие русские летописи (Гаврилов В. В. Борьба с коррупцией в России при Петре I и Екатерине II // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2011. Т. 24 (63). № 2 С. 36–41), а С. А. Алимпиев и вовсе пишет о появлении коррупции в эпоху становления Древнерусского государства в IX–XI вв., полагая возможным говорить о «государственных чиновниках» этого периода, чья безнаказанность в получении кормлений = взятки обуславливалась отсутствием

ные названия нередко маскируют различные смыслы: меняющийся контекст мог менять суть явлений, не меняя их вербального оформления². Равно, известно и другое: одно и то же явление не исключает обилия синонимических вербализаций. В любом случае и та, и другая ситуация побуждают к их специальному рассмотрению. Попробуем же почитать слова таким образом, чтобы понять, как говорил шекспировский Полоний, «в чем там дело».

Базой для этого контента, точнее — его ядром, послужили материалы петровского царствования, что естественно, если учесть, что именно в этот период происходит интенсивное реформирование в сфере законодательства и судоустройства, приведшее, кроме прочего, к криминализации различных видов частных подношений должностным лицам³. Тем не менее, ряд рассматриваемых терминов имел бытование и ранее, в том числе задолго до рассматриваемой эпохи. Поэтому в определенных случаях позволю себе ретроспективные хронологические отступления, которые дадут возможность зафиксировать семантические сдвиги, свойственные тем или иным словоупотреблениям.

соответствующих санкционных норм в Русской Правде. См.: Алимпиев С.А. Эволюция уголовно-правовой нормы о получении взятки по законодательству России в дореволюционный период (IX–XIX вв.) // Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. 2006. № 13 (68). Сер. Право. Вып. 8, т. 1. С. 21–27. Эти примеры можно продолжать бесконечно.

² Как одна из самых хрестоматийных историй такого рода вспоминается долгая дискуссия о социальном статусе смердов в Древней Руси — старшие поколения российских историков хорошо ее помнят. Это один из тех случаев, когда научный спор выдохся, не выявив победителей, быть может, и потому, что оппоненты, похоже, не учитывали возможных смысловых вариаций при употреблении слова «смерд» и его производных в памятниках письменности XII и XIV–XV вв.

³ Имеется в виду принятие целого ряда указов 1713–1722 гг. (так называемых «запретительных указов»), направленных на пресечение практики злоупотребления должностью, в том числе на получение неформальных вознаграждений. Ключевым среди них являлся именной указ от 24 декабря 1714 г., впервые в русском праве сформулировавший общее понятие преступного и запретивший все виды поборов с частных лиц (ПСЗ. Т. 5. № 2871). Подробнее см.: Редин Д.А. Должностная преступность в петровской России: отношение современников // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время) : сб. ст. памяти акад. А. В. Черепнина / отв. ред. акад. В. А. Янин, В. Д. Назаров. М., 2010. С. 837–846.

Уязвимость любого контент-анализа заключается в его заведомой неполноте, невозможности составления исчерпывающей источниковой базы. Вопрос репрезентативности той или иной выборки зачастую становится спорным хотя бы потому, что мы никогда не можем абсолютно точно установить ее количественную «норму»: что есть необходимо и достаточно? Поэтому я заранее готов принять критику потенциальных оппонентов и удовлетвориться признанием того, что выводы, сделанные мною, носят промежуточный характер, достаточный для выстраивания некоторой аргументированной гипотезы — одной из возможных, не более. Но обозначенные позиции подкрепляет то, что я предлагаю рассмотреть семантику интересующих слов в системной целостности с их аксиологией; иными словами, в данном случае важны изменения не только их смысловых, но и оценочных характеристик, которые, по моему убеждению, способны в значительной мере помочь понять место и роль изучаемых через слова явлений в структурах повседневных социальных практик и современных им социальных/культурных дискурсов. Именно это обстоятельство, как представляется, позволяет компенсировать очевидные количественные ограничения и расширить результативность итоговых выводов.

Прежде чем подвергнуть анализу те или иные варианты контекстного бытования терминов, определявших случаи разнообразных практик частных вознаграждений должностных лиц, и попытаться отличить взятку от *не-взятки* в представлениях людей изучаемой эпохи, надо зафиксировать, в каких текстах существовали эти самые контексты. В данном случае происхождение текста, его исходная практическая направленность, то есть понимание того, с какой целью, для чего и кем создавался текст, не только служат повышению эффективности источниковедческого инструментария, но приобретают самостоятельный смысл.

Определяясь с текстами, я изначально отказался от анализа нарратива. Летописи, церковные поучения, публицистика, морализаторские сочинения различного происхождения, полные сетований на несправедное устройство мира, в том числе на продажность власти и алчных судей, нисколько не продвинут в изучении предмета, а скорее, наоборот, еще больше затемнят его суть из-за своего слишком

общего характера. Причитания о том, что справедливость покинула суды, правда чужда земным владыкам, а их корысть не знает предела, формируют целую отрасль словесности, пронизывая эпохи, народы и континенты. Их стилистика пугающе схожа, а степень обобщения столь велика, что предполагает лишь один вывод: мир устроен несправедливо. Не буду оспаривать эту архетипическую истину, в конце концов, на то она и истина. Но исследователя интересует иное: если мир несправедлив, то *как именно?* В определенном месте и времени, в представлениях именно этих людей, их отдельных групп и индивидуумов. Для ответов на вопросы такого рода нам понадобятся документальные материалы, лишенные или почти лишенные риторических заклинаний, но созданные в первую очередь для фиксации и решения вполне конкретных ситуаций. Кроме того, убедительность выборки состоит еще и в том, что описываемые в отобранных документах ситуации и случаи словоупотреблений *не уникальны*. Любой специалист, имеющий дело с такого рода источниками, может легко пополнить их ряд своими аналогичными примерами. Их много — расходных книг крестьянских старост и городских бурмистров, челобитных и доношений, судебно-следственных документов, царских указов и распоряжений чиновников разного ранга — этих текстов, в которых идет речь о том, как кто-то кому-то «носит» и «дает», как кто-то у кого-то «вымучивает», как кто-то кого-то «кормит». В них смыслы всегда оценочны, а оценки полны смысла. Они образуют аксиологические группы и семантические гнезда.

3.2. Группа терминов нейтральной аксиологии

«Почесть» («в почесть», «в честь», «честное подношение») и связанные с этим «дано», «давать», «несено», «ставлено», «куплено», «послано» и т. п.

Семантическое гнездо, образованное словами, означающими добровольную передачу каких-то материальных ценностей или оказание услуг должностным лицам разного ранга и их клиентам, представляет едва ли не самую многочисленную группу интересующих нас терминов. Основная их часть содержится в расходных (или прихода-расходных) мирских книгах, в которых мирские выборные — старосты, сотские или бурмистры — фиксировали все расходы общины на различные нужды. Среди этих нужд — «мирской держи» (мирских, общинных издержек. — Д. Р.) — выплаты за услуги или приобретения каких-то вещей, необходимых для функционирования органов мирского самоуправления или жизнедеятельности общины в целом.

Андрею Бессонову **дано** за караул; Петру Белкову **дано** за пищу бумагу за три деста; Ивану Крушникову **дано** 10 денег, скоблил мирскую избу; Петру Глазачеву **дано** за куюровскую подводу⁴.

⁴ НИА СПбИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 139. Л. 1–1 об.

Дано протодиякону Аву Прозорову рубль с полтиною, что он теми денгами лес покупал и заплоты ставил по земским огородам от воеводского двора. < ... > **Дано** Тимофею Гаврину четыре алтына, набивал обручей на бочки, сорок обручей⁵.

Но в большинстве случаев расходы оказываются связаны (прямо или опосредованно) с необходимостью подношения вознаграждений названным или неназванным должностным лицам. Им, неназванным, передают деньги через уполномоченных представителей:

Григорью Вилачеву **дано** 36 алтын 7 денег, ходил на Тюмень в челобитчики; Артемью Печеркину **дано** на гостинцы 6 алтын 6 денег⁶.

Им, названным по должностям и/или поименно, дарят деньги, покупают какие-то продукты или оказывают услуги:

Краснослободскому служителю Максиму Кривоногову **ставлено** вина с кабака на 8 алтын 2 денги; Афонасью Конанову **ставлено** вина с кабака на 4 денги; **взято** рыбы на 2 алтына, **несено** капралу Княжеву; **взято** государева вина и табака на 10 алтын, **несено** сыну боярскому Данилу Милкиеву⁷.

Несено господину полковнику Дмитрию Гавриловичу Угрюмову 50 алтын 2 денги⁸.

Служителю Ивану Рошкову **вина на четыре денги** (в данном случае слово «куплено» (или «ставлено») вообще пропущено ввиду контекстной ясности ситуации; такие пропуски часты в расходных книгах. — Д. Р.), ему же вина **дано** на 4 денги; салдату Петру Батеневу **пива на две денги**; камисару Степану Неелову **куплено** вина с кабака на 6 алтын, людям ево, сержанту и капралу, **дано** 3 алтына, ему же

⁵ ОР РНБ. ОСПК. IV. 278. Л. 4, 13 об.

⁶ НИА СПбИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 139. Л. 2, 3.

⁷ Там же. Л. 3–3 об.

⁸ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1093. Л. 1.

куплено вина на 3 алтына; енисейскому дворянину Скаткову молока на 4 денги **куплено** у попа; краснослобозкому служителю Клепикову вина **взято** с кабака на 4 денги; тюменскому денщику Черепашкову с товарищам (sic!) вина **взято** с кабака на гривну; ему же, Черепашкову, **вина [на] 4 денги**; краснослобозкому Игнатью Рошкову вина с кабака **на 4 алтына 2 денги**; тобольскому салдату **вина с кабака на 2 алтына**; денщику Черепашкову **вино с кабака на 6 алтын 4 денги**; тобольскому и тюменскому денщиком **дано** 6 алтын 4 денги, им же **на гривну вина**; ему же, тобольскому (денщику. — Д. Р.) Ивану Синицину, **дано** 5 алтын; краснослобозкому Закуртаю с товарищи вина с кабака **ставлено** на 5 алтын, ему же 4 алтына 2 денги **дано**; тюменскому денщику Андрею Бердникову **дано** 2 алтына 4 денги; с ним, Глазачевым, **послано** в Краснослобозкой острог подьячим гривна; Ивану Стрекаловскому **куплено** рыбы на 2 алтына; **куплено** в приказ две окончины; салдату гранадеру Ивану Панкрашину **вина на 4 денги**; краснослобозкому Игнатью Рошкову с товарищи **вина на 2 алтына**; Егорше приставу **дано** на вино шесть алтын; судебному камисару **дано** в Тюмень 26 алтын 4 денги; подьячему Дмитрию Степанову **дано** 4 алтына⁹.

За какие же заслуги или услуги осуществлялись подношения, все эти «дано», «несено», «ставлено» и «куплено»? Вопрос, несомненно, риторический — все это подношения «в почесть» («в честь»), или «честные подношения».

Того ж дни **отнесл** по мирскому приговору Новгородского приказу подьячему Александру Феофанову пять рублей **в почесть**; ходили хлыновской посадкой целовальник Никита Празников да Иван Котелников¹⁰.

Расходные книги иногда фиксируют подобное уточнение («в почесть», «в честь»), но чаще его опускают ради краткости записи и очевидности цели. Например, в уже цитированной расходной книге

⁹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 143. Л. 1–4.

¹⁰ ОР РНБ. ОСПК. IV. 278. Л. 10 об.

юрмышского слободского старосты А. Козинцева капралу Михайлу Княжеву, который, несомненно, неоднократно получал дары от общины, одно из подношений описано так:

Капралу Михайлу Княжеву вина **в честь** на 8 денег¹¹,

в то же время чаще всего этот расход фиксировался по упрощенной форме:

Капралу Михайлу Княжеву (в тексте ошибочно — «Княтеву». — Д. Р.) **дано** пять алтын¹²; **несено** господину капитану Татищеву денег пять рублев, харчу — масла, мяса, на два рубля на одну копейку¹³.

Имеются подобные варианты и в других документах:

Земскому (в тексте ошибочно — «земому». — Д. Р.) камисару Петру Лавринову **несено в честь** рубль в имен[нин]ные (?) денгь (деньги; день? Возможен и тот, и другой вариант прочтения. — Д. Р.). <...> К ево приезде **куплено** пива на 6 алтын 4 денги, ему же вина **ставлено** на 19 алтын 4 денги; подьячему Михайлу Чагадаеву **дано в честь** восем алтын 2 денги алтынного побору¹⁴.

В общественном мнении получение/дача «почести» являлись нормой, если не вызывавшей одобрения, то уж точно не подлежавшей ни моральному осуждению, ни уголовному преследованию. «Почесть» по умолчанию воспринималась как добровольное дарение, осуществляемое в знак уважения («по воле», «ис приветствия», «любовью», «ис доброй своей воли, а не принужденьем» и т. п.). Разумеется, добровольность «почестного», или «корма» (см. ниже), была условной. Подобного рода «дары» осуществлялись людьми,

¹¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 139. Л. 3.

¹² Там же. Л. 2 об.

¹³ Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / сост., вступ. ст., коммент. М. О. Акишина. Екатеринбург, 1992. Док. № 34. С. 149.

¹⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 143. Л. 3.

зависимыми от адресата подношения, часто лишенными возможности выбора, но в то же время рассчитывавшими на получение какой-то выгоды от поддержания такой коммуникации. В любом случае изучение многочисленных ситуаций, связанных с описанием практики «честных подношений» и «кормов», показывает, что и адресанты, и адресаты воспринимали ее как совершенно естественное явление. Чиновник, которому вменялось в вину получение взятки, нередко оправдывался именно тем, что полученное материальное вознаграждение являлось *добровольным даром*. Факт принятия таких подношений уличенными чиновниками обычно признавался, но отвергались как ложные наветы обвинения в *насилъно* взятых деньгах или продуктах:

А помянутой бытности моей в Ярославле была мне от бурмистров **дача ... по их волям и по прежним обыкностям, а не ис принуждения**, но и того взятками, также что они, бурмистры, давали мне из собранных на подать ... денег, того в ведомости из их бурмистрских книг не записано¹⁵.

А после пожару на новоселье хотя что и **принесли** для ево разорения (то есть по причине его разорения. — Д. Р.) **ис приветствия, любовью**. А в презент де **ис своей воли и по прежним обыкностям** ему, Ивану, и жене ево и детям, и людям **давали ...**¹⁶

Помянутой [ярославский] фискал Алексей Никитин с него, Андрея, денгами и питьем во взятку не бирывал. Толко де, как он, Андрей, по призыву ево, Алексееву, бывал у него в гостях, и тогда он к нему на праздничные дни **принашивал** харчевого съесного мясного и рыбного по малу числу, ценою гривны на две или алтын на десять, да денгами алтын по десяти и по полтине, и то з своих коштов, а **не во взятку, но в почесть**. Также питьем ренского и вотки скляницы нашивал ...¹⁷

¹⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1284. Л. 126.

¹⁶ Там же. Л. 128.

¹⁷ Там же. Кн. 274. Л. 781.

... Подчиненной камисар Елизар Колокольников в Тюменскую канцелярию сыскан, и перед воеводою... допрашиван, а в допросе показал. В Беляковской де слободе напився пьян; той слободы крестьян не бивал, и трех четвертей ржи да полоть мяса свиного не бирывал, и с кабака вина на рубль, пива на дватцать алтын из-за пристрастия они, крестьяне, к нему не принашивали, **а принесли к нему в почесть**... четверть туши мяса говяжья да пива полведра...¹⁸

И в бытность ево в Ярославле ярославские земские бурмистры приносили ему, Милюкову, **в почесть** хлеб, и колачи, и рыбу, и мясо, и питье и другое протчее... **за свою волю**, а не от дел. Также сахар, и мыло, и портище пуговиц принесли **в почесть же**... А сукно светло-лазоревое поднесли бурмистры и посацкие, как ели у него, Милюкова, на кфартере **не от дел, за свою волю**. А портище лудану, призвав ево, Милюкова, в дом, ярославской бурмистр Федор Волков, и он лудан поднесла ему, Милюкову, **в почесть** жена ево Федорова. А прогонные деньги дали они ему, Милюкову, **за волю свою, а не по прозьбе ево**. А в 715 году, как он, Василей Милюков, приехал в Ярославль лантратором, и ярославские бурмистры приходили к нему и приносили хлеб, и колачи, и мясо **в почесть же за свою волю**, для того, что оные бурмистры многие дни у него едали, а дела никакова до оных бурмистров ему, Милюкову, не было. <...> **А такова де государева указу он, Милюков и не ведает, что без дела в почесть имать не велено**¹⁹.

Якуцкой сын боярской Петр Шестаков, которой в 721 году посылан был в Охоцкой и Тауской острог для ясачного збору и, будучи там, брал взятки, о которых в допросех показал, что после ясачного збору к нему, Шестакову, ясачные люди, иноземцы и служилые люди **приносили в почесть, а не во взятку** красными белками, и росахами, и выдрами... а руския люди **приносили в почесть за обеда**...²⁰

¹⁸ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1986. Л. 1 об.— 2.

¹⁹ Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.) : в 2 т. М., 1908. Т. 1. С. 62–63.

²⁰ Сб. РИО. Т. 63. С. 291.

Таким же образом оправдывался по обвинениям во взятках капитан-поручик артиллерии В. Н. Татищев:

Сие дело... к лихоиманию яко **доброхотное приношение** не принадлежит, ибо оные мужики приносили с начала моего прибытия из их мирских зборов **бес требования моего**, которое видя, без всякой противности и непристойности, паче же не хотя себя противно им показать и тем их оскорбить, принимал²¹.

**«Корм», «кормление»,
«на корм», «кормовые деньги»**

Условно добровольные подношения «в почесть» могли быть разовыми, делаться от случая к случаю или осуществляться с известной периодичностью и частотностью постоянным адресатам. В последнем случае они становились систематизированными, имели свою временную динамику и структуру, формируя так называемое *кормление*, или *корм* — системную совокупность «почестей», посредством которых тяглая община брала то или иное должностное лицо на регулярное содержание. Обычно в научной литературе кормления связывают с содержанием лиц руководящего состава местного аппарата управления: наместников и волостелей, городских (уездных) воевод или равноранговых им управленцев. Тем не менее, известно и то, что адресатами кормления становились и другие члены административного аппарата, вплоть до самых низших, занимавшихся письмоводством:

Ему ж [пищику Василию Попову] **на корм** в Краснослободк дано гривна²².

Часто одаривались деньгами или ценностями родственники и слуги/клиенты руководителей местных администраций. При этом есть

²¹ Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / сост., вступ. ст., коммент. М. О. Акишина. Екатеринбург, 1992. Док. № 34. С. 150.

²² НИА СПб ИИ РАН. Ф. 187. Оп. 2. Д. 143. Л. 2.

смысл подчеркнуть, что должностное лицо, независимо от занимаемого ранга, являлось самостоятельным получателем корма, в то время как его домочадцы получали корм не столько в «свою честь», сколько именно потому, что были связаны с главным адресатом кормления какими-то тесными узами. Самый характерный тому пример — получение подарков женами или малолетними детьми воеводы. Не обладая формальным служебным статусом, они оказывались в кругу одаряемых в качестве ближайших родственников кормленщика, а поднесенные им дары становились, таким образом, дополнительным выражением почести последнему.

К XVII в. в России сложилась устоявшаяся по структуре система кормлений. В наиболее полном виде она включала в себя *повседневный корм* (приносы продуктов и денег и оказание услуг), осуществлявшийся если не ежедневно, то большую часть дней календарного года; *праздничный корм* — рождественский, пасхальный (великоденный) и петровский, а также связанный с семейными праздниками (например, именинами воеводы, его жены и детей), днями тезоименитств царствующих особ, иными поводами подобного рода; *«въезжий»* (вступление в должность) и *«отъезжий» корм*. На практике полный состав ежегодного воеводского или подобного ему кормления мог варьироваться. Количество поводов для подношения кормов, их частотность, ценность и ассортимент могли быть большими или меньшими, что обуславливалось как экономическим потенциалом общины (общин), так и другими обстоятельствами: рангом чиновника, местными традициями, характером взаимоотношений тяглов и администрации, алчностью последней и проч. Но, повторяюсь, принципиальное отличие кормления от «почести», на мой взгляд, состояло в том, что кормление имело структурированный «каркас»: «въезднее» — «отъезднее», повседневный и праздничные кормы.

Наиболее полно структура и ассортимент годового кормления воеводы или других лиц местного управления фиксировались в расходных книгах крестьянских и посадских общин и родственных им регистрах, образующих обширную группу прихода-расходной документации частного хозяйственно-экономического характера (по клас-

сификации Е. Н. Швейковской)²³. Степень подробности ведения записей в таких книгах различна, что было обусловлено социальным положением и уровнем грамотности писавших, местными традициями кормления и делопроизводства²⁴. Такого рода книг осталось довольно много от XVII в. по разным регионам России. По XVIII в. их на настоящий момент выявлено меньше, но на широкое бытование практики кормлений и на наличие расходных книг, фиксирующих ее, имеются прямые указания в источниках другого рода: судебно-следственных делах, доношениях и челобитных, нормативно-распорядительной документации органов центрального и местного управления.

Примечательно, что сами расходные книги (да и другие документы) почти не используют терминов «корм», «кормление»; в поденных записях расходы на содержание должностных лиц маркируются уже известными нам словами «дано», «несено», «ставлено» и т. п., что лишний раз подтверждает нашу характеристику кормления как системной упорядоченной совокупности «почестей».

Того ж дни **отнесл** приказной избы подьячему Гарасиму Шмелеву **празничного** преподобного Симеона Столпника рубль; ходил со мною хлыновский посадкой целовальник Никита Празников да Иван Куртеев. < ... > Ноября в 23 день **для именин** благородныя царевны и великой княжны Екатерины Алексеевны **отнесл** столнику и воеводе князю Петру Семеновичу Прозоровскому к столу рыбы осетра соленово, купил у Афонася Кукулина, дал дватцать алтын; пять щук да шесть язей, купил у Ивана Пушкарева, дано двенатцать алтын; да колач купил у Офони Палкина, дано два алтына четыре денги²⁵.

[Устюжский дьяк] Фирсов в допросе сказал: денег де 150 рублев оные старосты принесли ему **в почесть** ... А в бытность на Устюге оные старосты **по древнему своему обыкновению харчевыми припасы**

²³ Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России : Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 193.

²⁴ Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда органа государственной власти). СПб., 2000. С. 31.

²⁵ ОР РНБ. ОСПК. IV. 278. Л. 14, 19.

в почесть же к нему приносили, и дрова, и свечи, и конские кормы, и денгами и харчами по малому числу в праздники и в государевы ангелы давали из воли своей, а коликое число — не ведает²⁶.

Благодаря тому, что в расходных книгах указывались должности и/или имена адресатов подношений, а также точные даты дач, можно установить, кто из лиц управленческого аппарата являлся кормленщиком, то есть получал содержание на постоянной основе, а кто пользовался этими благами разово, по тому или иному случаю, будучи не кормленщиком, но адресатом «почестного».

Имея общую генетику (о чем подробнее будет рассказано ниже), кормления, как и разовые «почести», не только не осуждались в глазах современников, но долгое время признавались вполне допустимым явлением с точки зрения действующих правовых норм. Источники первой четверти XVIII в. раскрывают перед нами картины, иногда вызывающие в памяти классические средневековые кормления какого-нибудь волостеля XVI в. Вот пример такого рода, обнаруженный в указе (от 17 апреля 1716 г.) кн. А. Д. Меншикова лейб-гвардии капитану-поручику И. Н. Плещееву, ведшему следствие по делу братьев Соловьевых²⁷. В нем речь идет о праве сбора так называемых кормовых денег обер-комиссаром Дмитрием Соловьевым, взимавшем подати с черносошных крестьян среднего бассейна Северной Двины:

Благородный господин капитан-поручик! При сем к Вам присылаем указ царского величества, по которому денег и хлеба с обор-камисара Дмитрия Соловьева с товарищи править не указано. А те **кормовые деньги** в бытность их на Ваге и в Устьянских волостях велено им брать **вместо жалованья** повсягодно. А сколько в котором году будет собрано, о том велено им объявлять, и о том им приказано было от нас на словах.

²⁶ РГАДА. Ф. 9, отд. 2. Кн. 94. Л. 425 об.

²⁷ Подробнее о И. Н. Плещееве и деятельности Соловьевых см.: Серов Д. О. Строители империи : Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск, 1996. С. 99–112, 117–123, 131–133 ; *Его же*. Администрация Петра I. М., 2007. С. 63, 71–72 ; Серов Д. О., Федоров А. В. Следователи Петра Великого. М., 2018. С. 47–57.

< ... > И о взятии тех **кормовых денег**, которые были в зборе им, Соловьевым, на Ваге и в Устьянских волостях, определено указом царского величества за подписанием нашим, которой указ ныне у нас в канцелярии обретаецца. А о тех, которые збирали на 706 и на 707 годы, также, которые взяты с Устьянских волостей 500 рублей, за скоростию времени в марше в указе не написано, а на словах отдан, им приказано, **дабы такие денги збирали себе вместо жалования...**²⁸

Узаконенный сбор с населения денег в дополнение к жалованью комендантам Санкт-Петербургской губернии содержался и в указе кн. А. Д. Меншикова, читаемом в черновике ведения из Санкт-Петербургской походной канцелярии князя в канцелярию Кабинета:

По Его царского величества именному указу лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков из капитанов пожалованы в полковники. И велено быть Санктпетербургской губернии в городах комендантами, а имянно: в прошлом 1715 году из Семеновского князь Василей Вяземской марта 17 дня в Новгород. Трактамент велено ему давать прежней, почему ему при полку давано, по двести по шестнатцети рублей. **Да сверх того со всего новгородского посаду за охранение их по двести рублей на год**²⁹.

Другой видный петровский сподвижник, казненный впоследствии именно за масштабные экономические преступления, сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин, тоже практиковал узаконивание кормлений во вверенной ему губернии на разных уровнях административной иерархии. В 1714 г. он, например, предписал вятскому земскому старосте П. Непеину давать новоназначенному коменданту В. К. Толстому из земского сбора столько недельного содержания, сколько давали прежнему воеводе С. Д. Траханиотову (в 1711 г.), «а та **дача** зачтена им будет в подать»³⁰. А из показаний старого подьячего Тобольской большой канцелярии И. Г. Замощикова, взятых в рамках расследо-

²⁸ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 54. Л. 28 об. — 29.

²⁹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 53. Л. 41.

³⁰ РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 710.

вания одного из эпизодов гагаринского дела в 1720 г., мы узнаем, что зачет кормлений в уплату податей имел всегубернский размах, поскольку платежи в пользу различных «командиров» «из зборных их же крестьянских денег» осуществлялись «по указом ево губернаторским», и «те их зборные деньги ... зачитаны в вышеписанные годовые их оброки».

Примечательно, что подобная легализация кормления на уровне нормативного акта местной власти осуществлялась в том числе и после принятия пресловутого именного указа от 24 декабря 1714 г. о криминализации всех видов частных вознаграждений и, как видно, не являлась единичной.

«Кормление от дел», «кормление от письма», «акциденция»

Словосочетание «кормление от дел» — формула, которая встречается в текстах деловой письменности и нормативно-законодательных памятниках интересующего нас периода несравнимо чаще, чем слово «кормление» («корм»).

Представляется, что при всей схожести звучания и определенной смысловой близости «кормление» и «кормление от дел» обозначали несколько разные явления. Получать корм, или быть на кормлении, могли, в сущности, управленцы всех рангов: подвизавшиеся в центральном и местном аппарате, относившиеся к администраторам (должностным лицам, принимавшим управленческие решения) или канцелярским/приказным служащим (должностным лицам, занятым в документационном обеспечении управления). Обеспечение их «кормом» со стороны общин, корпораций или частных лиц могло не сопровождаться какими-то ответными действиями со стороны кормленщиков. Можно даже, упрощая, констатировать, что то или иное должностное лицо могло рассчитывать на кормление уже в силу обладания неким служебным статусом. В этом смысле, касаясь пока только экономической, утилитарной составляющей явления, рискну

охарактеризовать кормление и связанную с ним «почесть» как *статусную, или должностную ренту*.

Что касается «кормления от дел», то это понятие применялось, как кажется, исключительно в связи с приказными работниками. Мне, во всяком случае, не приходит на память примеров, когда источники указывали бы на то, что начальник приказа, воевода или какой-либо другой «управитель» «кормился *от дел*». Такая возможность и неписаное право принадлежали именно тем, кто были напрямую связаны с исполнением делопроизводства, делали «приказную работу», то есть за дьяками и подьячими. Как свидетельствует П. В. Седов, уже с середины XVII в. в московских приказах сложилась устойчивая номенклатура услуг по оформлению дел и не менее устойчивая тарификация платы «за письмо», которая сохраняла свою стабильность и в первой четверти следующего столетия, в правление Петра I³¹. Наибольшую возможность «кормиться от письма» имели служители тех приказов, которые по роду своей деятельности были связаны с большими потоками судебных и других «челобитчиковых» дел, то есть имели непосредственные контакты с частными просителями. Разумеется, что у подьячих местных канцелярий таких контактов было не меньше; по сути, они составляли их повседневную служебную рутину. Примечательно, что, хотя «кормления от дел» не регулировались никакими нормативными актами и носили неофициальный характер, центральная власть знала о них и догадывалась, что подобного рода доход составлял немалую часть в материальном обеспечении приказных. Поэтому «дьяки и подьячие Посольского, Казенного и других приказов, где было мало или совсем не было “челобитчиковых” дел, ежегодно получали из казны компенсацию, носившую название “праздничных денег”»³². Правда, эта компенсация была слишком незначительна по сравнению с доходами «от письма», которые, по самым осторожным оценкам Н. Ф. Демидовой, не менее, чем втроекратно

³¹ Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII в. // Отеч. история. 1996. № 1. С. 142–144, 148.

³² Там же. С. 143.

превосходили годовые оклады жалованья³³. В местных учреждениях тоже были подобные «бескорыстные» службы, вызывавшие недовольство приставленных к ним канцеляристов. Так, например, подьячий Е. Дьяконов, бывший в Вятской приказной избе «у отпуску и досмотру» пленных шведов в 1712 г., считал свою работу хлопотной и недоходной и, помимо повышения оклада, бил челом о передаче ему в повытье вотчин Вятского Успенского монастыря и оброчных сборов с мельниц, пашенных земель и конской площадки³⁴. Его сотоварищ по приказной избе, старый подьячий С. Новиков, отправленный комендантом кн. И. И. Щербатовым собирать недоимки в Волковский и Бобинский станы, просил губернатора в январе 1714 г. от тех дел его отставить и велеть дать ему в повытье сборы с хомутов, конской продажи, оброчных мельниц и пчел³⁵. А подьячий Денежного стола Тобольской большой канцелярии А. Дьячков просил в 1713 г. срочной выдачи окладной задолженности, мотивируя свою просьбу тем, что работал он «у доимки, у самых бескорыстных и непрестанных дел»³⁶.

Понимая, что через «кормление от дел» проходит значительная часть средств, Петр I предпринял попытку получить точные данные о масштабах этого неофициального оборота и, поставив его под государственный контроль, извлечь фискальный интерес. Идея сводилась к тому, чтобы, узаконив частные подношения за ведение и оформление дел, выплачивать жалованье московским приказным не из казны, а из этих подношений. Именной указ от 9 марта 1703 г. так формулировал эту мысль:

Великий государь указал боярам рассмотреть на Москве в приказах у дьяков, и у подьячих, и у приказных всяких чинов людей, которые в приказах у дел, годовых их окладов, чтоб вместо Его, великого государя, жалованья, тех их дьяческих, и подьяческих, и приказных людей окладов

³³ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 141–142.

³⁴ РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 315–315 об.

³⁵ Там же. Л. 665.

³⁶ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2251. Л. 315.

за их приказную работу иметь с приказных и со всяких челобитчиковых дел, с чего пристойно, и о том учинить штат³⁷.

Как видно, для разработки такой тарификации необходимо было получить сведения о размерах частных доходов приказных от «челобитчиковых» дел, что и было поручено подьячим Ближней канцелярии под руководством Н. М. Зотова. Затея эта с треском провалилась ввиду откровенного саботажа со стороны ответственных за ее реализацию³⁸.

Вторично, но уже в масштабах страны, император вернулся к этой теме в конце своего правления. Поводом тому послужил громкий процесс над бывшим обер-фискалом А. Я. Нестеровым. В 1723 г., 5 января, из канцелярии генерал-прокурора П. И. Ягужинского во все провинциальные канцелярии был разослан указ, который, кроме прочего, гласил:

Велено у правинциал-фискалов и фискалов взять ведомости с 715 по 719 год по посланным от обор-фискала Нестерова указом, **для почестных подносов збор был ли**, и почему (то есть сколько? — Д. Р.) с каждого фискала, и что в каждой правинции таковых денег собрано, и тому збору записные книги есть ли, и те денги куды отосланы и с кем, и в приеме тех денег квитанции есть ли? И те ведомости, взяв у фискалов за руками, прислать на указный срок ...³⁹

Примечательно, что в этом случае расширились не только «географические» рамки непраздного любопытства монарха. Он захотел получить сведения о количестве и адресатах «почестных подносов» вообще (а не только о «кормлениях от дел») и о том, насколько этот процесс был документирован. Стремление это питалось, как представляется, двоякой мотивацией. С одной стороны, несомненно намерение вменить получение таких сборов в вину должностным

³⁷ ПСЗ. Т. 4. № 1928.

³⁸ Жуковская А. В. Перемены в фискальном статусе дьяков и подьячих в царствование Петра I и их социальные последствия // Cahiers du Monde russe. 2014. № 55/1–2. С. 31–49.

³⁹ РГАДА. Ф. 425. Оп. 1. Д. 8. Л. 101.

лицам, квалифицировав их как взятки (недаром информацию предполагалось собрать в рамках уголовного дела Нестерова). Но, с другой стороны, в этом указе слишком неприкрыто читается желание знать, сколько средств уходит «в тень» и кто является выгодополучателем. Если бы Петру удалось получить такую информацию, то он наверняка постарался бы извлечь из нее материальную пользу для казны. Но, как и в первом случае, мероприятие не увенчалось успехом.

В конце концов, высшее руководство страны отказалось от попыток поставить под контроль доходы «от письма» и просто легализовало их, одновременно отказав канцеляристам в уплате окладного жалованья. Правда, произошло это после смерти великого преобразователя и предварялось обменом мнений в Верховном тайном совете⁴⁰.

... А приказным людям, обретающимся в тех двух коллегиях (Юстиции и Вotchинной. — Д. Р.), также в надворных судах и магистратских, [жалованья] не давать, а **довольствоваться им от дел по прежнему обыкновению с челобитчиков, кто что даст по своей воле**; токмо для излишних взятков тем челобитчикам в делах их волокиты, також ничего в противность регламентам и указам нашим отнюдь не чинить ...⁴¹

Но эта легализация, подчеркнем, касалась только «кормлений от дел», или «акциденций», как на новомодный манер стали иногда называть этот вид дохода. С «почестями» и «кормлениями» все обстояло по-другому. Они традиционно оставались допускаемыми в глазах общественного мнения, никуда не уходили из практики и могли при случае признаваться властями как некриминальные виды доходов чиновников. Так, например, в результате следствия генерал-майора В. И. Геннина по делу В. Н. Татищева в 1723 г. последний был оправдан,

⁴⁰ Сб. РИО. Т. 55. С. 189–190.

⁴¹ ПСЗ. Т. 7. № 4897. Текст этого именного указа от 2 июня 1726 г. почти дословно воспроизводит приговор Верховного Тайного совета, зафиксированный в протоколе заседания ВТС от 23 мая 1726 г. (Сб. РИО. Т. 55. С. 304–305). Идея легализовать «кормления от дел», или акциденции, была озвучена членами совета герцогом Голштинским Карлом-Фридрихом и светлейшим князем А. Д. Меншиковым (Сб. РИО. Т. 55. С. 189–190).

несмотря на зафиксированные расходными книгами крестьянские подношения, поскольку

...старосты в распросах сказали, что он им льготы чинить в заводских работах не обещал, токмо что де по их сибирскому обыкновению в первой ево, Татищева, приезд **принесли в почесть беспристрастия и угрозы**⁴².

На том же основании были сняты обвинения с Г. Е. Фирсова, известного в северо-восточных уездах России приказного дельца. Фискал А. Фильшин уличал Фирсова в служебных злоупотреблениях, совершенных последним в бытность дьяком Устюжской приказной избы в 1711–1716 гг. В сенатском приговоре от 4 августа 1725 г. о прекращении уголовного преследования Г. Е. Фирсова, бывшего к тому времени камериром Вятской провинции, констатировалось:

...По челобитью Вятцкой провинции дьяка Григория Фирсова, в котором объявлено, что по указу ис Камор-коллегии выслан он из оной провинции от дел камерирского правления в Юстиц-коллегию по исследованию дела по доношению на него устюжского фискала Афонасья Фильшина **напрасно, причитая почестные приносы ко взяткам**, которые он получал в бытность свою у дел в Устюжской провинции **до запретительных указов** ...⁴³

Квалификация подношения как «почести» могла усиливаться ее связью с приказной работой (упомянутым «кормлением от письма»), а факт принятия «почести» — оправдываться бедственным материальным положением чиновника. Это тоже в некоторых случаях служило если не причиной полного оправдания, то, по крайней мере, мотивом к частичному сложению вины. Подобным образом Сенат своим указом от 18 октября 1725 г. отменил 140-рублевый штраф с канцеляриста А. Фомина, наложенный в 1721 г. следственной канце-

⁴² Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. С. 146.

⁴³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1945. Л. 29.

лярией генерал-лейтенанта М. А. Матюшкина за принятые Фоминым в 1711–1713 гг. подношения:

... По челобитью... канцеляриста Андрея Фомина о неправеве на нем штрафу... которой положен в канцелярии генерал-лейтенанта Матюшкина за **взятые им в почестъ** с винных подрядчиков 711-го, и 712-го, и 713-го годов, которые **давали ему за писменной ево труд из доброй своей воли, ибо в тех годех жалованья ему не давано**⁴⁴.

Получили батогов, но были освобождены из-под стражи и от правежа взятых денег рассыльщики Филиппов, Паршин и Окулов, подвизавшиеся при комиссаре кн. Ф. Гундорове у сбора податей в Суздальской провинции в 1723 г. (по сенатскому указу от 10 ноября 1725 г.):

Розсылщики три человека взятки брали, кто что **даст в честь, не ис принуждения, за неполучением жалованья**. Да и уездные люди показали, что **давали им в честь**, а не ис принуждения...⁴⁵

Таким образом, оказывается, что при всех ситуативных тонкостях, эволюции законодательства и прихотливости Фемиды, частные вознаграждения должностных лиц, маркируемые терминами «почестъ», «кормление», «кормление от дел» и семантически связанными с ними, не несли в себе обвинительного смысла, не означали морально порицаемого действия и даже после принятия «запретительных указов» 1714 и последующих годов могли приниматься судебно-следственными органами как допустимые.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1947. Л. 90.

⁴⁵ Там же. Кн. 1948. Л. 45 об.

3.3. Группа терминов негативной аксиологии

Ниже будут рассмотрены семантические гнезда терминов, имевших исключительно обличительное значение. Это термины из доносов, челобитных, указов и судебно-следственных дел. Безусловным лидером по частоте употребления среди подобных понятий в документах Петровской эпохи является слово «взятка» и связанные с ним «взятье», «взял», «брал» и др.

**«Взятка» («взятье», «взял», «брал»)
и связанные с этим «смучил», «вымучил»,
«налога», «обида» («обиды»), «нападки»**

Многочисленные прецеденты, связанные со взяточничеством, показывают, что, как правило, инициаторами взятки выступали управленцы разных рангов, которые добивались подношений с помощью вымогательства, прибегая как к моральному (угрозы), так и к физическому (незаконное содержание под стражей, избиения) давлению на подвластных им людей.

Характерными в этом отношении являются результаты масштабного расследования, которое провел на рубеже 1722–1723 гг. генерал-майор артиллерии В. И. Геннин, назначенный царем в каче-

стве чрезвычайного эмиссара и куратора урало-сибирских заводов. Взавшийся за тотальную чистку местных кадров, генерал спровоцировал большое количество челобитных и доношений от жертв их алчности, в которых можно обнаружить обильный материал для исследования.

Так, словами «взял», «взятые» как синонимами слова «взятка» обозначены все поборы в реестре челобитным из канцелярии В. И. Геннина в канцелярию Тобольского надворного суда, в десяти из которых изобличался земский комиссар Каменского дистрикта Ф. Ф. Фефилов, и в семи — судебный комиссар Г. Черкасов:

... Доношение Каменских заводов крестьянина Петра Осинцова да вдов крестьянских Марьи Савиной да Маремьяны Макаровы **во взятые** семи лошадей, хомуты и с телеги... доношение Багаряцкой слободы бывшего старосты Никифора Подкорытова **во взятые** мирских денег пяти рублей с него, старосты... доношение Новопышминской слободы крестьян Якова Свинчина с товарищи **во взятые** с них денег да лошади, також телеги, хомуты, седла, потники, дуги, пологи, мешки...; челобитная Уктусских заводов горных дел ученика Кирила Островкина... **о взятые** лошади...; Челобитная Салдаутовой волости башкирцов Сабака Кутукова, Салея Кулметева **во взятые** двух лошадей...; челобитная Багаряцкой слободы старосты Ивана Кокташева **во взятках из-за мучения** восьми рублей денег...; доношение Китайского острогу крестьян Петра Лапина с товарищи **во взятые** государевых денег ис казны тридцати рублей... да **во взятые** государева сукна красного осми аршин да железа пяти пуд...; Доношение ясадного татарина Сакея Кулметева **во взятые** лошади мерина карего...; доношение Каменских заводов Сибирской дороги деревни Синарской татарина Бейметя Шигаева з братом **во взятые** пуда воску да рубля денег...; челобитная Каменского уезду деревни Усть-Багаряцкой татарина Уразмета Уразметева **во взятке** пяти рублей... да разных пожитков на восемь рублей на сорок три копейки, да корову...; челобитная Каменского дистрикта татарина Майметя да Саита Шигаевых **во взятке** пуда воску да осми рублей денег...; Доношение тобольского дворянина (!) Семена Корнилова **во взятке сильно** лошади

и саней...; доношение Катайского острогу крестьянина Петра Лапина **во взятке** дву лошадей...⁴⁶

Угрозами и насилием вымогал взятки с крестьян земский комиссар Уктусского дистрикта Степан Неелов, о чем можно узнать из доношения выборных Белоярской и Пышминской слобод Уктусского дистрикта от 16 декабря 1722 г.:

Да он же, камисар Неелов, как ездил по слободам для переписи дворового числа, **взял** у нас денег рубль пятьдесят копеек неведомо за что при свидетелех... Да оной же, как ездил в Новопышминскую слободу на поварню... **взял с нас из-за грозы** масла коровья пуд. А что протчая **взятков он... взял**, и то явствует в записке у выборных белоярских... которые живут в Арамилской слободе при нем, Неелове... да он же... **взял** с прошлого старосты Якова Бутакова в марте месяце денег **из-за мучения** десять рублев...⁴⁷

Теми же методами, но с меньшим результатом поживился за счет отставного драгуна П. Пестова подчиненный комиссар Камышловской слободы Федор Каченовский; драгун жаловался генералу «в **напрасном держании под караулом и взятии из-за побоев** 5 алтын денег»⁴⁸.

Ф. Протопопов, приказчик Верхне-Ницинской слободы в 1713–1714 гг., отличался неизменной жестокостью в вымогательстве взятков:

...Тем **мучением** он, Протопопов, **взял** у меня напрасно десять рублев денег, пять быков... да лошадь...; Бил меня батожем трижды

⁴⁶ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 27–29 об. Все эти челобитные и доношения, поданные в канцелярию генерала В. де Геннина 7 октября 1723 г., раскрывают эпизоды предшествующих лет. Так, упомянутый земский комиссар Ф. Фефилов только в соответствии с записными расходными книгами крестьянских старост получил в 1719–1722 гг. с шести слобод вверенного ему дистрикта «взятков денгами и харчевых» 248 руб. 38 коп. и «без цены десять четвертей ржи, две четверти ячмени, семя конопляного, пива, хлеба, хмелю, а сколько чего имянно — не показано». См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 16.

⁴⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Л. 2–2 об.

⁴⁸ Там же. Л. 68.

насмерть и **смучил** он с меня денег пять рублей ...; И тем **пристрасти-**
ем он, Федор, **взял у меня грабежом** лошадь ... да три rubli денег...
да **из мучения** он же у меня **отнял** лошадь соловую. < ... > А **из-за того**
мучения **взял** он у моего отца лошадь соловую,

— доносили на приказчика ницинские крестьяне⁴⁹. Взяткой квали-
фицировали в 1706 г. действия подьячего Федора Маркова, который
получил на себя и на переяславль-залесского воеводу Григория Арбе-
нева 1 и 5 руб. соответственно с крестьян, посаженных воеводой, за их
освобождение⁵⁰. В данном случае, прибегнув к насилию — незакон-
ному аресту, воевода спровоцировал ситуацию, в которой крестьяне
были вынуждены уплатить за свою свободу.

Для того чтобы вынудить людей к подношению взятки, чиновники
могли использовать и другие методы, не обязательно связанные с физи-
ческим принуждением. Достаточно было создать для потенциальных
жертв какие-то бюрократические сложности, затрудняющие их жизне-
деятельность, чтобы превратить людей в вынужденных взяткодателей.
Уже не раз упоминавшийся генерал В. И. Геннин, разбиравший по пору-
чению Берг-коллегии причины остановки частной торговли съестными
припасами на пермских заводах в 1725 г., с помощью берг-советника
Михаэлиса, опросившего торгующих крестьян, выяснил следующее:

... На что оные мужики (торговцы. — Д. Р.) ответствовали, что
когда-де мы приежаем для продажи с харчами, то-де нас под видом пош-
лины и запредных товаров обыскивают, маяят, и трудят, и велят ехать
для розделку к Соли Камской. И тако чрез таких процедуров упущены
сюда на завод для торгу ехать, к тому ж страшатся понужденным быть
привезенное их на продажу часть **отдать в подарок** ...⁵¹

Виновным в вымогательстве «подарков», под которыми явствен-
но подразумевались взятки, выступал соликамский провинциальный
воевода кн. Н. М. Вадбольский и его подчиненные.

⁴⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 21⁶. Л. 184–187 об. и далее.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1, ч. 1. Д. 10. Л. 183–191.

⁵¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 24. Л. 29.

Такого рода «вымученные» взятки имели в рассматриваемую эпоху и другие синонимичные обозначения, выразившиеся словами «налога», «обида» или «обиды» и «нападки».

Так, термин «налога», несмотря на созвучность со словом «налог» (законодательно установленный платеж в государственный бюджет), имел значение незаконного частного побора в пользу должностных лиц.

А нам, бедным погорелым сиротам, от таких ево болших **налогов** прожить нельзя,

— жаловались в октябре 1687 г. жители Гдова в Псковскую приказную палату на воеводу Елагина⁵².

И многие он... обиды и **напрасные налоги** чинил,

— как бы вторили им несколько десятилетий спустя и на другом конце страны крестьяне уральской Багаряцкой слободы, ища управы на подчиненного комиссара А. Булгакова в январе 1723 г.⁵³

Управитель вотчинами Александро-Невского монастыря в Старорусском уезде майор Коптев доносил в июне 1717 г. в походную канцелярию кн. А. Д. Меншикова на новгородского ландрата И. И. Мякина и подчиненного ему комиссара Свечина, функционировавшего в Старой Руссе, который,

...взяв ведения моего крестьян, держит под караулом и чинит им обиду, которые мне объявляют, что-де берет с них взятки немалые и по взятке освобождает⁵⁴.

⁵² Цит. по: Енин Г. П. «А велено нас от гдовских воевод оберегать»: Из истории воеводского кормления в XVII в. // Ист. архив. 1997. № 1. С. 195–198.

⁵³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Л. 8.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 74. Л. 285.

В прошедшем 1722-м году бил меня, нижеименованного, Белослудской слободы подьячий Степан Алексеев плетью не на живот, и **нападкою** своею **смучил** с меня четыре рубли денег...⁵⁵

В прошлом 720 году сын боярской Афонасей Чернышев в бытность свою у нас в Невьянской слободе прикащиком **нападками** своими **взял** с меня... лошадь мерина рыже-пегова... да две четверти ржи. Да в прошлом 722 году он же **взял** с меня корову красную неведомо за что безвинно...⁵⁶

Подобные случаи, в изобилии зафиксированные в аналогичных документах, ясно показывают нам смысловую близость, рядоположенность терминов «налога», «обида», «нападка» термину «взятка» и недвусмысленно передают ту оценку, которую давали им современники, причем отнюдь не только пострадавшие от действий начальства. Схожий смысл и схожую оценку этим понятиям и маркируемым ими явлениям содержат нормативные документы центральных властей, читаемые, например, в инструкциях назначаемым местным управителям, восходящим по содержанию и структуре к воеводским наказам XVII в.:

... А буде которые старосты, и соцкие, и десятичники за свидетельством оных священников кому уездным людям учинят какую **обиду или налогу** для своей бездельной корысти, или с кого возмет хотя малые **взятки**, и таким по розыску за верным свидетельством священников и посторонних людей учинена будет смертная казнь безо всякие пощады, для того, что **от тех обид и налог** многие уездные люди в тех городах разорились, и дома их опустели, и от того государевы подати умалились. <... > А подьячим з города ж в уезды ни для каких государевых и челобитчиковых дел и по своим прихотям всякими вымыслы **для своих взятков** отнюдь не ездить. А буде которой подьячий из города в уезд поноворкою и посылкою или своими вымыслы, **проискивая взятков**, учнут ездить по уезду, и тем подьячим за противность сего

⁵⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Л. 23.

⁵⁶ Там же. Л. 60.

государева указу и **за взятки** по розыску учинена будет смертная казнь по тому ж бес пощады. А им, воеводе, за недосмотр и за потачку таких посыльных людей и разорителей доправлены будут великие штрафы безо всякие пощады⁵⁷.

Последняя норма — запрет на поездки подьячих по деревням («в уезд») с целью вымогательства взяток — вообще живо напоминает аналоги из средневековых иммунитетных заповедных грамот «от ездоков» или «незванных гостей».

Любопытно, что подобное нормативное запрещение взяток могли содержать и губернаторские указы, причем исходившие из-под пера лиц, впоследствии обвиненных в должностных преступлениях, в том числе во взяточничестве. Например, уже упоминавшийся сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин в одном из указов 1712 г., адресованном вятскому коменданту кн. И. И. Щербатову, запрещал местным подьячим вступаться в повытья друг друга и ездить по уезду в целях сбора взяток, «для того, что им, подьячим, определено великого государя жалованье, також они взяты ис посацкого тягла, и посацкой оброк с них сложен, и того немалое число денег»⁵⁸. Был ли князь Матвей искренним, полагая, что подьячим не по чину кормиться таким образом, или он лишь следовал сложившейся канцелярской традиции и повторял в своих указах «общие места», присущие документам такого рода, но для нас пока важно другое — наличие официально установленного жалованья и выход из тяглого состояния являлись для подьячих, по мнению губернатора, достаточной компенсацией утраченных ими доходов, которые Гагарин считал криминальной взяткой.

Вера в то, что достаточное жалованье, наряду с наказанием, может стать действенной профилактической мерой в борьбе со взяточничеством, посещала не только сибирского губернатора. Судя по всему, она материализовалась в нормативные предписания уже в 1714 г., когда Петр I ввел фиксированные оклады для чинов местной адми-

⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2087. Л. 1–1 об. Этот фрагмент из указа от 12 декабря 1711 г., данного при вступлении в должность соликамского и чердынского воеводы стольнику Л. А. Сенявину, имеет типовой характер.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28. Л. 168–169 об.

нистрации. Эта же идея читается в одном локальном, но, по сути, типовом распоряжении, связанном с материальным обеспечением гвардейцев-«понудителей» и чинов следственных канцелярий. Вот один из таких примеров. Направленный в Тюмень в 1719 г. для проведения розыска по делу прежнего губернатора кн. М. П. Гагарина сотрудник следственной комиссии лейб-гвардии майора И. М. Лихарева солдат-гвардеец М. Бобрищев-Пушкин должен был получить от воеводской канцелярии причитающиеся ему «порции»: 31 фунт мяса, пол-осьмины муки, полтора гарнца круп и два фунта соли в месяц «для того, что, будучи ему у того дела, **взятков и подарков** и [съ]естного **ничего брать не велено**»⁵⁹. Излишним будет говорить, что подобные представления и действия нисколько не препятствовали взяточничеству, в том числе и потому, что сама природа явления и механизмы, которые приводили ее в действие, были намного сложнее, чем это представлялось властям.

Выше приведены случаи, которые фиксируют так называемые «вымученные» взятки, взятки, полученные должностными лицами через принуждение зависимых от них людей (среди которых оказался даже тобольский дворянин — случай уникальный); последние становились взяткодателями вынужденно и не получали от этого выгоды. Но источники описывают ситуации, когда передача взятки подразумевала наличие какого-то обоюдного интереса сторон. При этом инициатива ко взятке могла исходить как от чиновника, провоцировавшего дачу взятки каким-то давлением на зависимое население, но обещавшего за это некие выгоды взяткодателям, так и от самих взяткодателей. Например, как явствует из сенатского указа от 24 января 1727 г., комиссары Никита Арцыбашев и подъячий Яков Волоцкий (Обонежская пятина Новгородской провинции)

... в 1721 году, будучи у переписки и свидетельства дворового чина, писали жилые дворы пустыми, и от того, тако ж и в других годах **за упущение многой доимки и от отпусков, и от прочих разных дел брали** с обывателей денежные, и харчевые, и прочие многие **взятки**,

⁵⁹ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 439. Л. 15.

и подчиненным своим брать не запрещали, и имали оные комиссары и подьячий уездные подводы без платежа прогонных денег⁶⁰.

С большой вероятностью можно предположить, что предложение закрыть глаза на недоимки в обмен на «денежные и харчевые» взятки исходило от чиновников. Но в конечном итоге и сами обыватели получали от этой сделки выгодное им «послабление». А запись за мзду жилых дворов пустыми — весьма распространенная практика при проведении фискальных переписей — и вовсе могла осуществляться по инициативе крестьян.

Сходно поступал бежецкий воевода Петр Бутурлин, освобождавший крестьян от правежа недоимок за взятку:

... А что, государь, доимочных и окладных денег довлеет взять Антонова монастыря на архимандрите Иосифе з братьею и с крестьян мелнишных, пчельных, банных, рыбных, и он, воевода, дал им сроку, а **взял** с них овса пятьдесят четвертей, ржи десять четвертей. И за тою ево воеводцкою понаровкою денежному збору чинитца остановка,

— доносил в своей челобитной в 1709 г. подьячий Ижорской канцелярии Иван Щеткин⁶¹.

За взятки укрывали беглых солдат, как, например, это делали в 1717 г. вятский подьячий Федор Вахрушев и его подельники, старосты Чепецких станом:

Да вышеозначенные де староста Кондратей Яговкин да подьячей Вахрушев... укрывали беглых салдат, о чем в допросе на Вятке салдат Максим Арзамасцов сказал, что де от такого укрывательства **взял** с того салдата оной подьячей Вахрушев денег рубль и, взяв с него те денги, **от сыску укрыл**...⁶²

⁶⁰ ПСЗ. Т. 7. № 4826.

⁶¹ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1, ч. 1. Д. 7. Л. 848.

⁶² Там же. Ф. 973. Оп. 1. Д. 5. Л. 35 об.

За взятки отпускал преступников и укрывателей уголовников уктусский судья В. Ф. Томилов, так же поступал и подьячий А. Гобов. Оба в целом признали факты взяток, объясняя свои действия «простотою», отсутствием опыта, необходимой нормативно-законодательной документации, в одном случае материальными затруднениями — поскольку «питатца» было нечем. Будучи не в состоянии отвести от себя обвинения, они пытались в данных показаниях уменьшить сумму взяток⁶³.

Взятка как результат сговора чиновника с местными жителями «при полном непротивлении сторон» тоже не была редкостью в изучаемый период, причем источники демонстрируют различные по сложности схемы таких взаимодействий. Простейшие из них с участием двух «контрагентов», один из которых — чиновник, за взятку позволяющий заинтересованным лицам нарушать какие-то нормативные предписания, являлись, очевидно, самыми распространенными и могут быть проиллюстрированы действиями земского комиссара Ишимского дистрикта Тихона Баляева. Этот управитель

... отпускал драгун и крестьян без указу царского величества в степь на озера по соль, **а с них брал** себе пуд соли с лошади да по десяти денег с человека,

за что был отстранен от должности⁶⁴. В этом эпизоде взятка, маркированная синонимичным словом «брал», явно не «вымученное», а в известном смысле «конвенционное» явление, и что-то подсказывает, что отнюдь не уникальное. Весьма любопытна ситуация, описанная в доношении крестьян Калиновской слободы, поданном генералу В. И. Геннину на подчиненного комиссара И. Дурасова в 1723 г.:

В прошлом 721-м и 722-м годах Калиновской слободы подчиненной камисар Иван Дурасов... многие нам, нижеименованным, чинил **обида** и раззорения и **брал с нас взятки** от збору подымных денег и от салдатских наборов.

⁶³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 17. Л. 17–18.

⁶⁴ ГАТО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 3396. Л. 7 об.

Наивные крестьяне уже в преамбуле своего сочинения показали, что исходно между ними как взяткодателями и комиссаром-взяткополучателем был обоюдный интерес. С точки зрения действующего законодательства, обе стороны намеревались нанести ущерб «государеву интересу»: за мзду комиссар, видимо, обещал крестьянам какие-то послабления в сборе подымного платежа и рекрутов. Но он не справился со своими обязательствами; взяв с общины 50 пудов хлеба, «набрал салдат, которые в службу негодных, и те салдаты в Тоболску не приняты». На следующий год «вместо оных салдат выбрал он же, Дурасов, других и от того набору **взял...** дватцет пуд хлеба, да от того ж набору брал с крестьян разницей» (то есть индивидуально, от тех, кто, видимо, хотел избежать рекрутчины персонально; далее следует список этих крестьян и суммы взяток с них)⁶⁵. Кроме того, Дурасов возмутил общину тем, что часто «безвинно» избивал крестьян и прямо забирал их имущество и деньги. Надо полагать, что, если бы чиновник вел себя сдержаннее и результативнее, это доношение не легло бы на стол генерала, а 50 пудов хлеба и, заметим, еще 30 пудов ржи, поднесенных ему «от правежа подымных денег», так и фигурировали бы в расходной книге калиновского старосты под нейтральным «несено» или «дано».

Но бывали и более сложные комбинации, заключавшие в себе более двух участников, неравноценно связанных процедурой взятки. Вот, например, вятские крестьяне Косинской и Полинской волостей Филиповой слободки в 1714 г. били челом о переводе их из подчинения («из повытья») подьячего Вятской приказной избы А. Глухих в непосредственное ведение коменданта Слободского И. И. Немтинова. Свое намерение челобитчики объяснили стандартно:

И чтоб у того подьячего Андрея Глухих в повытье им не быть, для того, что он **берет с них взятки** немалые⁶⁶.

Однако недовольство крестьян было вызвано не только взятками, но и тем, что Глухих «по стачке» с крестьянами Мудровской и Мухин-

⁶⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Л. 4–4 об.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 973. Оп. 1. Д. 2. Л. 149 об.

ской волостей той же слободки благоволил последним, разверстывал подати на них вдвое меньше, чем на косинских и полыньских крестьян, на которых, напротив, накладывал излишние оклады, «по своим прихотям» собирал с них поборы, и все это, как явствует из челобитной, делал в доле с мудровцами и мухинцами («теми деньгами корыстуютца сами»). Надо полагать, что Андрей Глухих создавал льготный режим мудровским и мухинским крестьянам не от бескорыстной дружбы, но в результате какой-то сделки, скорее всего, получая от них регулярный «корм» или «честные подношения», одновременно вымогая взятки с косинцев и полыньцев, которые в этой многоходовой комбинации оказались в итоге пострадавшей стороной. Другой известный хлыновский подьячий Егор Дьяконов в 1715–1716 гг. предвзято разбирал земельную тяжбу все тех же косинских крестьян Филиповой слободки,

... **ИЗО ВЗЯТКОВ** норовя тем ответчиком нашим, по присланным с Москвы из Сибирской канцелярии указом, никакого определения не чинят, и оттого нам чинятца великие убытки⁶⁷.

Пикантность ситуации заключалась в том, что в данном случае ответчиками, захватившими угоды косинцев, были не крестьяне, а такие же, как и Дьяконов, подьячие Вятской приказной избы Яков Хлудов и Василий Рязанцев, состоявшие в свойстве и принадлежавшие к влиятельному хлыновскому клану Рязанцевых. Как видно, ни длительная совместная служба, ни групповая солидарность не помешали Дьяконову «корыстоваться» взятками со «своей братии», а Хлудов и Рязанцев, вероятно, нисколько не считали это чем-то из ряда вон выходящим.

Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо. Частное вознаграждение должностных лиц, которое петровское правосудие было склонно квалифицировать как взятку, было явлением, распространенным в самых разных социальных срезах. Не следует считать, что жертвами взяточников или их вынужденными (или доброволь-

⁶⁷ РГАДА. Ф. 973. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

ными) соучастниками были исключительно представители низших общественных групп. Приведенный пример получения взятки подьячим от подьячих не единичен. Так, в анонимной челобитной «Об установлении правосудия в присутственных местах и о злоупотреблениях разных лиц» от 15 июля 1724 г. автор писал:

Вотчинной коллегии судью Федосея Манукова во многих ево непорядочных делах и в преступлениях указов... явно закрывали и Вашему величеству знатно не докладывали... **ИЗО ВЗЯТКОВ**...

Здесь взяткодатель — Ф. С. Мануков, известный администратор достаточно крупного ранга, должностные преступления которого за взятки покрывало его начальство. Но в этом же документе мы находим и более привычные нам случаи получения взяток канцелярскими служителями центрального аппарата с частных лиц:

Тако ж ево, Пашкова, канторы на секретаря Володимерова и на канцеляриста Степана Алексева... на них **во взятках** [показано], о чем теми людьми, с которых они что брали, освидетельствовано...⁶⁸

Практика передачи денег и ценностей в административной среде от одних чиновников другим, от нижестоящих — вышестоящим, от клиентов — патронам была в петровское царствование не плодом злопыхательского воображения анонима, но широко распространенным обыденным явлением. Для непрерывно реформируемой машины государственного управления, работа которой осуществлялась в «ручном режиме», взятка служила необходимым условием ее функционирования. Вот как объяснял этот механизм другой видный чиновник, не понаслышке знавший суть дела, Алексей Александрович Курбатов, в 1711–1714 гг. руководивший в чине вице-губернатора Архангелогородской губернией и попавший под следствие за казнокрадство и взяточничество. В своей предсмертной повинной, написанной в конце 1720 г., он сообщал:

⁶⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 179. Л. 6, 7.

...Сенацким служителем **розсыланы** виноградныя питья и друтия вещи, для того, *что они в делах Архангелогороцкия губернии имели труды*. А не посылать имел опасение, *чтоб в делах губернских не учинилось какой препоны*⁶⁹.

А на одном из допросов, повторив эту же мысль, бывший вице-губернатор сделал важное уточнение:

...Сенацким де служителем денги он держал из неокладных доходов за их к Архангелогородцкой губернии многой труд, и для того не почтить их невозможно, *на которое почтение таковыя ж расходы за их труды и в других губерниях есть* ...⁷⁰

Неуказные сборы, излишние сборы, необычные расходы, непотребные расходы

Группа терминов негативной аксиологической окраски была бы неполной, если к ней не добавить еще одно гнездо терминов, объединенных семантикой вымогательства и присвоения денег и материальных ценностей под видом сбора государственных податей. Сама практика и маркирующие ее понятия получили распространение благодаря характеру фиска петровского царствования, запутанности налоговой системы, обилию чрезвычайных сборов, связанных с ними хронических недоимок за разные годы, правомочность взыскания которых тяглецам было очень трудно проверить.

Для прикрытия своей корыстной деятельности, придания ей видимости законности приказные могли изготовить письменный «указ», санкционировавший сбор, хотя чаще ограничивались устными заявлениями, не вступая с крестьянами или посадскими в долгие объяснения. Бывали случаи, когда «неуказные» или «излишние» (сверх законных) сборы, шедшие в пользу расторопных чиновников, прово-

⁶⁹ РГАДА. Ф. 9, отд. 2. Кн. 94. Л. 440 об.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 700. Л. 160–161.

цировали крестьянские беспорядки вроде известного в специальной литературе Ишимского восстания 1714 г.⁷¹ Его виновником стал приказчик ишимских слобод в Южном Зауралье Степан Немтинов, занимавшийся, кроме прочего, «приискиванием» в слободах новых тяглых дворов. Деятельность по расширению, как бы мы сказали сейчас, налогооблагаемой базы сопровождалась взяточничеством. Приказчик брал с крестьян по 10 руб. с человека («и больши, и менши»), вероятно, в обмен на освобождение от тягла и, кроме того, собирал под видом податей по 200 руб., высылая в Тобольск — губернскую столицу — из тех сумм «малое число», не выдавая за собранные деньги отписей (квитанций)⁷². На требования крестьян предъявить им указ, подтверждающий законность этих сборов, Немтинов дерзко отвечал: «Я де вам не указ ли?»⁷³ Спровоцированное им восстание, которое жестко подавили посланные из Тобольска драгуны под командой подполковника А. Парфентьева, повлекло разграбление приказчикова двора. Сбежавший из Ишимского острога Степан Немтинов в словесной челобитной в Тобольске показал, что в результате бунта у него пропали 1 400 руб. (!) денег и 500 четвертей (!) хлеба⁷⁴. Слободской приказчик с годовым окладом, едва ли превышавшим 150 руб., не мог скопить такое богатство иным путем, кроме масштабного взяточничества и незаконных поборов.

Собирать подати по завышенной ставке («излишние сборы») позволяла себе даже последняя приказная мелюзга: это было удобно и не так рискованно, как в случае с Немтиновым, который, видимо, практиковал и «неуказные», откровенно вымышленные поборы. Правда, попадались и такие. В 1723 г. бдительные крестьяне Крас-

⁷¹ Голикова Н. Б. Восстание крестьян ишимских слобод в 1714 г. (из истории классовой борьбы сибирского крестьянства) // Вестн. МГУ. 1963. Сер. 8, История. № 3. С. 58–64; Акишин М. О., Шашков А. Т. Фискальный гнет Петровской эпохи и сибирское крестьянство (к вопросу о достоверности переписей конца XVII — начала XVIII в.) // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 96–111.

⁷² РГАДА. Ф. 248. Кн. 641. Л. 743 об. — 744.

⁷³ Там же. Кн. 19. Л. 496.

⁷⁴ Там же. Кн. 641. Л. 744–745.

номыльской слободы через своего выборного Максима Дегтярева донесли в канцелярию генерала В. И. Геннина:

... Были в Красномыльской слободе писчие дьячки Тит Былычев да Тихон Шамонин, которые збирали со зборщиками государевы инте- ресные денги. *И во оном зборе оные воровали, писали в книги воровски, а денги брали к себе.* < ... > Також оные пищики, как у вышеписанного интересного третного збору были, и **брали** себе бобрами и телегами ... ⁷⁵

В описанном случае, помимо «излишнего сбора» (записанного в книги «воровски»), писчие дьячки «корыстовались» и взятками. Аналогично действовали в Обонежской пятине Новгородской провин- ции в том же 1723 г. уже упоминавшиеся комиссар Никита Арцыбашев, подьячий Яков Волоцкий и их подельник комиссар Григорий Баранов:

... в бытность свою во оной пятине у сборов денежной казны яви- лись в презрении указов, и в похищении казны, и **в излишних сборах**, и во взятках, а имянно: 1) По указу 1723 года декабря 31 дня велено на 1724 год на первые две трети собрать по 38 копеек с души, а они со- брали по 54 копейки с души; 2) Собранной денежной казны подушных и переборных сверх указу и прочих разных сборов утаили и издержали в собственные свои расходы: Арцыбашев 2 039 рублей 40 копеек, Бара- нов 607 рублей 43 копейки, подьячий Волоцкой 132 рубля 43 копейки ⁷⁶.

С «неуказными сборами» тесно соседствовали «необычные рас- ходы», изобличая масштабные махинации чиновников на запущенной ниве российского налогообложения. Чтобы показать, что понимали современники под термином «необычные расходы», следует вновь вернуться к показаниям тобольского подьячего И. Г. Замощикова, одного из фигурантов гагаринского дела, данных им в следствен- ной канцелярии лейб-гвардии майоров И. И. Дмитриева-Мамонова и И. М. Лихарева в ноябре 1720 г. Как отмечалось выше, главный

⁷⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Л. 41.

⁷⁶ ПСЗ. Т. 7. № 4826.

подследственный, сибирский губернатор кн. М. П. Гагарин, своими указами включал взятые с местных крестьян корма в зачет государственных налогов, превращая их, по сути, в «излишние неуказные сборы». Присвоенные таким образом средства были квалифицированы следствием как «необычные расходы»:

...**необычныя... росходы**, которые держаны по приказу губернатора и людей ево из збору крестьян околородных... волостей... по пометам ево, губернатора... зачитаны в годовые их оброки.

По словам И. Замощикова, этим крестьянским сборам в большой Тобольской канцелярии велся специальный учет — «зачетные росписи», на основании которых по подписанию губернатором происходило внесение указанных сумм в общую уплату податей⁷⁷. Сам кн. М. П. Гагарин, вынужденный давать объяснения на показания Замощикова, не смог отрицать наличия таких поборов и связанных с ними «необычных расходов», но для смягчения собственной вины не нашел ничего лучшего, как переложить ответственность на тобольского обер-коменданта И. Ф. Бибикова. На допросе 16 ноября 1720 г. князь заявил, что обо всем изложенном

... он не ведает, потому что в Тоболску он в 715 году не был (рассматриваемый эпизод касался событий 1715 г. — Д. Р.) и губернии не ведал... и таких немалых росходов ему, Замощикову, без указов держать невозможно, и буде такие росходы он... держал, то [пусть] свидетельствуют указы, а в 715 году губернию ведал обор-камендант Бибиков⁷⁸.

Деньги, взятые с подгородных тобольских крестьян, были действительно велики: только по разбираемому эпизоду — на общую годовую сумму в 1 015 руб. 18 алт. 2 ден. В реестре, составленном И. Замощиковым по требованию следователей, подробно расписаны статьи расхода средств. Реестр, который, собственно говоря, раскрывает часть

⁷⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 82. 83 об.

⁷⁸ Там же. Л. 84.

годового кормления губернатора и его ближайшего окружения, демонстрирует масштабы и характер упомянутых «необычных расходов».

Так, в реестре показаны затраты на покупку дров (649 сажень на общую сумму в 144 руб. 26 алт. 4 ден.) и сена (на общую сумму в 278 руб. 25 алт.), из которых в пользу губернатора («на губернаторской двор») пошло: дров — 192 сажени, сена — 520 возов; обер-коменданту И. Ф. Бибикову: дров — 62 сажени, сена — 160 возов; коменданту Д. А. Траурнихту «и зятю ево Бухольцу»: дров — 64 сажени, сена — 72 воза (правда, от этого количества какое-то число возов было выделено «афицером Бастанову с товарищи»). Кроме того, «на строение губернаторских 2-х и за особые огороды людей ево, и за чищение дворов и нужников, и за воску навозов работником за наем» истратили 166 руб.; за те же огородные работы в пользу Бибикова пошло 13 руб., Траурнихта с зятем — 20 руб. Дополнительно «за очиску дворов губернаторских и людей ево, и чтоб насыпали песком» работникам в совокупности выплатили еще 55 руб. На транспортировку 500 возов губернаторских «хлебных запасов» на мельницы и обратно было уплачено в общей сложности 150 руб. Это, так сказать, частные расходы.

Но на мирские деньги кн. Гагарин содержал не только себя и комендантов с семьями. Часть средств шла на покрытие казенных потребностей: 30 руб. уплатили за провоз на мельницы и обратно 100 возов казенного хлеба, смолотого «для ямышевской посылки» — на выдачу служилым людям, отправляемым за солью на Ямыш-озеро; в ямышевский же «отпуск» крестьяне купили на 150 руб. «свинных мяс»; 150 сажень дров использовали на отопление Большой канцелярии, и 48 сажень — на отопление «писарни», то есть помещения, где трудились переписчики. Еще некоторое количество было потрачено на богоугодное дело: в пользу Вознесенской церкви тобольские «командиры» выделили 49 сажень дров, а пять возов сена передали «в собор» (надо полагать, в кафедральный Софийский). Наконец, последнюю часть от годового расхода на хозяйственные нужды пришлось пожертвовать на обеспечение работы следствия. Дело в том, что в 1715 г. шел розыск по первому обвинению кн. М. П. Гагарина обер-фискалом А. Я. Нестеровым; именно поэтому губернатора в Тобольске не было. Пока князь давал показания в Петербурге, в следст-

венной канцелярии генерал-лейтенанта и лейб-гвардии подполковника кн. В. В. Долгорукова, производить расследование на месте, в Сибири, был отправлен лейб-гвардии капитан кн. А. Л. Долгоруков. Вот ему-то «и афицером ево, Бастанову с товарищи», и было выделено 46 сажень дров и какое-то точно не указанное количество сена. Не исключено, что следствие, проводившееся князьями Долгоруковыми, не дало результатов потому, что сибирские власти не поскупились на их содержание, которое, надо думать, дровами и сеном не ограничилось. Во всяком случае, позже обер-фискал Нестеров прямо обвинял следователей в попустительстве кн. Гагарину⁷⁹. Еще 31 сажень дров пошла на отопление двора сыщика стольника С. Павлова и его подьячих, приехавших из Москвы; 8 руб. заплатили за очистку подворья, на котором оставился Павлов⁸⁰.

На пресечение такого рода преступлений был направлен именной указ от 10 февраля 1720 г., который повелевал объявлять о сборе тех или иных податей с помощью исключительно *печатных* указов, «чтоб всяк о тех зборах подлинно был сведом и никому б нельзя было прибавить или убавить». За взятие «сверх того **лишнего**» виновные подлежали смерти или вечной ссылке на галеры с вырезанием ноздрей или конфискацией имущества⁸¹. Впрочем, как видно, этот указ, подобно многим другим, проблему не решил, что побуждало и в дальнейшем к публикации новых, в том числе локальных указов, оперировавших понятиями излишних и неуказных сборов, как например, указ генерал-майора В. И. Геннина соликамскому провинциальному воеводе полковнику кн. Н. М. Вадбольскому от 28 ноября 1723 г.:

⁷⁹ Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск, 2003. С. 127; Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: Комиссии петровского времени. М., 2003. С. 216–218.

⁸⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 82–83.

⁸¹ ПСЗ. Т. 6. № 3515.

Тако ж надлежит смотреть, чтоб старосты не плутали и **излишних неуказных зборов** про себя (то есть для себя. — Д. Р.), кроме Его величества, не збирали⁸².

Презентальные деньги, презент

Новая эпоха несла с собой новые слова. Заимствования из западноевропейских языков не миновали сферу частных вознаграждений. Кроме упоминавшихся выше и хорошо известных в литературе «акциденций», по-новому маркировавших стародавнее «кормление от дел», петровское царствование внесло в обиход понятие «презентальных денег» («презента»). Этимология термина очевидна и буквальна: подарочные деньги, подарок. Но их аксиологическая окраска и смысл не столь однозначны. Едва ли не первое толкование этого вида подношения можно обнаружить в «Областном управлении России XVIII века» П. Н. Мрочек-Дроздовского. Историк пояснял, что под этим термином понимался единовременный сбор, средства от которого шли на вознаграждение гонцам, приносившим в губернии вести о каких-либо радостных событиях, происходивших при царском дворе или в государстве вообще. В качестве примера он описал сбор «презентальных денег» по поводу бракосочетания Петра I и Екатерины Алексеевны⁸³. Правда, пересказав содержание изданного по этому поводу циркулярного сенатского указа 1712 г., автор усомнился, что столь крупная сумма могла полностью уходить на оплату гонцу, «но что касается до какого-либо иного употребления этих денег, то мы на то не имеем ровно никаких указаний», — заключил он⁸⁴. Между тем, по смыслу сенатского указа, если гонец (ближний окольничий К. Х. Патрикеев) и получал какую-то часть от этого сбора (что однозначно установить трудно), то другую часть надлежало аккумулировать в руках губернатора Санкт-Петербург-

⁸² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 19. Л. 35 об.

⁸³ Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года : Историко-юридическое исследование. М., 1876. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.). С. 316.

⁸⁴ Мрочек-Дроздовский П. Указ. соч. С. 316.

ской губернии кн. А. Д. Меншикова или вице-губернатора Я. Н. Римского-Корсакова. Очевидно, что в дальнейшем упомянутые деньги предназначались именно в качестве подарка монаршим особам.

Понеже царское величество указал о своем браке послать со объявительными грамотами в Москву и в прочие во все города Российского государства ближнего околничего Козму Хрисантьевича Патрекеева, и того ради как духовного чину властям, так губернатором, вице-губернатором, ландрихтером, и обор-камендантом, и камендантом, и приказным человеком, и бурмистром, и гостям, и гостиной сотни объявить, дабы оною столь преславную и достохвальную радостию посланного каждой по силе своей на Москве подарками почтили, и кто чем почитит, о том велено ему донести самому Его царскому величеству. А которых губернаторов и прочих выше помянутых... людей **презенты** собрав, присылали в Санкт-Петербург, как скоро возможно, немедленно. Также губернатором каждому своей губернии в тот **презент** прислать в Санкт-Петербург с приказных людей и бурмистров и с посадов с каждого города по 50 рублей. И те деньги, собрав з городов, розверстав по состоянию тех городов, что с которого города доведетца, а в Санкт-Петербурге объявили б те деньги ему, светлейшему князю, а не в бытность его — вице-губернатору господину Корсакову. А сколько которой губернатор вышписанных **презентальных денег** с себя и с протчих... чинов людей и з городов собрав отправит, о том для доношения Его царскому величеству к нему писать, о чем он, светлейший князь, правительствующему Сенату указом Его царского величества объявит⁸⁵.

Скорее всего, гонец вообще ничего не получал в свою пользу (если на то не было особого распоряжения царя), а оставался лишь передаточным звеном, сборщиком «презентов», как то явно следует из другого случая, также приведенного, но неверно истолкованного П. Н. Мрочком-Дроздовским:

⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 38–39. Цит. по указу, адресованному сибирскому губернатору кн. М. П. Гагарину.

Лета ... 1716 ноября в 3-й день по указу Великого государя царя и великаго князя Петра Алексеевича, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержца, *взято в его, Великого государя, казну в Монастырский приказ* по отписке Воскресенскаго монастыря, что на Истре, архимандрита Антония с братиею, для радости о рождении благороднаго государя царевича и великаго князя Петра Петровича ... в положенное указное число **презентальных** Борису Ивановичу Неронову с него, архимандрита Антония, десять рублей с полтиною ... ⁸⁶

При всем «добровольно-принудительном» тоне этих текстов и при наличии установленной квоты денежной суммы, полагавшейся к сбору, складчину на свадебный подарок государю или на рождение цесаревича трудно расценить как взятку. С определенными оговорками цитированные фрагменты было бы логично поместить в раздел, повествующий о «почестях», как образцы эксклюзивного характера, если бы не одно обстоятельство. Как выяснилось, идея сбора «презентов» была опробована несколькими годами ранее кн. А. Д. Меншиковым, человеком, знавшим толк в подобного рода вещах.

В июне 1717 г. Афанасий Аникиев, представивший себя в доношении как «санктпитеербурхской житель, бывшей казанской гостиной сотни», известил светлейшего князя:

... В прошлом, государь, 705-м году на винокуренные, Вашей светлости, низовые заводы при камисаре Сергееве **збирано в презент** [с] разных чинов людей казанов, и труб, и лошадей, в которой **от меня**, нижеименованнаго, **в то время дачи не было**. И в прошлом 715-и году, в бытность в Казани генерал-отъютант господин Полянскій объявил мне ... тетрадь записную, в которой гостиной сотни Иван Микляев и протчие **подписались дачею в презент** на винокуренные заводы казанов, и труб, и протчих, и говорил мне, что [б] я ... **в дачю презента подписался ж**, в которой тетраде подписал я шесть котлов с трубами, две лошади. И ныне, государь, по той подписке по указу от лейб-гвардии

⁸⁶ Цит. по: Презентальные деньги 1716 года : Сообщ. архимандрит Леонид [Кавелин] // Рус. старина. 1874. Т. 9. № 1. С. 191.

господина порутчика Юрьева забраны в поставке меня в Казани люди мои и держатца за караулом. А я... отлучился было от дворишка своего за торговым своим промыслом к городу Архангельскому, и волею Божиею заболел, и ныне в Ярославле лежу при смерти. Прошу, государь, Вашей высококняжеской светлости (вероятно, милости. — Д. Р.), дабы мне в том раззорения какова не было и людем бы моим быть свободным⁸⁷.

Из этого доношения становится ясно, что сборы на «презент» (в данном случае не денег, а имущества) для обеспечения работы винокуренных заводов светлейшего князя были впервые предприняты им в 1705 г. и имели не разовый характер, продолжаясь и позднее, по крайней мере, еще в 1715 г., а возможно, и позже. Способ получения «презента» — вымогательство. Как видно из процитированного текста, у «разных чинов людей» не было даже гипотетического выбора, «дарить» или «не дарить» (в отличие от ситуаций с подношением «почести» или «корма»). Представители кн. А. Д. Меншикова (выступавшего в данном случае частным лицом) вели персональный учет невольных дарителей в записной «тетрати» и преследовали уклонившихся. Похоже, что для последних не существовало и срока давности: презент рано или поздно должен был быть поднесен.

Судя по всему, именно такое значение «презентальных денег», или «презента», практически равноценное понятию «взятка», закрепилось за терминами в последующем, по крайней мере, в течение всего XVIII в. На это совершенно недвусмысленно указывал А. А. Кизеветтер: «Расход на взятки чиновникам тех учреждений, с которыми приходилось иметь дело посадским обществам и вообще тем лицам, от которых зависели интересы посада, был обычным явлением и имел для себя в отчетных ведомостях особую графу под титулом *“Презентальные деньги”*»⁸⁸.

Все вышеизложенное показывает, что в период петровского царствования практики частных вознаграждений должностных лиц имели разнообразную вербальную маркировку, что выразилось в бытовании

⁸⁷ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 74. Л. 110.

⁸⁸ Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 551.

богатого набора обозначавших их понятий. Чаще всего между этими словами-понятиями чрезвычайно трудно провести четкие смысловые границы. Как будет показано ниже, эти затруднения испытывали не только позднейшие специалисты, но и сами современники. Главный водораздел пролегал между полярными в своей основе понятиями «почесть» и «взятка» и имел оценочный характер. По самому обобщенному толкованию под «почестью» понималось относительно добровольное подношение должностному лицу, не осуждаемое общественным мнением и нередко оправдываемое с точки зрения законодательства. Под «взяткой» понималось так или иначе вынужденное подношение, осуждаемое общественным мнением и однозначно преследуемое по закону. Случаи принуждения к даче взятки со стороны чиновников, сопровождаемые различными формами насилия («вымученные» взятки), с точки зрения современного права вообще могли напоминать *грабеж* (открытое похищение чужого имущества, совершенное без насилия над личностью или с насилием, не опасным для жизни и здоровья) или *разбой* (такое же похищение с применением насилия, опасного для жизни и здоровья или угрозой его применения) с использованием служебного положения взяточника.

Вокруг базовых понятий «почесть» и «взятка» группировался ряд других, семантически связанных с ними, включавших как старые термины, уходящие далеко в прошлое («корм», «кормление», «налога» и т. п.), так и новые, рожденные Петровской эпохой («акциденция», «презентальные деньги»). Некоторые термины этого круга, известные предшествующим временам и во множестве зафиксированные источниками XV–XVII вв., в первой четверти XVIII столетия либо вовсе уходят из употребления, либо используются значительно реже. Так, например, сложилась судьба понятия «поминки», не обнаруженного нами в выявленном документальном массиве за изучаемый период⁸⁹, и понятия «посул», частотность использования которого

⁸⁹ П. В. Седов отмечает, что термин «поминки» «вообще не встречается в монастырских описаниях подношений в приказах» уже в XVII в. (Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII века // Отеч. история. 1996. № 1. С. 146). Конечно, гипотетически термин мог встречаться в других документах, но его отсутствие в монастырской документации, одной из наиболее информационно насыщенных и относя-

заметно сокращается (видимо, в силу поглощения и вытеснения термином «взятка»).

... И того смотреть, чтоб дети боярские, которые на приказах преж сего у воевод докупались и крестьян многими вымыслы раззарили, и о том от крестьян многое на них было челобитье, и ему, князь Семену... в слободы в прикашики... выбрав людей добрых старых, и буде возможно, управить села по два или по три и больше... А чтоб они крестьян не обижали и **с них себе посулов не имали, и учинить им указное**, по рассмотрению, **чем ему возможно быть сыту**, дабы де сверх того которой прикашик что учнет на ком себе иметь... и того прикашика, бив кнутьем, и взяты все ево животы на Великого государя, а ево от чину отставить, а вместо тово послать иного доброго человека ...⁹⁰

Смысловые различия между всеми этими «конвойными», сопровождающими понятиями еще более нивелированы, подвижны, зависимы от интерпретаций заинтересованных сторон. Некоторые историки, обращавшиеся к сходной тематике и изучавшие ее на материалах допетровского времени, в частности, XVII в., склонны отмечать более четкую смысловую определенность терминов частных вознаграждений должностных лиц в ту пору. Так, например, известно, что Н. Ф. Демидова, автор ставшей уже давно классической монографии «Служилая бюрократия в России XVII в.», считала, что «почесть», «поминки» и «посул» в практике сотрудников центральных приказов Московского государства были четко привязаны к этапам прохождения «челобитчиковых дел» и к действиям самих приказных. «Почесть», по мнению историка, являлась подношением, которое

щихся, главным образом, ко второй половине XVII в., очень показательно и позволяет говорить о заметной редукции понятия «поминок» уже в предпетровский период.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2074. Л. 12–12 об. Этот документ — наказ, данный из Тобольской большой канцелярии стольнику кн. С. Ю. Солнцеву-Засекину при его назначении на должность верхотурского воеводы, имеет типовой характер и интересен еще тем, что фактически подтверждает право слободских прикащиков брать «корм» с подвластного населения, но в каких-то установленных («учинить им указное») умеренных объемах, «что ему возможно быть сыту».

давалось приказным перед началом рассмотрения дела и стимулировало его успешное продвижение; «поминки» были подношениями, призванными ускорить конкретную работу приказных, а «посул» подвигал дьяков и подьячих к совершению противозаконных действий в пользу посульников⁹¹. Солидарная с Н. Ф. Демидовой Л. Ф. Писарькова еще категоричнее определяет понятия «почесть» и «поминки», считая, что первое было подношением «должностным лицам до начала дела», а «поминки» — подношением «после окончания дела»⁹². Может быть, такая картина и была свойственна порядкам ведения дел в московских приказах XVII в., но, во-первых, частные вознаграждения должностных лиц практиковались не только в приказах, а пронизывали все уровни административной иерархии и все социальные группы, и, во-вторых, подношение «в почесть», как было показано, могло осуществляться и в большинстве случаев осуществлялось вовсе не в рамках рассмотрения какого-либо дела. Поэтому мне гораздо ближе вывод П. В. Седова, сделанный на материалах второй половины XVII в.: грань между «более или менее законной “почестью” и незаконным “посулом” зачастую была очень зыбкой»⁹³. Это полностью подтверждается и моими материалами, относящимися к более позднему периоду первой четверти XVIII в.

⁹¹ Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 141–146.

⁹² Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России : (По материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) // Отеч. история. 2002. № 5. С. 33.

⁹³ Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII в. С. 146.

3.4. Так что такое взятка?

Общественная дискуссия о ее сути

АК отмечалось выше, терминология частных вознаграждений не имела строгой категориальной определенности ни в период петровского царствования, ни ранее, по крайней мере, в непосредственно предшествовавший ему период второй половины XVII в. Смысловое наполнение этих терминов зачастую зависело от того, каким образом его (и маркированное им явление) интерпретировали заинтересованные стороны. Очевидно, таким образом, что вопрос употребления того или иного слова, означавшего передачу материальных ценностей в пользу должностного лица, имел отнюдь не лингвистическое значение. От наименования подношения, а, следовательно, от квалификации обозначенного им действия зависела карьера, а иногда и жизнь принявшего подношение.

Так, например, крестьяне или посадские, традиционно безропотно «кормившие» чиновника и приносившие ему «в почесть» деньги и продукты, вдруг могли подать на того же чиновника челобитную, в которой все предыдущие приносы оказывались квалифицированы с помощью других слов. Отчего же происходили такие прецеденты?

Вот выписка из обычной расходной книги, включенная в челобитную, поданную в январе 1723 г. генералу В. И. Геннину выборным Багаряцкой слободы И. Савиным на подчиненного комиссара Алексея Булгакова. В ней «почести», поденный «корм», выраженные в нейтральных и свойственных для расходных книг терминах «куплено»,

«ставлено» «несено», вчинены комиссару в криминал в результате конфликта между ним и общиной, спровоцированного жадностью и жестокостью чиновника:

Оной Булгаков бил старост батожьем насмерть **для приносов** своих, а имянно... (далее перечислены поименно старосты и рядовые крестьяне.— Д. Р.).

После такого «введения» обычно безобидные и совсем не обличительные выписки из расходной книги приобретают злоеющее звучание:

Куплено рыбы на рубль на девятнадцать алтын, она рыба **несена** ему, Булгакову; да на него ж **ставили** сена четыре ста копен; да дров ему вышло дватцать сажен. **Куплено** вина на кабаке в разных числах на четырнадцать рублей. И оное вино **несено** ему...

Дальше становится ясно, почему традиционные подношения «в почесть» крестьяне решили присовокупить к криминальным поборам,— Булгаков слишком обнаглел:

...ездит по уезду нашему для своих прихотей и велит собирать крестьян, чтоб ему **несли** денгами и хлебом, а дела никакова не объявил...

Мало того, комиссар не брезговал откровенной уголовщиной:

Да оной же Булгаков грабил на дороге крестьянина Марка Пьянкова. Как он погнал скота на Демидовы заводы, и оной настиг его, ограбил нагло, а что **грабежом взял**, про то скажет он, Марков (так в тексте.— Д. Р.). Да ему ж, Булгакову... **давано** из миру хлебом, и харчом, и денгами всего на семь рублей на одиннадцать [алтын] на четыре денги.

Учитывая, что вышеперечисленные подношения из расходной книги по сумме больше (одного вина в общей сложности было ставлено на 14 руб.), можно считать эти 7 руб. 11 алтын 4 деньги «смученными» Булгаковым сверх каких-то приемлемых для крестьян норм.

Но, решив разделаться с зарвавшимся комиссаром с помощью вышестоящего начальства, челобитчики «сплюсовали» в криминальные взятки *все* подношения⁹⁴.

Непомерные материальные притязания чиновников, их стремление взять с общины «излишнее» могли вызвать ответные действия даже в том случае, когда требования подношений не сопровождалось насилием и угрозами. Такую ситуацию мы видим в челобитной полкового казака Артемия Кузина, поданной в июне 1706 г. в Ижорскую канцелярию на сборщика канцелярии медового сбора подьячего К. М. Локтева:

... А как с Москвы в Танбов збирался ехать [Локтев], говорил нам: «Я де даром не еду, мне де велено по указу **взять** на вас **езд**». А в указе Великого государя, каков ему, подьячему, дан, велено ль на нас **взять** езд или нет, про то мы не ведомы. А указ он нам не объявил и **взял** с нас на Москве **взятков** четыре пуда меду да рубл[ь] денег. И говаривал нам такие слова: «Хотя возьму с собою в Танбов человек з десять, мне де велено ехать с Москвы на ваших подводах», и взяв с собою свойственника своего, торгового человека Мещанской слободы Дорофея Алексеева. И мы, государь ... нанели на Москве под него и под свойственника ево две подводы дорогою ценою, и **покупали им на дороге в городех по неволи ... вино, пиво, мед и всякую съесную харч**. И от той, государь, поневолей ево, Кузминой, купли изошло у нас до Танбова на всякую их харч и запросов двенатцать рублей.

Известно, что в России в течение всего XVIII в. содержание правительственных агентов (различных ревизоров, следователей, сборщиков и т. п.), как правило, ложилось на население «принимающей» территории. Вероятно, поведи себя подьячий Локтев как-то корректней, челобитной бы не возникло: жители Верхоценской волости Тамбовского уезда, куда подьячий отправился собирать налоги по оброчным статьям с бортных ухажьев и рыбных ловель, оплатили бы найм подвод и прогонов и кормили бы его в дороге и по месту пребывания (что К. Локтев назвал старинным словом «езд»). Но дерзкое поведение

⁹⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Л. 7 об. — 8.

сборщика и необходимость расходов на его свояка-попутчика обозначили казаков и крестьян. «Корма» и прогоны они вчинили ему во взятки, попутно, по сути, обвинив его в требовании «неуказного сбора» («А в указе Великого государя, каков ему, подьячему, дан, велено ль на нас взять езд или нет, про то мы не ведомы. А указ он нам не объявил ...»). Вдобавок челобитчик сообщил, что К. Локтев не исполнял своих должностных обязанностей («... жил в Танбовском уезде в селе Кукосове у нас на дворах, а живучи, ничего не учинил») и обвинил его в присвоении коня и личного имущества А. Кузина ценой в 6 руб.⁹⁵

Но и чиновники, уличаемые во взятках, так же легко, меняя понятия, отводили обвинения, доказывая, что имевшие место подношения денег и вещей были не взятками, а «почестью». Выше я приводил ряд таких примеров (см. раздел «Почесть», гл. 3.2), но они, как и другие, легко могут быть продолжены.

... А кто что собою и чем приносили ему, Траханиотову, в почесть по малому самому числу **из воли своей**, а не из неволи и не для отпущения государевых интересов, и у тех людей он, Траханиотов, **принимал**. А кто что и чем ему... **в почесть приносили**, и он принимал, того он ... сказать порознь не упомянет⁹⁶,

— оправдывался в 1720 г. бывший верхотурский воевода стольник И. И. Траханиотов.

... И понеже злость и коварство оных крестьян принудило меня для пресечения одного великого вреда и в заводских работах с послушниками поступать жестоко, умыслили они меня, [то, что я] ... принимал за **честное приношение**, которое они потом все **обратили в злоимание и насилиство** ...⁹⁷,

— писал тремя годами позже взятый под арест алапаевский земский комиссар И. В. Аврамов.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 26. Оп. 1, ч. 1. Д. 1/1. Л. 362 об. — 363.

⁹⁶ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2640. Л. 399 об. — 400.

⁹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Л. 37 — 37 об.

Преследование чиновников за казнокрадство и взяточничество, ставшее обыденной реальностью петровского царствования, порождало в рядах управленцев всех рангов недоумение и нервозность. Легкость, с которой одно и то же деяние поддавалось полярно различной классификации, удручала и требовала внесения нормативной ясности. Мысль о том, что взимание частных вознаграждений от челобитчиков или вообще от зависимых лиц может влечь за собой наказание, переворачивала всю систему привычного миропорядка и подвигала к поиску каких-то веских оправданий сложившейся системы отношений. Можно утверждать, что в первой четверти XVIII столетия в чиновничьей среде стал формироваться общественный дискурс о допустимости или пределах допустимости «корыстования» по службе.

Чаще всего защитники системы частных вознаграждений безыскусно апеллировали к праву на получение «почестей». Попавший под следствие за взятки в бытность ярославским ландратом и уже упоминавшийся В. И. Милюков отвергал обвинение, строившееся на выписках из расходных книг ярославских бурмистров. Перечисленные в них подношения, сделанные в 1714–1715 гг., Василий Иванович квалифицировал как «почестные» и с искренним недоумением заявил допрашивавшему его угличскому провинциальному воеводе ближнему стольнику Ф. Е. Бутурлину:

А такова де государева указу он, Милюков, и не ведает, **что без дела в почесть имать не велено**⁹⁸.

С не меньшей уверенностью в собственной правоте и в неизбежности «добровольных приносов» высказался кн. В. В. Долгоруков в письме к кабинет-секретарю А. В. Макарову 24 января 1718 г.:

Изволь милостиво разсудить, хотя б кто меня в чем и подарил, а бес повреждения интересу государственного, мне кажетца, *всякой в своем добре волен. Как я людей дарил, так и меня даривали, и впредь то будет.*

⁹⁸ Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.) : в 2 т. М., 1908. Т. 1. № 51. С. 63.

Бывший глава следственной канцелярии, ведший розыск по первому делу кн. М. П. Гагарина в 1715 г., лейб-гвардии подполковник и генерал-майор, очередной «птенец гнезда Петрова» и, казалось бы, по определению носитель неких новых представлений о службе и долге, князь Василий не видел большого греха в получении посула, рассуждая вполне в духе старомосковского приказного подьячего:

... Хотя б и сыскалось какие мне даны, например, и **посулы**, за помянутыя мои службы и усердныя работы, надеялся б я, были мне отпущены⁹⁹.

Но бывали примеры гораздо более фундаментальных рассуждений на эту тему. Так, И. Т. Посошков, обличитель всех непорядков, ведущих к «скудости» государства, справедливо порицавший «гостинцы», относил к ним и «почести»:

А **гостинцов** у исцов и у ответчиков отнюд принимать не надлежит, понеже мзда заслепляет и мудрым очи. <...> И того ради отнюд **почести ни малые** судье **принимать не годствует**, дабы в неправом разсуждении пред Богом и царем не согрешити¹⁰⁰.

Он находил возможным легализовать «кормление от дел», сделав его вместо жалованья источником вознаграждения приказных и полагая, что это станет панацеей от взяток и стимулом к добросовестной работе:

Мне мнитца, лучши учинить, пропитания ради, главным судьям и приказным людям учинить оклад з дел, **по чему** (то есть сколько. — Д. Р.) **с какова дела брать за работу**, и уложить имянно, по чему брать с рубля на виноватом и по чему с рубля с правого, и по чему брать с рубля в приеме денег в казну, и по чему с роздачи жалованной, и по чему с купецких и подрядных дел, и почему с каковые выписки, иль с указа какова, иль с грамоты, иль с памяти. <...>

⁹⁹ РГВИА. Ф. 2583. Оп. 1. Кн. 24. Л. 335–335 об.

¹⁰⁰ Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 73.

И по таковому новоизложенному уставу давать вси будут охотно, а и приказные люди будут дела делать охотнее и волочить уже не будут, потому что буде зделает во уреченное время, то примет себе мзду против указу полную, а буде ко уреченному числу не зделает, то возмет половину, а буде же гораздо заволочит, то и вся своя лишится мзды.

Тех же приказных, которые будут брать «сверх указаго числа лишку», Посошков предлагал наказывать рублем — брать «за всякую излишнюю копейку по рублю». По такому же тарифу Иван Тихонович предлагал штрафовать и взяточдателей¹⁰¹.

Несомненно, прекрасно знавший современные ему житейские практики, И. Т. Посошков с подобными рассуждениями оказался, как бы мы сейчас сказали, «в тренде». Тарификация «кормлений от письма» существовала уже давно, правда, на неофициальном уровне. Царь Петр, как было показано выше, не раз пытался ее упорядочить и узаконить, правда, имея в виду фискальный интерес, отчего его попытки не вызывали энтузиазма в самой приказной среде. Наконец, как известно, после смерти венценосного преобразователя его питомцы и наследники легализовали «кормления от дел». Но как ошибался прожектер Посошков, полагая, что это приведет к ликвидации всех форм мздоимства и улучшит качество работы административного аппарата!

Свою лепту в «теоретическое» обоснование дифференцированного подхода к оценке законных и незаконных частных вознаграждений внес годом раньше, чем И. Т. Посошков, в 1723 г., скромный комиссар Алапаевского дистрикта И. В. Аврамов, попавший под уже не раз упоминавшееся следствие, которое проводил на Урале генерал-майор В. И. Геннин. Энергично взявшийся преследовать местных чиновников, взяточников и вымогателей, генерал 15 февраля 1723 г. доносил кабинет-секретарю А. В. Макарову о первых результатах своей деятельности: «... из оных (подследственных. — Д. Р.) иные уже с пристрастием в застенке спрашиваны, винулись, и взятое с народу, с них мужикам паки возвращено»¹⁰². Одним из оказавшихся в застенке был И. В. Аврамов.

¹⁰¹ Там же. С. 86–87.

¹⁰² Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / сост., вступ. ст., коммент. М. О. Акишина. Екатеринбург, 1992. Док. № 17. С. 65.

Процесс возврата крестьянам взятого с них имущества, вероятно, действительно имел место, поскольку, как сообщал сам Аврамов, он вынужден был выплачивать «не токмо иным взятое, но и вдвое, а другим ничем не должен был, [но] колико мог — платил». Кроме того, комиссару пришлось выдавать некоторым крестьянам долговые расписки («писма»), по которым он вроде бы собирался расплатиться со своими жертвами после освобождения. Однако крестьяне, среди которых, по убеждению И. Аврамова, были и те, кто обвинял его из «коварства», пытались по данным распискам получить деньги и имущество немедленно, взыскивая с аврамовской жены. Собственно говоря, эти платежи и заставили тобольского дворянина взяться за перо. Конечный смысл его доношения, написанного в узилище и адресованного грозному генералу, сводился к попытке остановить направленный против него праведж до освобождения («дабы в продолжении моего ареста те ж челобитчики мои з данными им о заплате от меня писмами з доукою до Вашего превосходительства впред не явились...»). Но первая половина доношения представляет из себя достаточно стройное объяснение мотивов поведения комиссара, приведшего его за решетку, и является наиболее важной для понимания специфики социального правосознания чиновничества той поры, а потому требует особого рассмотрения.

И. Аврамов начинает свое обращение к В. И. Геннину с безоговорочного признания собственной вины («вина моя явная, и извинения никоего приносить смею»), однако самые ближайшие фразы показывают, что это не более чем риторический прием. Бывший комиссар во все не считал себя «повредителем государственного интереса»: в свою защиту он приводил авторитет Священного Писания и прецеденты текущего судопроизводства. Бывший комиссар грустно рассуждал:

Известно Вам самим, что сребролюбие мудрых и великих уловляет¹⁰³,
о чем в нынешних временах довольно прикладов. Однако ж всемиловитым

¹⁰³ Как И. Т. Посошков и некоторые другие его современники, И. В. Аврамов вольно цитирует фрагмент из Второзакония, бывший, как видно, популярным в то время при обсуждении приказных порядков: «Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо *дары ослепляют глаза мудрых* и превращают дело правых» (Втор. 16 : 19).

Его императорского величества рассмотрением и... по слабостям человеческим разсуждением, не токмо такая вины, которыя похищению казны государственной не касаются, яко и мое, но и те, которыя доволным Его величества жалованьем [награждены], казенным похищением обличены, по достоинству сана и по милосердию малыми наказаниями смиренны...¹⁰⁴

Не буквальная, но умело препарированная цитата из Второзакония сама по себе, по замыслу автора, предоставляла ему надежный моральный и в известной степени юридический фундамент. Закон, данный людям высшим источником права, в толковании алапаевского лихоимца превращал его действия из преступления в проступок, возможно, и достойный наказания, но в такой же мере заслуживающий снисхождения: если сребролюбие «уловляет» мудрых и великих, то что, как говорится, взять с него, немудрого и невеликого? Ветхозаветную истину Аврамов подкрепил житейскими примерами («многими прикладами»): не называя имен, он ссыался на то, что даже те сановники, которые, будучи достаточно состоятельными людьми, уличались в прямом казнокрадстве, оказывались «смиренны малыми наказаниями» по милосердию монарха и из уважения к достоинству их сана.

В этой преамбуле отражен весь парадокс нормы и практики госслужбы петровского времени: и «грех сребролюбия», широко распространенный в чиновничьей среде, и суровость закона относительно «похищения казны», и «малые наказания» за преступления, судимые не столько законом, сколько «отеческим рассмотрением». Чем же оправдывал себя незадачливый узник? Во-первых, тем, что «жалованья никакого не имел», а во-вторых, тем, что не вымогал с крестьян взятки, а принимал от них «честное приношение», добровольный дар за то, что «им по прозбам по возможности делал ползы», нисколько при этом не нарушая государственных интересов, творя «никоим образом ползе Его величества не вредное»¹⁰⁵. Таким образом, аврамовское сочинение доказывало, что само по себе «приношение волное» по-прежнему имело право на существование и было в некоторой мере

¹⁰⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5^а. Т. 1. Л. 37.

¹⁰⁵ Там же.

легитимно, поскольку (или до тех пор, пока) не подталкивало получателя-чиновника к *административным противоправным действиям*. Дополнительными (и с точки зрения чиновников очень весомыми) аргументами в пользу законности «честных подношений» служили отсутствие или невыплата им жалованья. Приведенный пример, интересный сам по себе, в контексте рассматриваемой проблемы примечателен тем, что являет собой образчик осмысления ситуации одним из рядовых представителей местной петровской бюрократии. Может быть, И. Аврамов оказался чуть-чуть более склонным к умствованиям, более образованным, чем большая часть его собратьев, но, несомненно, он выразил общее отношение к феномену мздоимства¹⁰⁶.

Спустя несколько более полугода после ареста И. Аврамова по сходному делу вынужден был давать объяснения его недавний непосредственный начальник В. Н. Татищев. Один из пунктов выдвинутых против него обвинений — «неуказные мирские сборы», или, иначе говоря, «въезжие» корма, капитан опроверг на том основании, что

...сие дело... интересу Его величества не противное и не вредное, х лихоиманию яко **доброхотное приношение** не принадлежит, ибо оные мужики приносили с начала моего прибытия из их мирских зборов бес требования моего, которое видя, без всякой противности и непристойности, паче же не хотя себя противно им показать и тем их оскорбить, принимал¹⁰⁷.

Подобная аргументация, как уже говорилось выше, была принята как В. И. Генниным, так и Петром I, тем более что Татищеву удалось доказать, что почти все полученное с крестьян он издержал

¹⁰⁶ Примечательно, что как и абсолютное большинство его сотоварищей, И. Аврамов вскоре оказался на свободе и при должности. Уже в ноябре 1723 г. он вновь числился на службе по горному ведомству — комиссаром (приказчиком) Каменского завода с 60-рублевым окладом (*Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Док. № 37. С. 163*), прослужив там до конца 1725 г. (ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 87 об.; Ф. 42. Оп. 1. Д. 9. Л. 32, 40, 69–71 об. и др.), а с 1726 г. став комиссаром Уктусских заводов (Там же. Ф. 24. Оп. 12. Д. 194. Л. 121).

¹⁰⁷ *Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Док. № 34. С. 150.*

на обеспечение шведских военнопленных. Однако Татищева, человека острого ума и обширной образованности, коллизия «мздоимства» и «лихоимства», законного и незаконного в вопросах материального обеспечения «судии», продолжала занимать, судя по всему, на протяжении всей его жизни. 11 лет спустя, обремененный богатым опытом службы в местном коронном аппарате, прошедший путь от скромного берг-коллежского комиссара до чиновника губернаторского ранга, он попытался обобщить и теоретически обосновать допустимость «кормления от дел», примирив по возможности эту практику с существовавшим законодательством. В своеобразном промежуточном итоговом сочинении — «Духовной», написанной в 1734 г., опытный сановник и известный ученый, Василий Никитич вновь вернулся к далеким 1720-м гг., к следственному делу, открытому против него по доносу Н. Демидова, используя этот эпизод в качестве композиционной основы для пространного изложения своих взглядов на организацию государственной службы.

Рассуждение о долге и честности чиновника В. Н. Татищев, как в свое время и его ставленник И. В. Аврамов, начал с библейских цитат, но стилистически усложнил вводный текст, придав ему характер антитезы. С одной стороны, «за труд и доброхотство от приносящего взять ни пред Богом, ни пред государем» не грешно, поскольку «служи алтарю, от алтаря питается»¹⁰⁸. С другой стороны, «мзда и мудрых ослепляет». Как же, по мнению автора, разрешалось это противоречие? По его собственным словам, еще в 1722 г., когда его дело разбиралось в Вышнем суде, он сумел доказать императору совместимость несовместимого. Сначала Татищев обозначил пределы преступного, которые, по его мнению, сводились к тому, что любой администратор (или «судия», по старым понятиям) достоин наказания за любое несправедное решение, независимо от того, брал или не брал судья подношения. Если же несправедное решение будет сопровождаться подношением, то оно должно быть судимо вдвойне: за собственно несправедно вынесенный приговор и за мзду, которая

¹⁰⁸ Эта цитата наиболее близка соответствующему месту из Первого послания коринфянам: «Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника?» (1 Кор. 9 : 13).

спровоцировала несправедное решение. Таковую мзду В. Н. Татищев определял как *лихоимство* и обстоятельство, отягчающее вину.

Другое дело — когда чиновник, «право и порядочно сделав», получал возблагодарение от заинтересованной и выигравшей стороны («от правого»). В этом, по мысли Татищева, не только не было ничего преступного, но, напротив, заключалась великая общественная польза: «...если **мзду за труд** пресечь и только одно мздоимство судить, то, конечно, более вреда государству и разорения подданным последует». Мзда, или мздоимство, в отличие от *лихоимства*, лишь побуждает чиновника более добросовестно вникать в нужды челобитчика, стимулирует служебное рвение. Татищев так пояснял свое умозаключение:

Тако я должен за получаемое жалованье сидеть только до полудни, в которое мне, конечно, времени на решение всех нужных прозъб не достанет, а после обеда трудится моей должности нет.

Если следовать «по реэстрам порядком», то многие нужнейшие для частных лиц вопросы могут бесконечно откладываться на вполне законных основаниях, в то время как иным просителям

...если ... дни два решение продолжится, то может несколько тысяч убытка понести, что купечеству нередко случается, и *так от правого порядка может более вреда быть*.

Надежда на вознаграждение, напротив, приводит к тому, что

... Я не токмо после обеда, и ночью потружуся, для того карты, собак и беседы и протчия увеселения оставляю и, несмотря на регистер, нужнейшее прежде ненужного решу, чем как себе, так просителем пользу принесу, и **за мзду взятую** от Бога и от Вашего величества **по правде сужден быть не мог**¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Татищев В. Н. Духовная // В. Н. Татищев Избр. произв. / отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1979. С. 143.

Логика рассуждений В. Н. Татищева в общих чертах мало отличалась от логики И. В. Аврамова, но если Аврамов пассивно защищал право получения «честных подношений», то Татищев как человек гораздо более просвещенный и талантливый возводил мздоимство в ранг не только законного, но принципиально необходимого явления государственного управления, определяя его безальтернативным механизмом, приводящим в движение административную машину. Возможно, что, развивая свои мысли, Василий Никитич был вполне искренен и убежден в собственной правоте: не случайно идеи, высказанные им в ходе судебного разбирательства, в порядке самозащиты, с годами приобрели характер отточенных деклараций и были повторены как постулат, как своего рода служебное кредо. Очевидно, что, излагая взгляды на феномен «питания от алтаря», чиновник отчасти передергивал, отчасти опирался на «правду жизни», конструируя ту самую *полуправду*, которая, как известно, является самым убедительным и трудноопровержимым софизмом.

При всей разнице в стиле и деталях логических конструкций оба документа являются, на мой взгляд, не только отражением личных раздумий и переживаний авторов, но манифестом всех их сотоварищей по управленческому ремеслу. Принципиально важным видится отсыл к авторитету Писания, в частности, к Второзаконию, присущий обоим текстам. Процитированный по памяти фрагмент о «мудрых, ослепленных мздой», вырванный из первоначального контекста и поставленный в новый, призванный не только оправдать действия мздоимцев (чего, конечно, не было в библейском первоисточнике), но противопоставить правду Божественного закона закону светскому (современному им законодательству), по сути является топосом, общим местом теоретических обоснований обоих авторов. Легко представить, как в частных беседах не только Аврамов и Татищев, но любой из канцеляристов или администраторов того времени мог облегчать себе душу подобными сентенциями. Интересно, что если верить В. Н. Татищеву, его рассуждения были в целом восприняты даже императором.

Сие все правда, и для *совестных* судей невинно, токмо не без опасности безсовестным позволить, чтоб под тем доброхотным **принужденнаго** не было¹¹⁰,

— сказал, вроде бы Петр, выслушав тираду капитана о позволительности и пользе мздоимства. Как бы там ни было, но из всех 29 человек, представших в разное время перед Вышним судом, оправдательный приговор получил только В. Н. Татищев¹¹¹.

Исследование терминов, с помощью которых в первой четверти XVIII в. маркировались практики частных материальных подношений должностным лицам, наводит на ряд размышлений. Прежде всего выявленное лексическое разнообразие указывает на то, что в годы петровского царствования, как и в предшествующие периоды, в обществе не сформировалось четкого представления о взятке в том смысле, в каком мы понимаем его сегодня. Поэтому в корне неправильно характеризовать все подобные практики словом «взятка», что нередко встречается в научной литературе, особенно в трудах историков-юристов. Очевидно, что при всех оговорках современники и участники подобных материальных коммуникаций допускали их необходимость и неизбежность и оценивали их, при определенных условиях и с разной степенью рефлексии, как интеракции дарообмена — одного из базовых и очень архаичных элементов человеческой

¹¹⁰ Татищев В. Н. Указ. соч. С. 143. В этой фразе, приписываемой В. Н. Татищевым Петру I, вновь заметно противопоставление правды морали и правды закона: совестливому начальнику можно позволить нарушение буквы закона.

¹¹¹ Серов Д. О. Забытое учреждение Петра I: Вышний суд (1723–1726) // Российское самодержавие и бюрократия. М. ; Новосибирск, 2000. С. 229. Примечательно, что даже генерал де Геннин, один из очень немногих чиновников, не запятнавших себя взятками, склонен был весьма снисходительно отнестись к подношениям, принятым Татищевым в 1720–1721 гг., именно потому, что они были даны «в почесть»: «А я слышал, — писал он в одном из доношений в Кабинет, — что принесли ему старосты беспристрастия, в почесть, и он им за то в работах и в зборах лехкости никакой не учинил». См.: Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Док. № 33. С. 145.

социальности¹¹². Разумеется, первобытный символизм этих действий к исследуемому периоду практически полностью ушел в сферу бессознательного, уступив место материальному прагматизму.

Вероятно, прагматическими соображениями руководствовался и законодатель, конкретно — Петр I, впервые попытавшийся определить все виды частных подношений/поборов как криминальные и свести их к единому понятию взятки. Последовательное введение монархом ряда законодательных норм («запретительных указов»), нацеленных на преследование мздоимства, обуславливалось осознанием того, что средства, проходившие по частным каналам, уходили из области государственного фиска, шли мимо казны, нанося тем самым экономический ущерб государству и подрывая его устои. В этом видится проявление качественного сдвига во взглядах на саму природу государства, произошедшего, по крайней мере, в представлениях царя. Примечательно, что упоминавшиеся «запретительные указы» начинают появляться с 1713 г., приблизительно с того времени, когда Петр начал систематическое обобщение западного опыта государственного управления и стал вынашивать планы по превращению России в «регулярное государство». Как свидетельствуют исследованные источники, криминализация мздоимства на законодательном уровне не изменила отношение людей к самому явлению, а избирательное применение санкций за действия коррупционного характера оставляло большой простор для маневра и взяткополучателям, и взяткодателям. Последние в результате новых законов получили возможность использовать их как один из инструментов борьбы с притесняющими их администраторами, вменяя последним «честные подношения» в криминальную взятку.

Диссонанс между нормативно-законодательным и традиционно-поведенческим отношением к мздоимству привел еще к одному любопытному последствию — появлению общественного дискурса на этот счет. Его участники (из тех, кого удалось выявить по источникам)

¹¹² См. на этот счет, например: *Davis B. Politics Give and Take : Kormlenie as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488–1726 // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / ed. by A. Kleimola, G. Lenhoff. UCLA. Slavic Studies. New Series. M., 1997. P. 39–67.*

с разной степенью полноты и убедительности пытались преодолеть отмеченный диссонанс. Не имея возможности открыто оспаривать царскую волю, они намеревались найти аргументы в пользу оправдания права на получение частных вознаграждений. Наконец, видимо, именно петровское время стало тем водоразделом, от которого начался очень долгий и противоречивый процесс осознания взятки как явления не только противозаконного, но и публично не одобряемого с позиций морали.

Этюд 4

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ: ВОССТАНИЕ Е. И. ПУТАЧЕВА В ГОРНОЗАВОДСКИХ ЦЕНТРАХ УРАЛА ОСЕНЬЮ 1773 — ЛЕТОМ 1774 г.

4.1. Пугачевское восстание в историографических флуктуациях

ИСТОРИЯ крестьянских войн, в том числе и крестьянской войны 1773–1775 гг., сегодня не в моде. Этот феномен даже утратил свое прежнее и, казалось бы, неоспоримое историографическое наименование — «крестьянские войны», которое ему присвоили советские историки по прямой аналогии с известным трудом Ф. Энгельса, исследовавшего Крестьянскую войну в Германии 1524–1526 гг. Причина такой ситуации понятна: она обусловлена общей сменой исследовательских приоритетов, теми колоссальными трансформациями, которые в очень сжатые сроки пережила отечественная историография. Проблематика крестьянских войн в России, слишком связанная с пресловутой историей классовой борьбы, более того — бывшая одним из ее фундаментальных оснований, стала восприниматься как одиозная и допотопная. В самом деле, зажатая в тисках идеологического доктринерства, тема методологически исчерпала себя уже к 1970-м гг. и некоторое время еще существовала без очевидного развития, как бы по инерции.

Между тем, Пугачевщина была одним из знаковых событий царствования Екатерины II и по-прежнему заслуживает специального рассмотрения в контексте и наряду с другими знаковыми явлениями русской истории XVIII столетия. Мощное социальное потрясение, по своим масштабам уступавшее разве что только Смуте начала XVII в., охватившее огромные пространства востока империи от Вол-

ги до Тобола, носившее все признаки гражданской войны и потребовавшее огромных усилий для подавления, это восстание стало одним из определяющих факторов всей социальной и внутривластной жизни страны своего времени.

Как бы ни называть это событие — крестьянская война или восстание (или даже, быть может, вслед за классической монографией Пола Аврича, «великое восстание»¹, что, на мой взгляд, справедливо), его значение — и историческое, и познавательное — несомненно. Это понимание постепенно возвращается в профессиональные круги. Тема, пережившая к исходу прошлого столетия своего рода «историографическую усталость» и побывавшая «под паром», мало-помалу идет к своему новому рождению на новом теоретическом уровне и в новых смысловых контекстах. Примечательно, что она привлекает внимание не только российских, но и зарубежных специалистов. Через призму социальной психологии и «новой биографики» предлагают интерпретировать события Пугачевского восстания В. Я. Мауль и Л. В. Волков². Через понятия «восстаний периферии» или «фронтирных восстаний» предлагают переосмыслить восстание 1773–1775 гг. немецкие историки Г.-Г. Нольте и К. Шарф³. Вновь приобретает актуальность проблема исследования места и роли в Пугачевском восстании представителей нерусских народов и отдельных

¹ «"Русские бунты — бессмысленные и беспощадные". Таким было пушкинское определение четырех великих восстаний (*great rebellions*) под руководством Болотникова, Разина, Булавина и Пугачева». *Avrich P. Russian Rebels 1600–1800*. NY, 1972. P. 1.

² См., например: *Мауль В. Я. Ритуальный символизм повстанческой казни в России: (По материалам Пугачевского восстания)* // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2003. № 276. С. 53–62; *Его же. Архетипы русского бунта XVIII столетия* // Русский бунт : сб. ист.-лит. произв. М., 2007. С. 255–432; *Его же. Протоколы допросов пугачевцев как биографический источник (новые исследовательские стратегии)* // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии : материалы XXIV междунар. науч. конф. М., 2012. С. 394–397 и др.; *Волков Л. В. Социальные представления участников восстания Е. И. Пугачева* // Вопр. истории. 2006. № 12. С. 107–115.

³ *Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин* // Вопр. истории. 1994. № 11. С. 31–38; *Шарф К. Пугачев: император между периферией и центром* // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 99–112.

социальных групп, прежде всего казачества и крестьянства, как наиболее влиятельных сил повстанческой армии⁴.

Поскольку Пугачевщина охватила огромные и разнородные по своему этническому и социальному составу территории России и длилась долго, остается большой простор и для традиционных эмпирических исследований, направленных на уточнение ряда событийных моментов. Несмотря на интенсивную и продуктивную археографическую работу, связанную с выявлением и публикацией исторических источников, сделанную за десятилетия советскими учеными, есть перспектива развития и в этом направлении. Важным методом изучения и осмысления Пугачевского восстания можно считать и изменение угла зрения на уже, казалось бы, хорошо изученные события. Так, Ю. Н. Смирнов совершенно справедливо указывал на перспективность анализа проблемы соотношения социальных факторов восстания и изучения стратегии и тактики правительственного лагеря, направленных на подавление Пугачевщины⁵. В самом деле, классическая советская историография подавала события 1773–1775 гг. как бы с позиций пугачевской ставки, за малыми оговорками однозначно оценивая действия повстанцев положительно и с симпатией. Грабежи, мародерство, насильственные мобилизации и проч., допускавшиеся повстанческими отрядами, относились на счет незрелости и стихийности самого движения, его классовой ограниченности, а все действия противной стороны трактовались исключительно как карательные акции.

Но ситуация была гораздо сложнее. Атмосфера гражданской войны, при всей своей бросающейся в глаза поляризации и жестком делении на «своих» и «чужих», всегда предполагает богатый спектр выбора. Предлагаемый этюд как раз об этом. Он повествует о том, как вели себя в состоянии социальной катастрофы жители заводских поселков Урала, мастеровые и работные люди, приказчики и конторщики, рудничные работники и отчасти приписные крестьяне, как они

⁴ См., например: Тоёкава К. Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773–1774 гг. М., 1996. 248 с.

⁵ Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2007. № 5/3. С. 159.

реагировали на призывы и действия сторон, кого находили нужным поддерживать. Казалось бы, само положение заводских работников предопределяло их выбор. Для советской исторической традиции наличие в войсках Пугачева рабочих горно-металлургических мануфактур было естественным: в наиболее одиозных ранних произведениях советских марксистов это означало пример первой в России «смычки рабочих и крестьян» или даже пример первой «рабоче-крестьянской революции»⁶. По мере накопления материала стало ясно, что позиция горнозаводского населения была не столь очевидна. Значительное количество заводов оказалось в стане противников самозванного императора. Наиболее масштабный материал на этот счет выявил А. И. Андрущенко, автор, пожалуй, лучшей монографии по истории Крестьянской войны 1773–1775 гг., увидевшей свет в 1969 г.⁷ Этот факт надо было как-то объяснять, и историк сделал это в русле устоявшихся к тому времени норм. Среди факторов, которые определили негативное отношение части заводского населения, были названы: 1) отсутствие классового единства и рабочей идеологии, обусловленное юридической и социальной пестротой рабочего контингента; 2) удаленность ряда заводов от основных повстанческих центров и наличие в местах их расположения сильных правительственных («карательных», в терминологии историографии тех лет) отрядов; 3) конфликты между заводчанами и повстанцами на почве разорения последними заводов; 4) особенности психологии феодально зависимых людей, поддавшихся на демагогические призывы и денежные подачки властей⁸. Эти положения были продублированы в капитальном трехтомном труде «Крестьянская война в России 1773–1775 гг.: восстание Пугачева» под редакцией В. В. Мавродина⁹, в написании

⁶ Савич А. А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII–XIX вв. М., 1931. С. 28 ; Дубровский С. Крестьянские войны в России. XVII–XVIII вв. // Крестьянский интернационал. 1925. № 3–5. С. 117.

⁷ Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. 360 с.

⁸ Там же. С. 292–293, 298.

⁹ Крестьянская война в России 1773–1775 гг.: восстание Пугачева / под ред. В. В. Мавродина : в 3 т. Л., 1961–1970.

которого принимал участие и А. И. Андрущенко, а затем повторялись без изменений в различных изданиях до тех пор, пока не угас интерес к самой крестьянской войне. Уже к рубежу 1980–1990-х гг. подобная интерпретация перестала удовлетворять. Работая над темой взаимоотношений заводовладельцев, рабочих уральских заводов разных категорий и государственных органов власти во второй половине XVIII в., я вышел на историю их взаимодействий в драматические годы Пугачевщины и понял, что традиционная картина нуждается в иных интерпретациях. Ниже предлагается сюжет, посвященный изучению действий отраслевой горнозаводской администрации и позиции заводского населения в период осени 1773 — лета 1774 г. (на первом этапе крестьянской войны, как принято было определять это время в советской исторической традиции), когда восстание Пугачева охватило практически все уральские заводы.

4.2. Заводы Южного Урала и тактика местных властей в организации их обороны (октябрь 1773 — январь 1774 г.)

НАЧАЛУ восстания Пугачева на Урале действовало 129 казенных и частных металлургических предприятий¹⁰. Их география охватывала огромные пространства от холмистых степей бассейна реки Белой в среднем ее течении до междуречья среднего Миасса и верховьев Чусовой, от Вятско-Камского междуречья до предгорий Северного Урала. На чугунолитейных, передельных, железоделательных, медеплавильных заводах трудились десятки тысяч мастеровых и работных людей разных юридических категорий (крепостные, государственные, вечноотданные и вольнонаемные) и разного уровня достатка. Многие из этих заводов, особенно старые¹¹, расположенные на северо-востоке, по своей инфраструктуре, количеству населения (от 1,5 до 4 тыс. чел. обоего пола), социальному облику не уступали иным уездным городам, а порой и превосходили их, хотя официально и не обладали городским статусом. В совокупности они обладали солидной ресурсной базой, производственным оборудованием, запасами сырого металла и готовой продукции, де-

¹⁰ Подсчитано по: История Урала с древнейших времен до 1861 г. / под ред. А. А. Преображенского. М., 1989. С. 572–576.

¹¹ Под условным наименованием «старые» я понимаю заводы, основанные до 1750 г. и отличавшиеся к началу Пугачевского восстания стабильным составом рабочих кадров, устойчивой производственной динамикой, определенной устоявшейся системой взаимоотношений между рабочим контингентом и администрацией.

нежными кассами, оружием, лошадьми; многие располагали фортификационными сооружениями и речными пристанями. Вся эта «империя» находилась под специальным управлением межрегионального органа — Канцелярии главного заводов правления, непосредственно подчинявшейся центральному учреждению — Берг-коллегии, имевшей сеть региональных горных начальств: Пермское, Оренбургское, Казанское, Гороблагодатское, в чьем ведении были собственнo заводские конторы. Канцелярия Главного заводов правления неизменно квартировала в Екатеринбурге. Не имевший формального статуса города, Екатеринбург фактически являлся таковым и к описываемому времени по своей численности уступал только Оренбургу, насчитывая свыше 5 тыс. жителей¹². Наличие в нем главного горного начальства придавало городу значение ведомственного административного центра губернского уровня, при этом он с 1723 г. являлся еще и центром собственной обширной территории — Екатеринбургского ведомства, которое функционировало на правах отдельной провинции в составе Тобольской губернии.

Разумеется, весь этот потенциал в условиях начавшегося восстания представлял стратегический интерес как для сторонников новоявленного «императора», так и для официальных властей.

Начало войны застало местные власти врасплох. Менее чем через месяц после выступления с Бударинского форпоста, молниеносно захватив все ключевые крепости Нижне-Яицкой дистанции, Емельян Пугачев к 5 октября 1773 г. осадил Оренбург, а еще месяц спустя крупные повстанческие силы под руководством И. Н. Зарубина-Чики блокировали Уфу. Таким образом, к декабрю 1773 г. восставшие парализовали два из трех провинциальных городов губернии и перешли в наступление на восток, в пределы третьей — Исетской — провинции с центром в Челябинске. Совокупность неблагоприятных факторов — отсутствие сколько-нибудь надежной социальной опоры, межведомственная несогласованность действий, дезорганизация коммуникаций — осложнялась для местных властей острой нехваткой регулярных войск. Самыми крупными воинскими контингентами

¹² История Урала ... С. 290.

располагали Оренбург (по разным сведениям, от 3 до 3,5 тыс. чел. личного состава, из которых 1,5 тыс. составляли строевые солдаты) и Уфа (свыше 700 солдат и офицеров разных команд, включая отставных и переброшенных из близлежащих острогов, при общей численности боеспособных защитников в 1718 чел.)¹³. Но эти силы оказались скованы действиями двух крупнейших повстанческих армий: самого Пугачева, располагавшего к концу 1773 г. 25–30 тыс. чел.¹⁴, и И. Н. Зарубина-Чики («графа Чернышова») — до 15 тыс. чел.¹⁵. Относительно крупный гарнизон был в распоряжении коменданта Татищевой крепости полковника Г. М. Елагина. Точных данных о его численности в литературе нет¹⁶. Накануне подхода повстанцев в крепости находилась команда бригадира Х. Х. Билова, посланного на помощь из Оренбурга: 200 солдат, 150 оренбургских казаков и 60 ставропольских калмыков при шести орудиях — всего 410 чел.¹⁷ Н. Ф. Дубровин считал (опираясь, видимо, на косвенные данные), что в «гарнизоне Татищевой» (с учетом отряда Билова) должно было состоять не менее 1000 чел. с 13 орудиями¹⁸. Однако следует помнить, что из этого числа в распоряжении татищевских командиров в совокупности могло быть едва ли более 300–500 солдат; оговорка важная, если учесть, что захват Татищевой крепости стал возможен благодаря переходу на сторону Пугачева оренбургских казаков под командой Т. И. Подурова и служилых калмыков из отряда Билова¹⁹. В любом

¹³ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 139.

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Там же. С. 139.

¹⁶ Об этом не мог вспомнить и сам Е. И. Пугачев. См.: Емельян Пугачев на следствии : сб. документов и материалов. М., 1997. С. 83.

¹⁷ Эта цифра, впервые приведенная Д. Г. Анучиным, не опровергалась впоследствии никем из авторов. См.: Анучин Д. Г. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара // Воен. сб. 1869. № 5. С. 24.

¹⁸ Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг. : (По неизданным источникам) : в 3 т. СПб., 1884. Т. 2. С. 25. Теперь эта оценка (без ссылки на источник) гуляет по всем тематическим интернет-ресурсам.

¹⁹ Значительную роль Т. И. Подурова во взятии Татищевой подчеркнул позднее на допросе Е. И. Пугачев. См.: Пугачев на следствии. С. 83.

случае уже 27 сентября крепость была в руках повстанцев, и ее военный потенциал был потерян для властей края. Отрезан от региона и осажден оказался и Яицкий городок, где под началом коменданта подполковника И. Д. Симонова в разное время находилось от 700 до 900 солдат и драгун 6-й и 7-й легких полевых команд²⁰. В течение ноября буквально один за одним были разгромлены пугачевцами срочно сформированные правительством мобильные и относительно крупные подразделения генерал-майора Кара, полковника Чернышева и майора Заева²¹. Таким образом, ни у губернских, ни у провинциальных властей не было никакой возможности оказать сколько-нибудь существенное влияние на распространение восстания в регионе. Коменданты крепостей и острожков, управители укрепленных слобод и заводов оказались предоставлены сами себе. Одни из них отчаянно, но тщетно пытались сколотить ополчение из местных крестьян и заводских работников, другие, собрав наиболее верных жителей, вооружение и припасы, бежали в районы, еще не охваченные пожаром гражданской войны. Руководству крупных региональных центров в такой ситуации оставалось только надеяться на помощь извне — на переброску войск из центра и из Сибири. В то же время бесценным становилось сопротивление любой местной крепости: это позволяло тянуть время в ожидании «сикурса».

Между тем, к концу осени — началу зимы 1773 г. движение пугачевцев развернулось по широкому фронту и охватило почти весь Урал — от Ижевских казенных заводов на западе до Челябинска на востоке. Сформировались новые повстанческие районы, командование в которых находилось в руках посланных из Бердской и Чесноковской ставок атаманов и «полковников». Будучи не в состоянии взять Оренбург и Уфу, восставшие наращивали свой материальный ресурс за счет захваченных в заводах и слободах пушек, боеприпасов, денежных средств и продовольствия. В это время в действиях пугачевцев можно отчетливо увидеть элементы общей военной стратегии. Придавая большое значение взятию крупнейших

²⁰ Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара ; Челябинск, 2008. С. 103.

²¹ Буганов В. И. Пугачев. М., 1984. С. 186.

городов Южного Урала, они стали развивать наступление на северном и северо-восточном направлениях, отсекая, таким образом, потенциальную возможность переброски в районы восстания правительственных войск из Европейской части России и из Сибири и распространяя свое влияние далеко за пределы Оренбургской губернии. В первом случае для них было принципиально важным установить свой контроль в Пермском Прикамье и на Среднем Урале, в границах Екатеринбургского горного ведомства, центром которого был Екатеринбург. Во втором — овладеть Исетской провинцией.

Контроль над заводами при реализации этих планов был не менее важен, чем контроль над линейными крепостями. Первыми в зоне боевых действий в октябре-ноябре 1773 г. оказались 20 заводов, расположенных в Оренбургской губернии и принадлежавших И. Мосолову, И. Осокину и Е. Демидову. Однако большей частью горнозаводских мануфактур владели компаньоны И. Твердышев и И. Мясников. Эти заводы располагались компактной группой почти посередине между Уфой и Оренбургом и первыми приняли удар пугачевцев. Как показывают источники, у губернских «командиров», как и у других ответственных лиц, не было сколько-нибудь четкого плана действий за пределами осажденных Оренбурга и Уфы. Для них долгое время было непонятно, кто вообще должен был заниматься координацией обороны заводов — гражданские или горные власти. Поэтому всю осень инициатива оставалась в руках пугачевцев, в то время как любой день промедления стоил правительственной стороне больших потерь.

Уже 4 октября 1773 г. приказчик главной Воскресенской заводской конторы (центра твердышевских и мясниковских владений) Петр Беспалов послал в Уфу, в Оренбургское горное начальство, тревожный рапорт о «великих страхах», которые «следуют от злодеев» «обывателям», живущим «по состоящим от Оренбурга и Уфимском трактом жилищам». Этим же рапортом он уведомил начальство о принятых мерах предосторожности: об «остановке действия» на Воскресенском и Верхотурском заводах и о сборе всех рабочих

людей на головное предприятие²². Следующий рапорт Беспалова от 10 октября полон усилившейся тревоги. В нем приказчик подробно повествовал о беспорядках, вспыхнувших на Каргалинских медных рудниках 5–7 октября, и просил прислать в помощь воинскую команду²³. Рапорты с аналогичными просьбами были разосланы им в Табынскую воеводскую и Уфимскую провинциальную канцелярии²⁴. Вместо помощи, которой Беспалов, к слову сказать, так и не дождался, он получил из Оренбургского горного начальства указ, объявлявший, что Пугачев — не император, а беглый донской казак. Чтение этого указа на дворе заводской конторы возымело действие, прямо противоположное ожидаемому, лишь накалив и без того напряженную обстановку.

...Некоторые крестьяне и непомнящие родства, а кто имянно, в большом собрании поимянно узнать не можно, не утверждая тот, посланной из Оренбургского горного начальства указ за подлинной, а полагали, что будто б тот указ мы, согласясь с... прапорщиком Кудалеевым, сочинили сами²⁵,

— писал позднее сам Беспалов. Кое-как успокоив заводских жителей с помощью подобранных для их увещевания «стариков из крестьян», Петр Беспалов уговорился с «миром» послать в Сакмарский городок на разведку «доверенных из крестьян и непомнящих». Было решено, что если посланные удостоверятся в подлинности императорского происхождения Пугачева, то завод ему «покорится».

Поняв, что на заводских крестьян положиться невозможно, но в то же время опасаясь «быть под ответом» за возможный захват завода повстанцами, брошенный на произвол судьбы приказчик взялся за организацию обороны на свой страх и риск. Посланных ранее

²² ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 289. Л. 4. Ср.: Андрущенко А. И. Крестьянская война. С. 241–242; Мартынов М. Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // Ист. зап. 1967. Т. 80. С. 290–291.

²³ ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 289. Л. 14 об.; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 242.

²⁴ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 517. Л. 72.

²⁵ Там же. Л. 71 об.

в Сакмару заводчан по распоряжению Беспалова удалось перехватить и посадить под караул. Вокруг завода расставили посты. На постах несли службу вооруженные «заводские обыватели», часть которых, видимо, еще не определились в своем выборе. Воцарилось напряженное ожидание. Беспалов, «разъезжая по батареям и караулам», расспрашивал «крестьян и непомнящих», станут ли они защищать завод. Вскоре последовал ответ:

Противу яйцких казаков, как они народ военный, обороняться... не могут, дабы тем после не лишитца не только всего имения, но и самой жизни... а ежели приедут башкирцы, то противитца будут²⁶.

Крестьяне слукавили. На следующий же день после описанного диалога на завод прибыл башкирский отряд из 20 чел. во главе с казаками Б. Лебетковым и П. Козминым и положил конец «обороне». Без малейшего сопротивления жители приняли пугачевцев и перешли на их сторону.

Чем же тем временем занимались местные власти? Спустя сутки после перехода Воскресенского завода под контроль повстанцев, 13 октября, в Оренбургском горном начальстве, куда еще не дошла оперативная информация, слушали старые рапорты из заводской конторы «о секретном деле». В результате слушаний было определено «оной репорт (вероятно, рапорт П. Беспалова от 10 октября. — Д. Р.) отослать в орегенале в Уфимскую провинциальную канцелярию... при промемории, ис коего Уфимская... канцелярия усмотрит, сколь вспоможение потребно заводу... и, соображая обстоятелств, можно ли уделить команду на тот завод», поскольку завод менее дву сот верст [от Уфы] будет», а «оная провинциальная канцелярия ото всех мест имеет сведения»²⁷.

Таким образом, Оренбургское горное начальство, в чьей непосредственной компетенции были все заводские дела, переложило ответственность на провинциальную канцелярию; помощь последней

²⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 517. Л. 72 об.

²⁷ ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 289. Л. 16.

оказалась не более действенной. Конечно, как упоминалось выше, в распоряжении местных администраций находились крайне ограниченные резервы, но то, что не последнюю роль в решении принципиальных вопросов сыграли отсутствие стратегии и межведомственная несогласованность, очевидно. Подтверждение этому как будто читается в более поздних протоколах заседания Оренбургского горного начальства. В частности, в протокольной записи от 31 октября, когда участь Воскресенского и других окрестных заводов была в Уфе известна, прозвучало что-то похожее на упрёк:

Не причитала б Уфимская провинциальная канцелярия сие требование за наряд, а благоволила б общественную ползу рассуждать и делать в том помощ²⁸.

Впрочем, сентенции об общественной пользе и сетование на то, что провинциальные власти восприняли призывы горнозаводского начальства «за наряд», были уже бесполезны.

История с Воскресенским заводом очень показательна и демонстрирует отчаянное положение, в котором оказались заводские власти. Брошенные на произвол судьбы вышестоящим руководством, они ничего ни могли противопоставить повстанцам, как бы энергично и самоотверженно не вели себя отдельные приказчики и управители вроде Петра Беспалова. Его действия сами по себе были абсолютно верные: остановка производства, вооружение заводчан, учреждение караульной службы и разведки, ремонт заводских укреплений и даже неустанные разъяснительные беседы с рабочими — ничего лучшего в сложившейся ситуации предпринять было нельзя. Более того, приказчик вел себя так, как вели себя кадровые офицеры, командиры линейных крепостей, первыми принявшие страшную смерть после захвата их укреплений пугачевцами. Но все эти действия были бессмысленны, поскольку не находили отклика у самих заводских жителей.

Переход работных Воскресенского завода, крупнейшего предприятия Южного Урала (насчитывавшего свыше полутора тысяч

²⁸ Там же. Л. 115 об.

рабочего контингента), на сторону «ведомого вора и злодея», произвел сильное впечатление на руководство местных канцелярий. Практически вся деловая переписка тех октябрьских дней пестрит упоминаниями о страшной участи воскресенского приказчика и прапорщика В. Кулалеева, сожженного в собственном доме. До властей начинало доходить понимание особой ценности удержания контроля над заводами. В уже цитированном протоколе Оренбургского горного начальства от 31 октября 1773 г. эта мысль звучит вполне определенно:

...Благоволит Уфимская провинциальная канцелярия и сие принять в разсуждение: когда б и на Воскресенский завод дана была вскорости команда, не можно б было сумневатца, чтоб он не был в прежнем состоянии. *Здесь самой первой кредит заключаетца в заводах*, следовательно, оне и подкреплены [быть] должны.

Впрочем, и власти Уфимской провинции уже не надо было убеждать в том, «что первый кредит» заключен именно в заводах: повстанцы с невероятной быстротой захватывали предприятия одно за другим при полной поддержке их жителей. Не прошло недели после перехода к атаманам «Петра Федоровича» Воскресенского завода, как Оренбургское горное начальство получило рапорт от 15 октября из Богоявленской, а от 17 октября — из Архангельской заводских контор. В них сообщалось об остановке производства ввиду надвигающейся опасности. Архангельский приказчик А. Рыжиков добавлял, что все жители при этом «находятца при заводе денно и ночно в караулах, дабы вовсе завод не пришел в крайнее раззорение»²⁹. Не доверяя уже заводским крестьянам, Уфимская провинциальная канцелярия промеморией Оренбургскому горному начальству от 23 октября предложила перевести имевшееся на Богоявленском заводе вооружение (десять пушек и две сотни ружей) в Табынский острог³⁰, а сам завод укрепить отрядом из 300 «вернейших мещеряков» под командой

²⁹ ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 289. Л. 35, 87.

³⁰ Там же. Л. 53 об.

прапорщика Аничкова³¹. Горное начальство отнеслось ко второй инициативе провинциальных властей скептически:

... Положение Уфимской провинциальной канцелярии изрядно, но в предосторожность не будет ли служить сие, когда единственно толко мешчеряки будут при заводе, а из российских салдат никово?

Если уж и посылать мешчеряков, рассуждали горные чиновники, то их следовало усилить солдатами,

... которые б более проникнуть могли во внутренность крестьян, как оне (солдаты. — Д. Р.) все того крестьянского роду, и тут и содержали б в заводе караул ... а то мешчеряки, будучи в заводе на квартирах — чего те крестьяне никогда не имели — когда станут делать шалости, к чему оне властолюбивы. Да и прапорщик сможет ли получить к сведению что-нибудь тайное через мешчеряков, ибо крестьяне мало с ними и говорят.

В заключение горное начальство предлагало ходатайствовать перед комендантом Уфы полковником С. С. Мясоедовым о замене половины мешчеряков русскими солдатами, хотя бы и отставными³². Чем кончилась эта история — неизвестно; скорее всего, С. С. Мясоедов, известный крайней осторожностью, граничащей, по мнению, например, подполковника И. И. Михельсона, с трусостью, не дал солдат³³. Не вполне понятна судьба самого завода. В литературе отмечается, что богоявленские жители присоединились к пугачевцам по примеру воскресенских³⁴. В то же время один из хозяев завода, И. С. Мясников,

³¹ Там же. Л. 70.

³² ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 289. Л. 71.

³³ О деятельности С. С. Мясоедова по обороне Уфы и об отношении к нему И. И. Михельсона, см., например: Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии : сб. док. Уфа, 1975. С. 136–137, 176, 375–376, 384–385, 387. Известна история уфимской обороны и в редакции самого Мясоедова, см.: Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г. / публ. Р. В. Овчинникова // Южно-уральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 299–328.

³⁴ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 243.

писал впоследствии в Берг-коллегию и графу П. И. Панину о том, что среди всех предприятий, принадлежавших ему и его компаньону, нетронутыми в ходе восстания остались только два, и среди них Богоявленский³⁵.

Как бы ни сложилась ситуация на Богоявленском заводе, она не меняла общей картины. Местные власти не были способны оказать действенную помощь заводским администрациям, и последним оставалось полагаться только на себя. Но при практически полном отсутствии лояльности работников участь Воскресенского неизбежно постигала и остальные заводы края. Одним из первых почти одновременно с Воскресенским передался на сторону «воровской толпы» еще один крупный завод Оренбургской губернии — Вознесенский. Основанный бароном К. Е. фон Сиверсом, он с 1765 г. принадлежал казне. Его управитель, обер-гиттенфервальтер Галбрехт, бежал с места службы уже в конце сентября, когда Е. И. Пугачев с главными силами подступал к Оренбургу, чуя неладное: накануне его бегства заводские люди пытались связаться с самозванцем. После отбытия вознесенского управителя посланцы заводчан, приписные крестьяне Андрей Тихонов и Иван Лаврентьев и бывшие рудничные работники Иван Осипов и Иван Андреев, вернулись на завод, объявив, что «прислал их государь ... с указом, чтоб все заводские мастеровые люди, приписные и волнонаемные крестьяне склонились служить ему». Чтение «указа» вызвало смятение; наиболее радикально настроенные приписные в количестве 150 чел. сразу после сходки уехали к повстанцам, прихватив заводскую пушку и боеприпасы. Сторону «Петра III» неожиданно занял один из оставшихся заместителей сбежавшего управителя берггешворен В. Соколов, ставший, таким образом, новым руководителем Вознесенского и сдавший пугачевцам своего сотоварища поручика С. Орлова. Последнего, скованного и под караулом, отвезли в Бердскую ставку и там, по свидетельству одного из его конвоиров, «пятерили» (четвертовали и обезглавили)³⁶.

³⁵ Пугачевщина : сб. док. по истории Крестьянской войны 1773–1775 гг. : в 3 т. / под ред. М. Н. Покровского. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 268–270; РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 171. Л. 403–403 об.

³⁶ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 132. Л. 7–8.

В истории с переходом Вознесенского завода в руки пугачевцев со всей очевидностью раскрывается социальный облик сторонников самозванца: это приписные крестьяне и работники низкооплачиваемых категорий, в том числе из вольнонаемных (вроде рудничных рабочих). В то же время источники показывают, что квалифицированные мастеровые занимали более осторожную позицию по отношению к повстанцам, не стремились выслужиться перед ними, а при возможности бежали в безопасные места, как, например, поступили несколько сотен жителей Троицких и Усень-Ивановского заводов И. П. Осокина, бросивших имущество и нашедших пристанище в Казани. Их дома — 283 на всех трех заводах — оказались разграблены, а общая сумма понесенных убытков составила 14 981 руб.³⁷ Не обошлось без колебаний в среде заводских работников на Белорецком, Кано-Никольском, Архангельском заводах. Но подобные заминки были скорее исключениями. Пожар восстания пожирал горные мануфактуры, как сухую траву в степи. Социальная однородность их населения, явное преобладание приписных и вольнонаемных определяли успехи пугачевцев. В октябре-ноябре 1773 г. в их руках оказалось уже 20 предприятий Уфимской провинции. Следующими на очереди были заводы еще одной южноуральской провинции — Исетской.

Самые значительные из них и ближайшие к фронту Троице-Саткинский и Златоустовский, принадлежавшие Л. Лугину, представляли из себя крупные медеплавильные мануфактуры, на которых работали 2 629 и 1 296 душ м. п. при незначительном количестве цеховых мастеровых. На самом значительном из них, Саткинском, «как и на многих заводах Южного Урала... работы производились главным образом крепостными и наемными рабочими. Насильственно переселенные из строгановских вотчин на завод, крепостные рабочие... наделялись... небольшими земельными участками и... получали мизерную денежную плату...»³⁸ Мудрено ли, что уже в октябре 1773 г. вести о восстании жадно ловились на Сатке и в Златоусте. Вероятно, что за общим ходом дел местные жители могли следить, поддержи-

³⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 430–432.

³⁸ Мартынов М. Н. Саткинский завод во время восстания Емельяна Пугачева // Ист. зап. 1956. Т. 58. С. 234.

вая связь с собратьями на соседних Катавских заводах Твердышева и Мясникова.

Саткинский и Златоустовский заводы занимали видное место в планах восставших как опорные пункты для продвижения вглубь Исетской провинции и дальнейшей осады Челябинской крепости. К концу ноября в окрестностях действовали сильные отряды Ю. Азналина и И. С. Кузнецова, пугачевских «полковников», связанных с главной ставкой повстанческих войск в Башкирии — Чесноковкой. Заводские крестьяне Сатки и Златоуста, приходившие в волнение всякий раз, когда до них доходили известия о том, «что соседственные заводы и протчия окрестные башкирские жительство Его величеству Третьяму императору Петру Федоровичю приклонились», пугачевцев ждали, хотя и не без некоторых опасений. Дело в том, что к концу 1773 г., когда ряд повстанческих отрядов получил большую самостоятельность от главной пугачевской ставки, с их стороны участились самовольные действия, проявившиеся в грабежах не только господского, но и частного имущества рядовых жителей³⁹. Ситуация усугубилась наступившей зимой и неурожаем 1773 г., побудившими и центральные органы руководства восстанием к продовольственным реквизициям⁴⁰. К этому же времени относятся первые принудительные наборы в армию самозванного императора. Один из первых таких «указов», подписанных «графом Чернышевым» (И. Н. Зарубиным), восходит как раз к началу декабря:

Чтоб... из находящихся в окружности башкирцов, мещеряков, татар, черемис и россиян, какого б звания ни было, взять в службу с каждых двух домов по человеку, и повинующих водить с собой, а неповинующих же приводить в повиновение⁴¹.

Все это на рубеже 1773–1774 гг. еще не приняло больших масштабов, но, видимо, не осталось незамеченным населением, в том числе

³⁹ См., например: Пугачевщина. Т. 2. С. 435.

⁴⁰ Там же. С. 378–379, 388.

⁴¹ Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений / под ред. Р. В. Овчинникова. М., 1975. С. 125.

и теми, кто вполне искренне симпатизировали восставшим и были готовы добровольно влиться в их ряды. Это касалось и обитателей Саткинского завода, написавших 15 декабря «покорнейший репорт» предводителю одного из крупных пугачевских отрядов Ю. Азналину, отцу С. Юлаева. В этом документе от «Саткинского, господина заводов содержателя Лариона Ивановича Лугинина, завода от всего крестьянского сообщества», выражалась преданность «Петру Федоровичу», но содержалась просьба о присылке охранного указа. Заводских жителей беспокоило, что на «Саткинской завод указов поныне в присылке не имеетца», при этом, писали крестьяне, «произносится слух, что в не имеющих местах указов, в том числе и на Саткинской завод, будет от Его величества военная команда ...» Опасаясь «крайнего разорения» и «не желая напрасного кровопролития», саткинцы не без наивности уверяли, что при «заводе осторожность производится не против Его величества, но от набегу озорнических из башкирцов воровских партей ...»⁴² Неизвестно, ответил ли саткинцам Азналин, но неделю спустя, 22 декабря, на завод прибыл с командой другой видный пугачевский «полковник» — И. С. Кузнецов, местными жителями принятый беспрепятственно. Он огласил пугачевский указ, учредил, как водится, новую заводскую власть по казачьему образцу и провел конфискацию заводского и господского имущества. После Кузнецов отправился на Златоустовский завод, где все произошло по такому же сценарию⁴³. Аналогичная судьба постигла Архангельский и Варзино-Алексеевский заводы.

Полной неожиданностью для горных властей стала потеря Кыштымских (Н. Н. Демидова) заводов, которые, в отличие от большинства остальных, получили подкрепление из Екатеринбурга в виде чичеринских «казаков» под командой майора Чубарова. Между тем, именно люди Чубарова одни из первых пришли в неповиновение. Сам командир и несколько офицеров были под арестом отправлены на Златоустовский завод, который в первых числах января 1774 г. посетил известный пугачевский атаман И. Н. Грязнов. По его при-

⁴² Там же. С. 115.

⁴³ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 323.

казу офицеров повесили⁴⁴. На соседнем Каслинском заводе, куда кыштымские повстанцы явились в ночь на 3 января, не обошлось без замешательства. Как писал позже местный священник Андрей Иванов (непонятно почему причисленный А. И. Андрущенко к повстанцам⁴⁵), ночью человек девять пугачевцев, среди которых были и бывшие «казаки» из команды майора Чубарова, собрали набатом мастеровых, остановили заводское действие и,

...объявля им с какого-то манифеста копию, склонили их к своей толпе. А потом захватили прикащиков и конторных служителей, заковали в железа и отослали ... на Кыштымский завод.

Утром того же дня в Касли приехал кыштымский служитель Григорий Комиссаров, привезший еще одну копию манифеста

...без всякого свидетельства и при ней указа или повеления, которую копию выслушав, каслинские жители... зделали между собою велие междоусобие: кто из них кого прежде чем обидил или у какого дела приставлен был, всех тех перековав. Пожитки их обирали грабежом.

Когда же после приказа «возносить о здравии имя бывшего покойного императора Петра Третьяго» священник имел неосторожность спросить «о том по обыкновенному законному учреждению формы», местный атаман А. Кошкин выразительно указал на виселицу со словами: «У нас-де вот форма, ежели хотите прекословить»⁴⁶. Вероятно, после такого разъяснения отцу Андрею и пришлось стать «повстанцем Андреем Ивановым», отслужив молебен о здравии самозванца. По имеющимся источникам известно, что и на Сергинских заводах имелись сторонники пугачевцев, «явившиеся в непристойном согласии» открыть ворота повстанцам и выполнившие это намерение⁴⁷. Сдались «воровским партиям» по желанию большинства

⁴⁴ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 407. Л. 231 об.

⁴⁵ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 271.

⁴⁶ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 407. Л. 213–213 об.

⁴⁷ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 133. Л. 67.

Уфалейский, Суховязский, Нязе-Петровский и Азяш-Уфимский заводы. Лишь предприятия А. Ф. Турчанинова, Сысертский, Полевской и Северские заводы, расположенные на самом южном рубеже Екатеринбургского ведомства, стали неприступной твердыней на пути пугачевских атаманов. Под личным руководством хозяина ополчения местных мастеровых и работных людей держали на них оборону вплоть до полного ухода восставших с территории Среднего Урала весной — в начале лета 1774 г.⁴⁸ Это был первый и при этом удачный для властей пример такого рода.

Тем не менее, к концу декабря 1773 — началу января 1774 г. при активном содействии населения пугачевцам удалось овладеть практически всеми металлургическими предприятиями Уфимской и Исетской провинций и выйти к многочисленным густонаселенным заводам Прикамья и Среднего Урала.

⁴⁸ Пирогова Е. П., Неклюдов Е. Г., Ларионова М. Б. Род Турчаниновых. Екатеринбург, 2008. С. 63–65, 336–339. При этом А. Ф. Турчанинову удавалось поддерживать высочайший уровень дисциплины среди своих ополченцев, вплоть до полного введения сухого закона на предприятиях. Только в апреле 1774 г. в честь празднования Пасхи и ввиду разрядки напряженности заводовладелец разрешил выдать защитникам заводов в первые три дня праздника «по одной трехкопеечной меры рюмке» на человека (ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 4. Л. 26–26 об.). И лишь в начале июля осадное положение на Сысертских заводах было снято, и полковник Бибииков с офицерами горного ведомства и А. Ф. Турчанинов отправились туда праздновать победу «с музыкою и протчим прибором ко увеселению» (ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 25. Л. 121–121 об.). В сентябре 1774 г. на турчаниновских заводах полностью возобновили винную продажу (ГАСО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 4. Л. 26 об.).

4.3. Стратегический план обороны заводов Среднего Урала и Прикамья: западный фланг (Юговские казенные заводы, декабрь 1773 — март 1774 г.)

ТОЛИЦА горнозаводского Урала, Екатеринбург, перед лицом нависшей над ним угрозы оказался практически беззащитным. К концу 1773 — началу 1774 г. местные власти располагали крайне незначительными военными ресурсами. Штатной армейской команды в городе не было вообще. В распоряжении Канцелярии главного заводов правления источники фиксируют 1-ю Екатеринбургскую горную роту во главе с капитаном И. П. Порецким, Екатеринбургскую монетную роту, подчинявшуюся надворному советнику Я. Рооде, и артиллерийскую команду штык-юнкера М. Медведчикова. Числившаяся в наличии 2-я Екатеринбургская горная рота с 1770 г. была расквартирована на Гороблагодатских заводах⁴⁹ более чем в 190 км к северу от горнозаводского центра. С такими силами нечего было и помышлять о контроле над ситуацией за пределами города — перспектива самого Екатеринбурга выглядела довольно мрачной. Поэтому уже 10 октября 1773 г., получив первые известия о начавшемся восстании, глава канцелярии полковник В. Ф. Бибиков срочно начал запрашивать помощь у ближайших начальников — сибирского губернатора Д. И. Чичерина и генерал-майора И. А. Деколонга, командующего Сибирским корпусом.

⁴⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2300. Л. 44, 249, 259; Д. 2301. Л. 239–330 об.

Не дожидаясь ответа, Бибиков предпринял самостоятельные организационные меры. В 10–20-х числах октября он направил в районы своего ведомства, граничившие с Исетской и Уфимской провинциями, офицеров с небольшими командами «для разведывания». В частности, 10 и 14 октября «под видом присмотра домостроительства, для узнания крестьянских мыслей» были командированы «объехать весь уезд» коллежский асессор Масалов и заседатели Екатеринбургской канторы судебных и земских дел надворный советник Охлябинин и капитан Ерапольский. Со второй половины октября эти предварительные меры сменились на более действенные. Понимая, что на помощь извне надеяться напрасно, полковник Бибиков объявил о начале мобилизации населения на защиту Екатеринбурга, приказав «выслать от заводов и слобод в казаки конных людей, а у кого огненое ружье есть, с пиками, правиантом и фуражем месяца на два». 29 октября на дорогах ведомства учредили военные пикеты, а с начала ноября, приведя в порядок имевшееся в городе вооружение, В. Ф. Бибиков распорядился начать «являющихся на службу людей... приобретать к ружью». В городе учредили караулы, а весь декабрь прошел в хлопотах по сбору продовольствия и фуража на нужды ополчения⁵⁰.

Вероятно, к концу октября — началу ноября 1773 г. руководство Канцелярии главного заводов правления приняло важное и, как показало будущее, единственно верное стратегическое решение. Поняв, что распылять скудные ресурсы, пытаясь защитить каждый завод в отдельности, бессмысленно, горные власти постарались аккумулировать все имеющиеся в их распоряжении силы и средства для формирования единого оборонительного рубежа по линии Екатеринбург — заводы Пермского Прикамья. Восточным опорным пунктом, таким образом, становился Екатеринбург. Укрепив город и окрестности, можно было надеяться и на удержание позиций к западу-северо-западу от него, на частных заводах, расположенных в бассейне Чусовой. Имевшиеся на реке Чусовой казенные и частные пристани могли обеспечить связь с заводами Прикамья, которые в замыслах канцелярии играли роль крайнего западного опорного пункта. Удержание этого района

⁵⁰ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 133. Л. 52–52 об.

и контроль над важнейшей транспортной артерией региона Камой позволяли поддерживать связь с ближайшими уездными центрами, Кунгуром и Сарапулом, надеяться на подход помощи из поволжских городов и центральных районов России. Реализация этого стратегического плана сулила и еще одну принципиально значимую перспективу — защиту от повстанцев богатых старых заводов Среднего и Северного Урала — Невьянских, Нижнетагильских и Гороблагодатских, которым, в свою очередь, отводилась роль второго эшелона обороны и источника мобилизационных ресурсов. Для организации западного крыла оборонительной линии 31 октября 1773 г. из Екатеринбурга в Пермскую провинцию командировали члена канцелярии коллежского асессора М. И. Башмакова. Выбор кандидатуры был не случаен: именно Михаил Башмаков в 1770 г. принимал в казенное содержание у приказчиков графа И. Г. Чернышева Юговские заводы — Верхний и Нижний, располагавшиеся приблизительно в 80 км к северо-западу от Кунгура. Зная местность и население, коллежский асессор принял решение организовать укрепленный район именно на этих предприятиях.

Деятельность М. И. Башмакова на Юговских заводах детально реконструируется благодаря журналу входящих и исходящих дел Юговской заводской конторы, информация которого достигает в наиболее опасные моменты подробности дневниковых записей⁵¹. Из них можно узнать, что первые свои распоряжения в роли представителя Канцелярии главного заводов правления Башмаков сделал уже 22 ноября, начав формировать в своей ставке ополчение из местных жителей. Юговской заводской конторе следовало набрать из приписных сел 150 чел. крестьян «со всем казачьим прибором» для несения караульной службы. Пятью днями спустя, 27 ноября, асессор уведомил о своих действиях канцелярию в Екатеринбурге, а днем позже установил связь с ближайшим местным руководством — Пермским горным начальством и кунгурским воеводой Н. И. Миллером, прося их сообщать, «какия откуд будут получаемы известия о показанном же бунтовщике Пугачеве к предосторожности». 8 декабря жителям окрестных

⁵¹ ГАПК. Ф. 170. Оп. 1 Д. 81. Л. 1.

селений запретили покидать свои жилища без документов, «данных из присудственных мест». Этим же распоряжением запрещалось давать в чье-либо пользование частные подводы без специального разрешения властей. 12 декабря Башмаков получил предупреждение из Кунгура от Пермского горного начальства «о приближающемся неприятеле к Кунгурскому уезду» и, в свою очередь, оповестил об этом всех заинтересованных лиц.

Каждый день приносил сведения о приближающихся повстанческих отрядах и заставлял чиновника торопиться с ответными мерами. В декабре, когда «известная злодейская толпа» заняла с. Каракулино⁵², Башмаков усилил взаимодействие с окрестными Пермскими заводами. Бизярской заводской конторе предписывалось держать наготове «на станции по четыре лошади с двумя проводниками». Аннинской заводской конторе было предложено послать двух человек на разведку в г. Осу и составить ведомость «о числе годных и могущих быть на обороне людех, ружьях, свинце и порохе» (14 декабря); тогда уже аннинские приказчики доносили о приближении к заводу пугачевцев. М. И. Башмаков отослал в Кунгур копию этого рапорта с рудоразборщиком Е. Оботуровым, затребовав от пермского горного начальства информацию о расположении пикетов и помощь порохом. Пытался коллежский асессор мобилизовать в свои ряды представителей нерусского населения, но его многочисленные приказы старшинам башкирских деревень Култаевой и Кояновой «о самоскорейшей присылке для предосторожности с ружьем и луками на конях лудших башкирцов» (самый ранний такой приказ датируется 14 декабря 1773 г.) красноречиво остались без ответа. С 18 декабря на Юговских заводах началась отливка пушек и были выданы деньги на закупку двух пудов свинца. В тот же день приказы о начале изготовления пушек и картечи с ядрами (2 340 шт.) были посланы на Иргинский завод П. И. Осокина⁵³. Этот завод выполнял приказ Башмакова до тех пор, пока не попал в руки пугачевцев.

⁵² По современной автомобильной дороге расстояние от Каракулино, расположенного к юго-западу от Кунгура, до последнего определяется в 388 км, а по прямой — в 253 км.

⁵³ ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 1 об. — 4.

Чем меньше оставалось дней до конца 1773 г., тем стремительнее развивались события. Казалось, что Башмаков играл с противником бешеный блиц, в котором стороны упорно стремились обыграть друг друга. 18 декабря к восставшим присоединился Камбарский (А. Г. Демидова) завод. На следующий день Юговская контора предложила Аннинской

...о бытии сюда (то есть на Юговские заводы. — Д. Р.) для предосторожности и обороны всем обер- и ундер-офицерам, приказным, военным и прочим годным служителям с принадлежащими оружейными припасами⁵⁴.

Лишь только группа служителей, мастеровых и крестьян в количестве 101 чел. едва успела покинуть предприятие⁵⁵, как оставшиеся жители примкнули к повстанцам, на долгое время превратив завод в базу пугачевцев в Прикамье. 20 декабря за дополнительной закупкой свинца был отправлен заводской юговской житель М. Ряжной, а в Екатеринбург повезли отчаянный рапорт с просьбой прислать «для предосторожности и обороны пристойного числа команды и пороху». В этот же день стало известно, что «злодейская толпа» появилась в опасной близости от Юговских, в деревне Барде. С 21 декабря М. И. Башмаков остановил действие на заводах и отдал распоряжение о строительстве укреплений, «о разпределении пастов и о употреблении к тому мастеровых». Все ближайшие предприятия казенного и частного содержания в эти же дни получили приказы «о присылке оружинных людей на оборону от злодейской партии». Даже взбунтовавшимся аннинцам было предложено не поддерживать пугачевцев, а прибыть «с артиллериею всем людям сюда». Правда, на следующий день, 22 декабря, сообщение «о непослушниках Аннинского завода мастеровых» оформили письменно и отправили в Екатеринбург. Юговская контора не оставляла надежды и на получение поддержки от не заводского населения. Так, тем же 21 декабря контора переслала

⁵⁴ ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 4 об.

⁵⁵ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 253.

копии указа «их сиятельств князей Михаила Михайловича Голицына и Бориса Григорьевича Шаховского в Верхнемулинские домовые правления», повелевавшего тамошним людям выступить на помощь Башмакову «с ружьями или у кого что есть». В башкирскую деревню Коянову, чьи старшины игнорировали предыдущие воззвания Юговской конторы, в тот же день направили целых два указа. Один, «подтвердительный», повторял прежние приказы о присылке людей. Второй, «прочетный», гарантировал всем «башкирцом и рудопрмышленникам» «нечинение им обид» в случае прибытия на Юговские заводы⁵⁶. Но реальную помощь оказали только Пермские заводы (кроме Аннинского), показав при этом удивительную солидарность. 23 декабря по примеру Юговских производство остановили на Ягошихинском, Мотовилихинском и Висимском заводах, где в помощь Башмакову срочно сформировали ополчение. Только Ягошихинская заводская команда составила 361 чел⁵⁷. Пришла помощь с Бизярского и Курашихинского заводов (позже, правда, отправленная назад для защиты собственных предприятий, расположенных в непосредственной близости от беспокойного Аннинского и от «татарских жителств»)⁵⁸. Немного позже подоспели отряды мастеровых и рабочих людей с Юго-Камского, Нытвенского, Чермозского (самого удаленного от зоны восстания) заводов и из многих других мест⁵⁹. К концу декабря в распоряжении М. И. Башмакова было уже около 800 чел.⁶⁰

Но пока собиралось ополчение, готовились орудия и боеприпасы, складировались продовольствие и фураж, враг тоже не бездействовал. Среди исходящих за 23 декабря мы видим рапорт в Екатеринбург о том, «что злодейскую партию ожидают на Юговский завод»⁶¹. Напряжение, моральное и физическое, настолько нарастало, что даже отразилось на оформлении журнала входящих и исходящих: почерк подъячих, ведущих фиксацию документооборота зимой 1773–1774 гг.,

⁵⁶ ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 4 об. — 5 об.

⁵⁷ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 276.

⁵⁸ Там же. С. 340.

⁵⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 267. Л. 33, 110, 171 об.

⁶⁰ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 382.

⁶¹ ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 6.

заметно хуже и неразборчивее, чем на предыдущих листах; строки набегает друг на друга; безнадежно нарушается формуляр, окончания в словах не согласованы, а возле многих записей появляются пометы, отмечающие с точностью до часа исполнение того или иного приказа.

И тем не менее, в тяжелейших условиях и в крайне короткие сроки М. И. Башмакову удалось не только собрать ополчение, вооружить его, привести в пригодность заводские укрепления, но и сделать оборону активной и перейти в превентивное контрнаступление. «За два с лишним месяца восстания, — писал А. И. Андрущенко, — местные власти ... создали из заводских и крестьян оборонные и карательные команды»⁶². Выводы историка подтверждают данные башмаковского журнала. Еще 25 декабря, как видно из записей, ассессор рассылал «подтвердительные» указы в Ягошихинскую заводскую контору, Верхнемулинские домовые правления князей М. М. Голицына и Б. Г. Шаховского, старшинам деревни Кояновой и татарской деревни Яныч, предписывая организовать полную эвакуацию жителей на Юговские заводы, а уже 30-го дежурный канцелярист занес в журнал:

Беггешворен Берглин с командой в село Верхние Мулы отправлен на поражение партии (отряда пугачевцев под командованием «полковника» Батыркай Иткинина. — Д. Р.) в 10 часу с полудня.

Пошли последние сутки 1773 г. В ночь с 30 на 31 декабря около полуночи Башмаков отправил в Кунгур шихтмейстера А. Солнопекова с корреспонденцией о состоянии дел. Об этой командировке было сообщено казанскому губернатору Я. Л. фон Брандту. Руководитель пермской обороны все еще не оставлял надежды на получение военной помощи, хотя бы «двух рот, для пресечения злодейского пути и поимки их». В четыре часа дня 31 декабря ассессор, не получив сведений от команды Берглина, послал «для разведывания» некоего Григория Ряднова. Но волнения оказались напрасными: в ночь на 1 января он получил сообщение о том, «что злодейская партия, состоящая в Мулах

⁶² Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 284.

и Култаеве, прогната». Это была первая победа, одержанная заводской администрацией без всякой помощи со стороны регулярных войск, собственными силами. Во втором часу пополудни 1 января нового 1774 г. М. И. Башмаков отправил вдогонку уехавшему в Кунгур Солнопекову служителя Михаила Смирных с ордером о радостном событии. В 11 часов утра 1 января 1774 г. казак Василий Брызгин, накануне приехавший из Пермского горного начальства, увез новость своему руководству. Тогда же навстречу берггешворену Берглину отправили Василия Лаптева для поздравления победителя и «всей команды» «со счастливым их походом»⁶³. Но не смыкавший всю ночь глаз Башмаков поспешил развить успех и усилить свои полевые команды. 1 января двумя ордерами (в Ягошихинскую заводскую контору и Мулинские домовые правления) он отправил приказы дать дополнительно по 50 или 100 чел. с каждого места «для отправления и поиску воровских партий»⁶⁴.

В январе-феврале 1774 г. сфера деятельности М. И. Башмакова значительно расширилась. Он, продолжая поддерживать тесную связь с заводскими и вотчинными администрациями и получая от них помощь, оказался способным перераспределять людские ресурсы и содействовать обороне других мест. Так, в первых числах января энергичный асессор уже мог позволить себе переправить часть своих ополченцев на охрану Ягошихинского завода: 8-го числа туда были посланы десять жителей из Добрянского (А. С. Строганова) завода, а спустя два дня еще 30 добрянцев явились на укрепления Ягошихи⁶⁵. Одновременно Ягошихинской заводской конторой 3 января было решено отправить 100 или 50 чел. на помощь терпящему бедствие Кунгуру⁶⁶. 50 конных ягошихинцев отбыли «на защищение города Кунгура» в 20-х числах января, о чем 24 января в Юговской заводской конторе получили рапорт. Под командование секунд-майору Д. О. Гагрина к Кунгуру проследовали также и две крестьянские команды в 110 и 150 чел., собранных Башмаковым в Верхнемулинских вотчинах князей Голицына и Ша-

⁶³ ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 7–8 об.

⁶⁴ Там же. Л. 8 об.

⁶⁵ Там же. Л. 178–178 об.

⁶⁶ Там же. Л. 11 об.

ховского⁶⁷. Оказывалась поддержка и казенному Воткинскому заводу, где оборону возглавлял гиттенфервальтер А. Клепиков. Туда в соответствии с башмаковским ордером от 11 февраля 1774 г. перебросили команды по 100 чел. из Очерского завода и одноименного острожка. Еще 100 чел. с двумя пушками поступили в распоряжение Клепикова из Очерского острожка от строгановского поверенного Я. М. Волегова⁶⁸. Продолжали поступать люди и вооружение и на главную базу пермской обороны — Юговские заводы. В январе и феврале туда прибыли вновь сформированные команды из Хохловского (в общей сложности 20 чел.), Чермозского (в целом 150 чел.) и Добрянского (в совокупности 32 чел.) заводов. 250 чел. мобилизованных «казаков» во главе с сержантом Буткевичем подошли из Соликамска⁶⁹.

Но до качественного перелома в пользу правительственных сил было еще очень далеко. События этих месяцев развивались противоречиво для обеих сторон, что обуславливалось разными настроениями среди местного населения. Самыми активными сторонниками пугачевцев среди заводских показали себя аннинцы. После того как, повинуясь приказу Башмакова, «послушная» часть жителей ушла 19 декабря 1773 г. на Юговские заводы, оставшиеся получили полную свободу действий и стали активно искать контакты с повстанческими силами. Сами они, по недостатку вооружения, не могли противодействовать сторонникам властей. Когда, например, 21 декабря на заводе побывала небольшая юговская команда, она не встретила сопротивления: аннинцы разбежались по окрестным деревням. Характерно, что оставшиеся, «самое малое число» людей, тем не менее, отказались повиноваться и не стали слушать увещаний унтер-шихтмейстера Бахмана⁷⁰. Сложная ситуация декабрьских дней не позволила юговскому отряду контролировать завод, и они ушли, пробыв там не более двух дней. А 24 декабря на завод вернулись некоторые из уехавших накануне жителей, привезя с собой «манифест» из ставки Батыркая Иткинина. Вслед за ними на завтра туда же прибыла сотня пугачевцев

⁶⁷ ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 188.

⁶⁸ Там же. Л. 27, 191.

⁶⁹ Там же. Л. 178 об., 181, 183.

⁷⁰ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 254.

под командованием И. Тарасова, Е. Кухтина и И. Конева. С их помощью местные избрали «предводителя» завода И. Котельникова. А. И. Андрущенко писал, что новые заводские власти остановили начавшиеся было грабежи и разорение личного и заводского имущества, наладили организованное снабжение продовольствием из конфискованных заводских запасов⁷¹. Это несколько расходится с данными журнала М. И. Башмакова. Под 7 января 1774 г., то есть спустя без малого две недели после установления заводского самоуправления, в Юговской конторе была сделана запись:

Аннинского завода мастеровые и работные люди, также и живущие приписные ко оному заводу крестьяне, прислонясь к злодейской толпе, пограбили оной... завод и протчие дома⁷².

Вообще же аннинские повстанцы вели себя очень активно: посылали на помощь пугачевцам, осаждавшим Осу, своих «казаков», производили холодное оружие для собственных выездных команд, вели агитацию за пределами завода. Учитывая опасность, исходящую от Аннинского завода, М. И. Башмаков уже 7 января отправил отряд во главе с испытанным и удачливым берггешвореном Берглиным для «приведения оных в чувство». На усиление Берглина 15 января отбыли еще два отряда — шихтмейстера Яковлева и берггешворена Никонова⁷³, на которого в конечном итоге легли обязанности общего руководства операцией. На беду аннинских повстанцев, им не с чем было встретить юговские отряды, поскольку 13–14 января завод покинули пугачевские сотни И. Тарасова и А. Абдеева и наиболее деятельные из местных. Это, однако, не помешало оставшимся попытаться склонить на свою сторону мастеровых и работных людей соседнего Бизярского завода, сохранявшего, как писалось выше, верность правительству. Для этого они избрали весьма своеобразный способ, подробно описанный Иваном Никоновым после разгрома аннинцев. Берггешворен писал М. И. Башмакову:

⁷¹ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 255–258.

⁷² ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 177 об.

⁷³ Там же. Л. 177 об., 182.

... 14 числа сего генваря, собрались служители Андрей (правильно — Антон. — Д. Р.) Голубкин, Александр Никонов, Иван Шубин, Киприян Шерстобитов ... согласились для устрашения Бизярского, Осокина, завода людей послать письмо ... якобы из Осинской земской избы прислано, и о велении, чтоб запасти на 15-е число идущей из Осы трехтысячной злодейской толпе хлеба, овса и сена неотменно.

В подложном письме также сообщалось, что «будто бы уже на Аннинской завод приехало заемщиков (из Осы. — Д. Р.) пять человек». Для пущей убедительности аннинцы «снарядили умышленно казаками на конях служителей Андрея Голубкина, Александра Никонова с товарищи». Но затею сорвали подошедшие юговские команды. Берггешворен И. Никонов перехватил это письмо вместе с гонцом в двух верстах от Аннинского завода. Остальные участники маскарада были захвачены в тот же день и наказаны⁷⁴.

Использование ложных слухов для устрашения колеблющихся зафиксировал и юговской житель Григорий Рядной. Еще 31 декабря 1773 г., будучи с поручениями коллежского асессора Башмакова в деревне Тишиной, он слышал от тамошнего старосты Ф. Ширинкина, что «будто она (пугачевская армия. — Д. Р.) многолюдна и оружейна и имеет в семь сажен пушку, чево неслыханно в век», — добавил от себя бдительный Рядной. Сочтя, что подобные разговоры «крестьянам наводят большой соблазн к той партии повиновением», он арестовал старосту и высек его плетью⁷⁵. Но борьба с пугачевской агитацией оставалась не самой большой заботой Башмакова. Несмотря на то, что население большинства Пермских заводов оказалось на стороне правительства, аннинцы тоже были не одиноки. 26 декабря в «подданство императору» перешел Юговской (И. П. Осокина) завод, чему способствовал приезд туда девяти пугачевцев во главе с бырманским татаринном Акбашевым. Спустя два дня на завод пожаловал сам «полковник» Б. Иткинин. Жители в основном благожелательно приняли повстанцев, хотя единодушия не было и здесь. Часть заводчан сохра-

⁷⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 267. Л. 88 об.

⁷⁵ ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 10.

нила верность властям, и не без их участия в феврале 1774 г. завод был отбит у «злодеев» командой шихтмейстера Яковлева⁷⁶. На настроение мастеровых и работных людей оказало влияние то, что прибывший на завод отряд Б. Иткинина допустил со своей стороны грабежи, в том числе и личного имущества местных. В связи с этим здешний сотник Г. Ситников был вынужден жаловаться другому пугачевскому атаману И. С. Кузнецову⁷⁷.

Примечательно, что рапорт Юговского осокинского приказчика А. Персидина о «приклонении к злодею» мастеровых и работных людей, написанный 27 декабря, поступил Башмакову только 3 января 1774 г. А доношение того же приказчика и «при том роспись пограбленным злодейскою партией... денежной казны, разной меди, медной посуды и протчего, всего по цене на 23 257 рублей 87 ½ копейки», составленные 1 января, в тот же день пришли в Юговскую контору, опередив предыдущий рапорт на два дня⁷⁸!

Для М. И. Башмакова победы чередовались с неприятностями. Когда 3 января он читал первый и уже не актуальный рапорт Персидина, крупный отряд пугачевцев захватил еще один завод И. П. Осокина — Иргинский, на котором на нужды пермских ополченцев изготавливали боеприпасы. Подробности стали известны несколькими днями позднее со слов бежавшего иргинского жителя И. Чеснокова. По его свидетельству, завод захватили три сотни «башкирцов, татар и мещеряков», которыми командовал русский «полковник» Гордей Иванов. Первым делом нападавшие принялись грабить контору и господский дом, взяв «денежную казну, медную посуду, медь, железо и лошадей, и разной скот, даже до самой последней вещи». То, что показалось повстанцам непривлекательным и малоценным, например, деревянная посуда, было изломано. В заводских цехах они полностью уничтожили все оборудование, а в конторе сожгли документы. В результате население не одобрило этих действий, тем более что, по словам Чеснокова, пугачевцы «чинили насилство», то есть грабили и истребляли не только господское заводское имущество. Свидетель

⁷⁶ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 260.

⁷⁷ Пугачевщина. Т. 2. С. 202–203.

⁷⁸ ГАПК. Ф. 170. Оп. 2. Д. 81. Л. 174 об.

назвал только двух местных жителей, которые «склонились» к «воровской партии», — братьев Семена и Прокопия Варенцовых. Семен Варенцов «показывал вора́м исправные дома жителей, а дворы оных потом разграбляли, над женами чинили наси́лства ...». За свое усердие С. Варенцов был назначен заводским сотником. Из Иргинского завода пугачевцы сделали набег на Ачитскую крепость, где захватили сотню мобилизованных властями крестьян, двух канониров с пушками и командира этого отряда обер-гиттенфервальтера Б. Войнова. Горного офицера повесили на Иргинском заводе, а его людей, «обстригши волосы по-казачьи», повстанцы «отправили в свою команду, а куда — неизвестно»⁷⁹. М. И. Башмаков оформил эти показания и отослал рапортом в Пермскую провинциальную канцелярию в Кунгур в тот же день, когда сводный отряд берггешворена И. Никонova очистил Аннинский завод.

Не совсем ясен ход событий на соседнем с Юговским осокинским Бымовском заводе. По данным А. И. Андрущенко, бымовцы присоединились к восставшим еще раньше, чем осокинские, — 24 декабря 1773 г.⁸⁰ К сожалению, историк ограничился простой констатацией этого события. Между тем, имеющиеся документы позволяют говорить, что и Бымовский завод был захвачен, а не добровольно присоединился к пугачевцам, и произошло это на месяц позже. Во всяком случае, еще 19 января 1774 г. Бымовская заводская контора уведомляла Пермское горное начальство о посылке «для разведывания» на Юговской осокинский завод «ис заводских жителей» «самого хорошего человека» Никиты Мельникова. Он принес сведения о сборе в деревне Бырмы «злодейских толп». Во время своей миссии Мельников был пойман и «осокинскими жителями содержан под караулом, но смог сбежать». А день спустя, 20 января, один из бымовских приказчиков Яким Крашенинников и сотник Никита Яковлев докладывали в горное начальство:

⁷⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 267. Л. 24–25.

⁸⁰ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 262.

Сего генваря 20 дня ввечеру... прибежав, неведомо откуда, татарской воровской толпы татара, в том числе и русские... человек з двести... Захвата здешнего завода прикащика Николу Клещева, конторских служителей Корнила Кузнецова, Василья Полюгова, заводских жителей Семена Кузнецова, Мартемьяна Густокашина с сыном, называя их пущими противниками, против их воли, связав назад им руки... увезли неведомо куда.

Крашенинникову при этом удалось скрыться. Успех пугачевцев во взятии завода объяснялся просто:

За взятъем отсуда в город Кунгур и в Юговской казенный завод для предосторожности от таковой же воровской толпы людей, ружей и пороху, здесь ныне впредь противитца с ними нечем...

Впрочем, и после описанных событий «мирские люди» Бымовского завода просили у пермского горного начальства «пристойную команду», с помощью которой обещали «против татарской воровской толпы противитца»⁸¹.

Действительно, за общий успех в организации Юговского укрепленного района М. И. Башмакову приходилось расплачиваться отдельными заводами. Их переход в руки повстанцев однозначно трактовался в советской историографии как факт симпатий населения этих заводских поселков пугачевцам. Но уже приведенные выше примеры доказывают обратное: предприятия вынужденно сдавались повстанческим отрядам, поскольку были обессилены мобилизациями и не имели средств к защите. В этом смысле не менее показателен, наряду с историей Иргинского и Бымовского заводов, пример с Юго-Камским. 17 января 1776 г. на нем побывал И. Сапожников, домовый служитель кн. Б. Г. Шаховского, которому тогда принадлежало это бывшее строгановское предприятие. Сапожников попал туда по распоряжению Нытвенской заводской конторы (Нытвенским заводом владел свояк Шаховского кн. М. М. Голицын).

⁸¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 267. Л. 138–138 об., 171–171 об.

Служителю предстояло выяснить обстановку на Юго-Камском заводе, настроения его жителей, ход строительства укреплений, организацию караулов, степень обеспеченности заводчан оружием и место дислокации ближайших пугачевских отрядов. На все эти вопросы «правлящий прикащиком должность» подьячий Ф. Некрасов сообщил Сапожникову, что «с того завода из ремесленников и обывателей немалое число отправлено на Юговской казенной завод». Когда же на Юго-Камский наведались пугачевцы, потребовавшие себе «в подъезд дватцать пять человек», Некрасов «с товарищи» едва откупились 26 рублями от этой мобилизации. Что же касалось юго-камских укреплений, которые действительно строили, то Некрасова предупредили, «чтоб начатой при том заводе город отнюдь не строить», «ибо-де, — объяснил подьячий, — бывшая злодейская команда тот Юго-Камской завод за противность неотменно вызовет»⁸². Известно, что и Очерский завод, давший многих людей в ополчение Башмакову, готовился к самостоятельной обороне. Об этом сообщил 11 февраля 1774 г. приказчик А. Прядильщиков в Новоусольское домовое правление Лазаревых. При заводе строился острог «с согласия мастеровых и работных людей», действовали караулы. Через Новоусольское правление Прядильщиков просил вотчинное правление Строгановых прислать ему для строительных работ дополнительных людей⁸³. И если позже Очерский завод был взят пугачевцами, то это не означало, что он «включился в восстание». К перечисленным заводам, сдавшимся повстанцам за неимением возможности защищаться, следует отнести Пыжманский, Таишевский, Нижнеиргинский, Тисовский и Нижнесаранинский⁸⁴. Таким образом, из более чем двух десятков пермских заводов, находившихся в зоне ответственности Башмакова, добровольную поддержку повстанцам оказали только жители четырех: Аннинского (частично), Юговского (И. П. Осокина), Камбарского и Шилвинского (П. Красильникова).

В целом следует признать, что М. И. Башмаков справился с поставленной перед ним задачей, что было замечено далеко за пределами

⁸² ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 267. Л. 110–110 об.

⁸³ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3. Л. 33.

⁸⁴ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 262.

театра боевых действий. «Прибавления» к № 16 «Санкт-Петербургских ведомостей» от 25 февраля 1774 г., например, с месячным запозданием порадовали столичных читателей, сообщив, что

... ассессор и Канцелярии главного заводов правления член Башмаков, содержащей пост на Юговских заводах, укрепя оные... и вооружа по возможности заводских служителей и крестьян, начал высылать для поисков над злодеями в окрестных места команды с хорошим успехом⁸⁵.

Безвестный ассессор стал, таким образом, героем дня, но ликование прессы не отражало всей сложности ситуации. Исход борьбы виделся смутным, а январь и февраль 1774 г. продолжали приносить местным властям все новые испытания.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 171. Л. 45.

4.4. Стратегический план обороны заводов Среднего Урала и Прикамья: восточный фланг (Екатеринбург, декабрь 1773 — март 1774 г.)

Если на западном фланге горнозаводской обороны М. И. Башмаков уже в первых числах января 1774 г. пожинал первые плоды своих трудов, то на восточном, в Екатеринбурге и окрестностях, к началу января ситуация была гораздо драматичней. Благодаря декабрьским приготовлениям Канцелярия главного заводов правления сумела сконцентрировать в городе 1 235 чел. мастеровых и работных людей и крестьян. Около 500 чел. «присяжных казаков» (то есть мобилизованных крестьян и «разночинцев») под командой секунд-майора Чубарова пришли на помощь полковнику В. Ф. Бибикову от сибирского губернатора Д. И. Чичерина. Но, учитывая большой масштаб задач, стоявших перед канцелярией (по сравнению с задачами М. И. Башмакова), и необходимость защиты крупного города, власти справедливо считали эти силы недостаточными. Против Екатеринбурга вели наступление лучшие повстанческие соединения, действовавшие на Среднем Урале. Они продвигались к городу, охватывая его полукольцом с запада и юго-востока, отрезая от связи с окрестными крупными центрами. Наиболее опасным было западное направление, на котором действовал крупный и прилично вооруженный отряд Н. И. Белобородова. Этот «главный атаман и походный полковник» повстанческой армии, бывший артиллерист, один из любимцев Е. И. Пугачева, находился зимой 1774 г. на пике своей славы и успеха. Под его непосредствен-

ной командой состояли от 1,5 до 3 тыс. чел. и хорошая артиллерия. По Екатеринбургскому ведомству «находилось в бунте» около 50 тыс. крестьян⁸⁶ — неисчерпаемый резерв белобородовского корпуса. Многие заводы, которые при наличии средств можно было превратить в бастионы, закрывавшие Екатеринбург с запада и северо-запада, оказались ослаблены мобилизациями и достались Белобородову.

Впавший в отчаяние полковник В. Ф. Бибиков на совете 4 января 1774 г. предложил оставить город за неимением средств к его защите. Начавшаяся паника и меры по эвакуации, которые предпринял Бибиков, дестабилизировали обстановку, назревало открытое возмущение, грозившее сорвать все первоначальные планы властей и свести на нет усилия по созданию сплошной линии обороны. Только благодаря решительной позиции части чиновников (надворных советников Н. Охлябинина, С. Метлина, Я. Рооде и др.) удалось удержать ситуацию под контролем. И 4, и 8 января (на повторном совете, где решалась судьба Екатеринбурга) они выступили против предложений начальника и сумели навести порядок среди населения (позже мстительный В. Бибиков попытался возложить всю ответственность за хаос первой декады января на Н. Охлябинина как на одного из основных своих оппонентов).

Пока столица края находилась на грани сдачи, повстанческие войска подошли к ней вплотную. Главный их удар в январе пришелся на Шайтанские (В. Ширяева) и Билимбаевский заводы, располагавшиеся в 40 и 58 км к западу от Екатеринбурга. Обладание ими обеспечивало частичную блокаду горного центра. Обстановка на заводах складывалась не в пользу правительственных сил, о чем Белобородов знал. На Билимбаевском заводе, где трудились 1 198 чел. из числа крепостных и вечноотданных, внимательно следили за развитием событий в крае и в целом симпатизировали восставшим. Попытки администрации укрепить завод, создав ополчение из 450 чел. и поддержав его отрядом из Екатеринбурга⁸⁷, не увенчались успехом. Начавшиеся на заводе волнения и проблемы в Екатеринбурге заставили городских ополченцев

⁸⁶ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 195.

⁸⁷ По данным В. В. Мавродина, это был отряд численностью в 250 чел. под командой поручика Сергеева. А. И. Андрущенко указывал, что отряд насчитывал 200 чел., а командовал им капитан С. Ерапольский. См.: Крестьянская война в России 1773–

покинуть Билимбай. «... Генваря же на 18-е число 1774 г., — писал позже в рапорте заводской священник Федор Комаров, — в ночи злодейская толпа вступила в завод»⁸⁸. Вероятно, что пугачевцы еще накануне имели связь со своими сторонниками из числа заводских и выбрали удобный момент для вступления, дождавшись, когда екатеринбургский отряд покинет Билимбай. Во всяком случае, когда силы повстанцев только подходили к пределам Екатеринбургского ведомства, с Билимбаевского завода бежал к ним «самого худаго состояния заводской житель Амос Пинегин», «чаятельно, для подзыву оной («воровской толпы». — Д. Р.) на здешний Билимбаевский завод»⁸⁹. Вернулся Пинегин уже в составе отряда Белобородова. Последний не собирался долго задерживаться в Билимбае, пробыв там неполные двое суток. При этом пугачевцы вели себя корректно (вероятно, вследствие той дисциплины, которую И. Н. Белобородов поддерживал у себя в «корпусе»). В частности, у того же Федора Комарова читаем:

... В святую церковь от них, злодеев, никто не входил, и манифеста ложнаго по церкви святей не объявляли, и к служению не принуждали. Также до прихожан никакого же принуждения не было.

Если верить священнику, то и со стороны заводских встреча была скромная:

Оных злодеев с крестом не стречали, и никакой им чести не отдавали, и к их злодейской толпе не приставали⁹⁰.

Справедливости ради следует критически отнестись к этому свидетельству, написанному уже после разгрома восстания и, вероятно, имевшему целью несколько скрасить реальную ситуацию перед следствием. По свидетельству билимбаевского служителя Верховланцева,

1775 гг. Восстание Пугачева : в 3 т. / под ред. В. В. Мавродина. Л., 1961. Т. 1. С. 305 ; Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 192.

⁸⁸ ГАСО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 407. Л. 230.

⁸⁹ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 133. Л. 66.

⁹⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 407. Л. 230.

белобородовский «корпус» пополнился в те дни 300 «казаками» из «рудных рабочих»⁹¹. Да и сам Верхованцев, хоть и поневоле, но к «злодею приклонился» и даже был у Белобородова сотником.

Почти сразу же после пополнения отряда И. Н. Белобородов поспешил на Шайтанские ширяевские заводы. Шайтанцы ждали пугачевцев и торопили их приезд. Эти заводы отличались особенно плохими условиями труда и напряженностью отношений работных людей с хозяевами. Двумя годами ранее, в 1771 г., совладелец и брат Василия Ефим Ширяев был убит в своем заводском доме разбойничьим атаманом Рыжанкой (А. Плотниковым) и его людьми, которых «подозвали» на завод и впустили в дом местные жители, желавшие рассчитаться с заводчиком за жестокое и несправедливое обращение. Да и у самого Рыжанки были сообщники из числа шайтанцев⁹². Так, и к «полковнику и главному атаману Сибирского корпуса» И. Н. Белобородову

...генваря 19-го числа подговаривать ездили ... Шайтанского завода крестьяне Иван Чекала, Терентей Согрин, Ефим Александров и дворовой конюх Иван Александров сын Шагин. По коему их зову тот злодей Белобородов со всюю его злодейскою толпою в Шайтанский завод и вступил.

В отличие от билимбаевцев, шайтанцы устроили «полковнику» торжественную встречу «против дому господского на плотине с хлебом и солью»:

И во всю его злодейскую бытность усердность к злодейству доказывали и раззорение делали крестьяне Василий Хаханов, Савелий Королев, Федот Дылдин, Афонасий Кузнецов, Лука Шешмарев, Андрей Щукарев, Никита Догадин ...⁹³

⁹¹ Крестьянская война в России 1773–1775 гг. Т. 1. С. 306.

⁹² ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 134.

⁹³ Там же. Д. 133. Л. 66–66 об.

Иначе развивались события на Ревдинском и Бисертском заводах, занятых в том же январе Белобородовым. Весть о приближении пугачевцев дошла до этих заводов еще в декабре 1773 г. Тогда,

... слыша столь превеликий страх и усилие злодеев... с заводов Ревдинского и Бисертского, оставя все заводское правление... прикащики, служители и частью мастеровые люди принуждены выехать в Екатеринбург, а остальные ж мастеровые и работные люди как разобраны в разъезд для осторожности, а другие спасать себя бегством по лесам рассеялись.

Поэтому, когда Белобородов прибыл в Ревду,

... здешним жителям по неимению оружия и по недостатку людства сопротивление сделать было не можно, ибо по приказанию от команды лучшие люди с лишним 200 человек, и все огненное оружие, и копыа до того посланы были к команде господина капитана Ерапольскаго в Екатеринбург⁹⁴.

Таким же образом на момент подхода пугачевцев был ослаблен и Бисертский завод, при котором «огненного оружия нисколько не было, к тому [ж] пороху не имелось, и спастись стало от злодеев нечем». Исходя из этих обстоятельств и напуганная сообщениями о разгроме отряда екатеринбургского ополчения у Ачитской крепости 4 января, заводская администрация спешно отбыла в полном составе кто в Екатеринбург, кто в Невьянск. Оставшиеся главными староста Т. Коротаев и сотник Н. Кондрашев,

усмотря, что им защищать себя нечем... по общему мирскому согласию и посылали от мира для встречи его, Белобородова, до нескольких человек, кой (то есть Белобородов. — Д. Р.) и вступил. А особливого человека, чтоб возмущать о... Белобородове, не было⁹⁵.

⁹⁴ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 133. Л. 65–65 об.

⁹⁵ Там же. Л. 68 об. — 69.

Заняв к концу января 1774 г. ключевые позиции на расстоянии суточного перехода до Екатеринбурга, Белобородов изменил направление удара своих главных сил и обратился на северо-запад. Практически все историки считали это решение пугачевского атамана ошибочным, приведшем в конечном итоге к его поражению, но, думается, это неверно. Логика в планах «полковника Сибирского корпуса» была. Брать «в лоб» большой город означало большие жертвы со стороны наступавших. Не исключался риск застрять под Екатеринбургом так же, как сам Пугачев застрял под Оренбургом, а Зарубин-Чика — под Уфой. Кроме того, в ставке Белобородова знали, что 31 января Екатеринбург получил серьезное подкрепление — две регулярных роты оренбургских батальонов под командой секунд-майора Х. Фишера. Поэтому, блокируя подходы к городу, но не рискуя со штурмом, атаман мог позаботиться о развитии оперативно-тактических преимуществ. Его целью стали заводы и пристани Сылвенско-Чусовского междуречья, в частности, Сылвенский и Уткинский (А. Г. Демидова) заводы. Они связывали в единую линию западный (юговской) и восточный (екатеринбургский) фланги правительственной обороны, прикрывая доступ к Невьянским, Нижнетагильским и Гороблагодатским заводам. Прорыв этой линии сулил восставшим колоссальный успех. В густозаселенной зоне старых заводов их ожидали значительные запасы денег, продовольствия, вооружения; можно было пополнить людские резервы и конский состав. Это позволяло не только выйти в тыл Екатеринбурга и взять его в полную блокаду, но, взаимодействуя в Прикамье с отрядами Б. Иткинина и других атаманов, раздавить Юговскую базу.

Пробу сил на этом направлении И. Н. Белобородов предпринял 29 января, когда в полночь один из его отрядов совершил набег на Уткинскую казенную пристань. Немногих жителей (около 30 чел.) пугачевцы заперли по домам. В руках повстанцев оказалась денежная казна, находившаяся на пристани для отправки в Екатеринбург. Вместо этого деньги попали на Шайтанский завод, где квартировал «полковник». Дававший позже показания по этому случаю управитель шихтмейстер В. Попов не исключал, что столь удачное нападение на пристань было результатом хорошего владения информацией:

...был перед тем (на пристани. — Д. Р.) дни за два или за день деревни Крыласовой житель Иван Крыласов, не он ли им сказал?

Другой отряд той же ночью 29 января побывал на Уткинском (С. Я. Яковлева) заводе. Захватив караул, многочисленная «злодейская партия» въехала на территорию завода, остановила доменную печь «необычным порядком» и угнала бывших там мастеровых на чувовскую пристань, «а оттоль из-под неволи ж и под Уткинской Демидова завод». «А к склонению той злодейской партии согласия, советов и для встречи оных никого не находилось», — заверяла заводская контора⁹⁶.

Таким образом, если осада Екатеринбургa могла затянуться и стоить больших усилий, то взятие заводов в междуречье Сылвы и Чусовой, как представлялось, не обещало быть сложным. За прикрытие этого направления непосредственно отвечало Гороблагодатское горное начальство. Временно возглавлявший его Василий Раздеришин, подобно Башмакову и Бибикову, мог рассчитывать только на поддержку населения. Как показывает переписка Гороблагодатского горного начальства с заводскими конторами, мобилизационным мероприятиям был посвящен весь январь и особенно опасный февраль 1774 г. 5 января горное начальство через Нижнетуринскую заводскую контору сделало распоряжения, направленные на усиление пограничных заводов своего ведомства. Так, унтер-шихтмейстеру Нюнину, управителю Илимской казенной пристани, следовало

... из находящихся как при той пристани, так и состоящих поблизости оной жителей, сплавщиков и учеников, также и протчих обывателей, выбрав ... способных к супротивлению с злодеями... сколько возможно будет, и с потребными для оного, у кого какие есть ружьями, коих ... отправить прямо к Сылвенскому заводу, и велеть явиться к вышеписанному... из Екатеринбургa афицеру.

Всем остальным заводским конторам следовало «наистрожайше ... чтоб при каждом заводе, пристане для должного в случае нападения

⁹⁶ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 133. Л. 71 об. — 72.

злодеев отпору, выбрано было из обывателей надлежащее число», по возможности вооруженное огнестрельным оружием. Особенно эти приказы касались Серебрянского завода, который, как и Сылвенский, был пограничным, ибо через него шла дорога на Кунгур, в районы, охваченные восстанием. На серебрянцев возлагались обязанность вести разведку на западном направлении и большие надежды на случай появления с той стороны повстанцев⁹⁷.

23 января, когда Белобородов уже владел Бисертским, Билимбаевским и Шайтанскими заводами, горное начальство через ту же Нижнетауринскую контору снова подтвердило всем заводским управителям «иметь крепкую предосторожность». Наученное, вероятно, опытом бисертских приказчиков (а, возможно, и событиями в Екатеринбурге) руководство Гороблагодатских заводов предупреждало, чтобы управители не только не смели покидать свои посты, «но и ни под каким видом пожитков своих с их домашними никуда в другие места» не отсылали, «дабы через то подчиненные к надлежащей обороне в сумнение и опасность приведены быть не смогли». Малодушным приказчикам и горным чинам за нарушение этого приказа грозили «по закону штрафы и взыскания», а рядовым, «кто такие ж соблазны подавать будет», публичное наказание плетьюми⁹⁸.

Приготовления северных заводов были не напрасны. В последних числах января Белобородов с главными силами подошел к Уткинскому демидовскому заводу. 1 февраля была предпринята первая атака. Началось одно из самых кровавых и решающих сражений на заводах. Будучи одним из ключевых укреплений на северном направлении, Уткинский демидовский завод, насчитывавший более тысячи мастеровых и рабочих, сумел подготовиться к встрече с пугачевцами. Хотя регулярная военная команда, присланная из Екатеринбурга, была ничтожна (шесть солдат во главе с сержантом Афанасием Курловым), стены заводской крепости защищали 15 орудий и еще 800 ополченцев из числа мастеровых и рабочих людей Невьянских, Сылвенского и Нижнетагильских заводов. Упорству защитников могла бы позавидовать любая армейская

⁹⁷ ГАСО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–4 об.

⁹⁸ Там же. Л. 14–14 об.

часть: атаки 1, 3 и 6 февраля были отбиты. Последний решающий штурм длился со второй половины дня 9 февраля до вечера 11-го! 10 февраля, после того, как по неосторожности или преднамеренно оказались открыты одни из заводских ворот, восставшие ворвались внутрь укреплений. Сержант Курлов был убит, но и «после умертвия сержантова происходило еще сражение стрельaniem из пушек и ружей с половины дня даже до полуночи», — писал очевидец и участник событий заводской приказчик И. Татаринов. И лишь к ночи 11 февраля защитники завода «пришли в утомление» и «начали ослабевать», а «бывшие с Невьянских и Нижнетагильских заводов казаки, также и двое бывшие сержантской команды солдаты... из завода выступили». Их примеру последовал и сам Татаринов «с некоторым числом людства»⁹⁹.

Многодневные бои за Уткинский завод вынудили И. Н. Белоборова ослабить натиск и взять паузу. С этого момента он разделил свои войска и рассредоточил их по уже обжитым местам — на Шайтанских и Ревдинском заводах. Но самый крупный из отрядов в 700 чел. он оставил на новоприобретенной демидовой Утке. Ближайшие события показали, что он не отказался от планов глубокого проникновения в пределы северных заводов. Используя новую базу, он совершил нападение на Сылвенский завод. Несмотря на то, что гороблагодатские власти предпринимали самые энергичные меры по укреплению этого важного поселения, события на Утке обескровили завод. В апреле 1774 г. дьячок Сылвенской Сретенской церкви сообщал:

... в здешном Сылвенском заводе по справке оказалось: Сылвенского завода мастеровые, годные в службу, до время сражения на поражение известных злодеев при Уткинском Демидова заводе были высланы на оной завод все без остатку...¹⁰⁰

Это свидетельство совпадает с более ранним, от 14 марта 1774 г., оставленным сылвенскими служителями В. Савиным и И. Ширяевым. Они не только сообщили об отправке всех годных заводчан на оборону

⁹⁹ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 133. Л. 69 об. — 70 об.

¹⁰⁰ Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 407. Л. 234.

Уткинского завода, но и уточнили их дальнейшую судьбу. После победы пугачевцев некоторым сылвенцам удалось уйти на Невьянские заводы, а около 60 чел. попали в плен к Белобородову. Из этих 60 чел. некоторые были казнены. Один из пленных, В. Пермяков, и уткинский житель А. Швецов привезли затем на Сылвенский завод «писменные угрожения» от Белобородова. Оставшимся сылвенцам, «не более как человек с 20», бывшим тогда на заводе, ничего не оставалось, как ответить письменным уверением в своей покорности. Среди подписавших ответ атаману был и конторщик И. Ширяев¹⁰¹. Дьячок С. Рычков в апрельском рапорте добавлял, что «из единого подобострастия» пугачевцев пришлось встречать «с животворящим крестом». Сам Белобородов на заводе не появлялся, но по его письменному указанию нескольких заводчан привели к присяге «чрез здешняго священника Гаврила Щетинина»¹⁰².

Потеря Уткинского демидовского, Сылвенского заводов и пристаней по среднему течению Чусовой грозила большими неприятностями для местных властей. Гороблагодатское начальство спешно пыталось выстроить глубоко эшелонированную оборону. 14 февраля начальство командировало на Нижнетагильские и Невьянские заводы артиллерии подпоручика Ф. Кузнецова, дав ему предписание проконтролировать действия заводских контор по соблюдению безопасности,

... для того, что Гороблагодатским заводам показанные ... заводы же с той стороны как есть защита. И если те заводы злодеями будут заняты, то и здешние заводы подвержены будут крайней опасности.

На Невьянскую и Нижнетагильскую главные заводские конторы возлагалась обязанность следить за передвижениями отряда, оставленного Белобородовым на демидовской Утке, особенно если он отправится на Верхнетагильский завод¹⁰³. 11–18 февраля шла переписка Нижнетуриной и Серебрянской заводских контор по вопросу укрепления Илимской пристани. С этой целью туда были команди-

¹⁰¹ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 133. Л. 70 об. — 71.

¹⁰² Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 407. Л. 234.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 671. Л. 21–21 об.

рованы восемь ясачных вогул д. Палкиной, вооруженных двумя турками, шестью винтовками и восемью луками¹⁰⁴. Конечно, эта помощь была слишком незначительной, и неизвестно, дошла ли она вообще до места назначения; 19 февраля 1774 г. пугачевцы с Сылвенского завода сделали набег на Илимскую пристань. Узнав об этом, Гороблагодатское начальство распорядилось остановить производство на казенном Нижнетуринском заводе. Одновременно для собственной защиты горное начальство потребовало выслать в его распоряжение большую часть мастеровых и работных людей вместе с управителем. Исполнение этого приказа стоило Нижнетуринскому заводу 39 чел., вооруженных семью ружьями и 32 копиями¹⁰⁵. Этот отряд, как и мобилизованные жители Верхнетуринского и Баранчинского завода и приписные крестьяне окрестных деревень, оказался на Кушвинском заводе, где с 27 февраля Гороблагодатское горное начальство распорядилось возвести деревянную крепость с батареями¹⁰⁶. По замыслу властей, Кушва должна была стать главной базой сопротивления на случай прорыва в эти края пугачевцев.

Из всего изложенного видно, что Белобородов не ошибся, выбрав своей целью прорыв на север. Его просчет оказался в другом. После занятия Уткинского демидовского и Сылвенского заводов он не смог оперативно развить преимущество, использовать инерцию наступления. Вероятно, «полковник» не ожидал и того, что захват демидовской Утки достанется ему столь дорогой ценой. Поэтому вместо того, чтобы сосредоточить все свои силы на гороблагодатском направлении или, напротив, попытаться взять Екатеринбург, он раздробил свои войска, желая одновременно осуществить оба плана. Это привело лишь к утрате позиционного и оперативно-тактического преимущества. Горным властям удалось выстоять, сохранить единую линию обороны и дождаться подхода регулярных войск. Несмотря на то, что в конце июня 1774 г. уходивший с Урала Пугачев вынудил М. И. Башмакова с его ополчением и «со всею артиллериею» отсту-

¹⁰⁴ ГАСО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 2. Л. 34–35.

¹⁰⁵ Там же. Л. 30–31, 36–37.

¹⁰⁶ Там же. Л. 40–41.

пить в Кунгур¹⁰⁷ и сжег Юговские заводы, это было уже неважно. Пугачевцы так и не смогли распространить свое влияние севернее Юговских казенных заводов — Екатеринбурга.

¹⁰⁷ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 25. Л. 38.

4.5. Социальные характеристики сторонников и противников Пугачева на уральских заводах

История Пугачевского восстания на горно-металлургических заводах Урала очевидно доказывает: и проигрыш правительственных сил в борьбе за южноуральские заводы, и стратегическая победа в борьбе за заводы Прикамья, Среднего и Северного Урала явились следствием того социального выбора, который в экстремальной ситуации гражданской войны сделали их жители.

Категория социального выбора, сформулированная и теоретически обоснованная в трудах неoinституционалистов и их последователей в 1950–1960-х гг., в первую очередь в сочинениях Дж. Бьюкенена и Г. Таллока («вирджинская школа»), оперирует в понятийном пространстве экономической науки и «новой политической экономии», изучая процессы и закономерности политических механизмов принятия макроэкономических решений, в том числе посредством процедур выборов в органы власти, манипулирования общественным мнением, политического лоббирования и т. п.¹⁰⁸ Проблема социального выбора исследуется также с позиций психологии, социологии, антропологии. Подходит ли данная категория для анализа исторических реалий XVIII в.? Полагаю, что ее использование продуктивно

¹⁰⁸ Нуреев Р. М. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. М., 1997. Т. 1. С. 447–482. (Сер. Нобелевские лауреаты по экономике).

и для интерпретации конкретно-исторических явлений, если рассматривать проблему социального выбора в более широких рамках социальной философии, исходя из общего представления о том, что «человек ... раз за разом сталкивается с проблемой реализации собственной самости и выбора путей ее воплощения в социальной реальности»¹⁰⁹. В этом отношении понятие социального выбора вполне коррелирует с другими, более привычными современному историку социологическими теориями, такими, например, как теория «интеракционных ритуалов» Р. Коллинза. Постулируя мысль о том, что «вся полнота социальной жизни — это общая совокупность ситуаций, в которых оказываются люди в своей повседневной жизни»¹¹⁰, Коллинз говорит о личном опыте участия индивида в различных ситуациях, который является опытом «движения по цепочке интеракций»¹¹¹, то есть взаимодействий с другими индивидами, формирующих коллективный опыт. Но что такое эти интеракции, как не череда ситуаций выбора, индивидуального и группового, коллективного, того выбора, который «устанавливает общественную кооперацию и обеспечивает солидарность, позволяет человеку осознанно включаться в социальную реальность»¹¹²? Понятая таким образом, категория социального выбора оказывается вполне пригодной и для исторического анализа.

Чем определялся этот выбор? Что побуждало население одних заводов активно поддерживать пугачевцев, а других — с не меньшей активностью и самоотверженностью сопротивляться им, вступая в отчаянные сражения со своими же собратьями? Какого рода взаимодействия породили то эмоциональное напряжение, о котором пишет Р. Коллинз, характеризуя его «высшей точкой коллективного опыта»¹¹³? Прежде всего становится очевидным, что это не те внеш-

¹⁰⁹ Голованов А. А. Проблемы социального выбора: философский аспект исследования : автореф. ... канд. филос. наук. М., 2010. С. 3.

¹¹⁰ Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1. С. 38.

¹¹¹ Коллинз Р. Указ. соч. С. 37.

¹¹² Голованов А. А. Указ. соч.

¹¹³ Коллинз Р. Указ. соч. С. 35.

ние сиюминутные факторы, на которых настаивали советские историки. В частности, невозможно согласиться с тем, что лояльность части заводчан была обеспечена наличием в местах их проживания значительных «карательных» отрядов. Выше было показано, что у местных властей ни на юге, ни на севере региона не было военных ресурсов, достаточных для того, чтобы запугать заводское население и принудить его не просто к лояльности, а к активному противоборству с повстанцами. Более того, пресловутые «карательные отряды», действовавшие в горнозаводской зоне осенью 1773 — зимой 1774 г., состояли именно из мобилизованных работных людей — в тех районах, где такие мобилизации удавались.

Во-вторых, несостоятелен аргумент о подкупе заводских работников с целью привлечения их на свою сторону. В этом смысле неверен сам термин «подкуп». Схема обороны завода была одинакова везде — остановка предприятия и переход на осадное положение *с сохранением выплат* мобилизованному рабочему контингенту: иного просто не могло быть. Людям, сменившим оплачиваемый труд на военное ремесло, в любом случае надо было чем-то кормить свои семьи. Если власть — официальная ли, повстанческая ли — переставала это делать, приверженность такой власти со стороны заводских резко шла на убыль. Более того, бесплатно служить или работать не собирались даже самые «идейные». Показательна в этом отношении история Воскресенского завода, оказавшегося под властью Пугачева. Как было показано выше, воскресенцы одни из первых радостно встретили повстанцев, перешли в подданство «Петру Федоровичу» и жестоко расправились с заводской администрацией. Вскоре по распоряжению их «царя» новоявленное руководство попыталось наладить на заводе производство оружия на нужды его армии. Пока оставалась возможность выплачивать работникам «из найма» жалованье «из уцелевших сумм» и хлебное довольствие из реквизированных «заводских магазинов», продукция, хотя и низкого качества и в недостаточных объемах, все-таки выпускалась. Когда же исчерпались средства, необходимые для оплаты производственных операций, процесс остановился: «вольнонаемные рабо-

чие, получив расчет, расходились по домам». Пугачевские лозунги не смогли компенсировать отсутствие денег¹¹⁴.

Нельзя принять в расчет и третий аргумент, выдвигавшийся советскими историками: часть заводского населения оказалась обманута демагогическими призывами официальных властей. Во-первых, этот аргумент не отвечает на вопрос о том, *почему* одни из рабочих поддались на эти призывы, а другие — нет? Отчего число «наивных» оказалось примерно равным числу «осведомленных»¹¹⁵? Во-вторых, он исходит из убеждения, что между пугачевской и правительственной пропагандой была какая-то качественная разница — «правдивые» призывы повстанцев против «демагогических»/ложных призывов властей. Однако, как представляется, и те, и другие оперировали, в общем-то, одними и теми же понятиями, обращенными к чувству долга и верности монарху, преломленному, говоря современным языком, через наивно-монархические представления простоародья. В этом смысле призывы остаться верными «матушке-императрице Екатерине Алексеевне» были ничуть не убедительнее, чем призывы к присяге «государю императору Петру Федоровичу», в реальности которого нисколько не сомневались его приверженцы.

Разумеется, свою роль в определении симпатий заводчан к той или иной из противоборствующих сторон могли играть какие-то конкретные ситуации: сведение личных счетов, реакция на случаи самодурства и жестокости со стороны администрации того или иного завода или, напротив, грабежи и убийства со стороны повстанцев. Так, например, весной-летом 1774 г., когда битва за Урал была проиграна Пугачевым и он повернул свои войска на Волгу, а погромы и сожжения заводов стали повсеместными, даже преданные «третьему императору» за-

¹¹⁴ Пруссак А. В. Заводы, работавшие на Пугачева // Ист. зап. 1940. Т. 8. С. 192, 195–196.

¹¹⁵ По моим подсчетам, количество заводов, население которых не поддержало Пугачева, достигало почти половины от всего числа существовавших ко времени восстания: не менее 60 из 129. К ним я склонен отнести не только те, которые оказались на непосредственном рубеже обороны, но и те, которые вынужденно сдались пугачевцам, отдав все силы и средства на защиту опорных правительственных пунктов, и те, которые, оставаясь за линией фронта, поставляли ресурсы на передний край.

водские обыватели кардинально поменяли свою позицию. Известно, что саткинцы в этот период стали содействовать правительственным войскам¹¹⁶; мастеровые Усть-Катавского и Уфалейского заводов пытались защитить свои жительства от бывших покровителей и требовали военной помощи от местных властей¹¹⁷; бежали в Кунгур остатки населения Иргинского и Суксунского заводов¹¹⁸ и т. д. Но все это отдельные случаи, которые не объясняют поведенческих трендов в горнозаводской среде в период битвы за Урал.

Вероятно, социальный выбор заводского населения осенью 1773 — зимой 1774 г. был обусловлен опытом каких-то более отдаленных от событий «интеракционных ритуалов», более глубокими причинами. Рассмотренная в формате «панорамного плана», ситуация в горнозаводских районах Урала показывает, что при определенной доле упрощения водораздел настроений заводских жителей лежал по условной линии «Юг — Север», когда южные заводы, расположенные в Уфимской и Исетской провинциях и отчасти на южной — юго-западной окраине Екатеринбургского ведомства становились базами пугачевцев, а северные заводы, находившиеся на большей части Екатеринбургского ведомства и Пермской провинции, становились опорными и ресурсными центрами правительственной обороны. Повторю еще раз: и в этой схеме, как во всякой другой, имеются изъяны и исключения. Что побуждало жителей «северного» Аннинского завода упорно и инициативно противостоять натиску сил горной администрации, находясь в очевидном меньшинстве и враждебном окружении? И что побуждало их собратьев с «южных» Сысертских заводов с не меньшим упорством и в таком же враждебном окружении держаться правительственного лагеря? Но в целом разлом по оси «Юг — Север» остается вполне очевидным.

Ответ на этот вопрос надо искать в различном качестве социальной среды заводов Юга и Севера. Выше уже отмечалось, что большинство северных заводов относилось к категории старых,

¹¹⁶ Пугачевщина. Т. 2. С. 400.

¹¹⁷ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 272.

¹¹⁸ ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 25. Л. 51–52.

основанных до 1750 г. Они отличались высоким удельным весом в составе населения квалифицированных мастеровых и работных людей, получавших достаточно высокие оклады жалованья и оплату по сдельным ставкам. На этих крупных предприятиях сложились развитая хозяйственная и бытовая инфраструктура, собственная торгово-ремесленная прослойка, обеспечивавшая внутри- и межзаводской товарооборот. Ремесла и промыслы, в которых была задействована часть заводских жителей, были тесно связаны с собственно заводским производством (местные торговцы сбывали, например, на внутренних рынках бытовую утварь, изготовленную на мануфактурах и отпущенную им на реализацию мелкооптовыми партиями; заводские кузнецы, обслуживавшие повседневные потребности земляков, работали — легально или нелегально — на заводском сырье; зажиточные заводские жители порой выступали даже кредиторами своих хозяев, ссужая их наличностью для выплат жалованья мастеровым, и т. п.)¹¹⁹. Разумеется, жизнь на этих заводах никогда не была идиллической, а конфликты с хозяевами и до пугачевского бунта могли принимать очень острый и масштабный характер. Ярчайший пример тому — волнения приписных крестьян и вечноотданных второй половины 1750-х — начала 1760-х гг.¹²⁰ Однако их итогом стало достижение определенного компромисса, сбалансированности

¹¹⁹ См., например: Черкасова А. С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в. // Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 23–29; Байдin В. И. Формирование буржуазии в среде государственных крестьян Среднего Урала во второй половине XVIII в. // Крестьянство Урала в период феодализма. Свердловск, 1988. С. 71–87; Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в.). Екатеринбург, 1995. 261 с.; Их же. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX в.). М., 2000. 262 с.; Редin Д. А. Крупные заводоладельцы и торгово-предпринимательская заводская прослойка на Урале во второй половине XVIII в. (аспекты взаимоотношений) // Урал. ист. вестн. 2005. № 10–11. С. 32–39.

¹²⁰ Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в.: (К вопросу о формировании пролетариата в России). М., 1979. 264 с.; Черкасова А. С. Мастеровые и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 201–232; История Урала. С. 346–355, 361–366.

интересов, которых удалось добиться в том числе ценой известных уступок со стороны наиболее дальновидных заводчиков, таких, например, как Н. А. Демидов или А. Ф. Турчанинов. Взамен лояльности они одни из первых стали не только повышать оплату труда, но создали целую систему институтов социальной поддержки на своих предприятиях. В результате старые заводы Севера превратились в устоявшуюся, сложно организованную, пронизанную сотнями повседневных формальных и неформальных интеракций целостную систему, в рамках которой социальное и имущественное расслоение не носило вопиющего характера.

Совсем иная социальная среда сложилась на молодых заводах Юга. Промышленное освоение и русская колонизация Южного Урала начались поздно, лишь со второй половины XVIII в.¹²¹, и проходили в очень нелегких условиях. К 1770-м гг. Южный Урал и Зауралье представляли из себя настоящие приграничные территории. Данные третьей ревизии фиксируют ничтожное количество русских крестьян, населявших Уфимскую провинцию, — 10 771 душ м. п.¹²² При этом в крае развернулось активное строительство горнозаводских мануфактур, что потребовало экстренного обеспечения производства рабочими кадрами. В связи с поздним освоением региона русскими у местных предпринимателей не оказалось в распоряжении того мощного слоя мастеров, слободских кузнецов и рудознатцев, которые были в распоряжении горнозаводчиков Среднего Урала и Прикамья. Комплектование рабочей силой на предприятиях Юга шло, таким образом, за счет покупки крепостных крестьян и вольного найма. На заводах И. Б. Твердышева и его компаньона И. С. Мясникова «основная масса крепостных состояла из лиц, купленных ... у помещиков в различных губерниях России»¹²³; крепостные работники Авзяно-Петровских заводов представляли собой бывших

¹²¹ Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII — первая половина XIX в. М., 1984. 175 с.

¹²² Там же. С. 37.

¹²³ Мартынов М. Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. С. 288.

вотчинных крестьян графа Шувалова¹²⁴. Переведенные на новые, плохо обжитые земли и получившие небольшие земельные участки, с которых было невозможно прокормить семью, эти крестьяне, вынужденные заниматься тяжелым и непривычным им заводским трудом, попадали в крайне сложное положение: заводская работа превращалась для них «в своеобразную барщину»¹²⁵. Высококвалифицированные мастеровые составляли в числе рабочих этих предприятий самую малую часть. Воскресенская главная заводская контора, в ведении которой состояло, кроме Воскресенского, еще семь заводов, в полугодовых ведомостях, подаваемых в Оренбургское горное начальство, постоянно подчеркивала низкую квалификацию своих рабочих, которые

... имеются ис покупных крестьян, да и грамоте неумеющие люди, и в горных школах и нигде при других горных делах обучаемы не бывали, и в присылке казенного мастера для обучения их ниоткуда не бывало, а научились они горному делу по необходимой нужде самоучкою...

Даже горные мастера, обслуживавшие рудники, по сведениям конторы, «склонения румбов и компаса и никаких других горных измерений и терминов... не знают, и писменного журнала по горному обыкновению вести не умеют», а способны лишь к минимальному: «... как руду найти, по руде идти и как ее добывать и разрабатывать»¹²⁶. В начале 1760-х гг. на Воскресенском заводе работали лишь 123 мастеровых при общем числе крепостных в 3 020 душ об. п.¹²⁷.

На Кано-Никольском заводе И. и Г. Мосоловых с 1762 по 1765 г. общее количество рабочих выросло с 210 до 393 чел., а число мастеровых осталось неизменным — 20 чел., причем все эти мастера

¹²⁴ Пруссак А. В. Заводы, работавшие на Пугачева. С. 190–191.

¹²⁵ Мартынов М. Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. С. 289.

¹²⁶ ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 75. Л. 57–57 об.; Д. 123. Л. 181 об., 375 об. — 376; Д. 141. Л. 124.

¹²⁷ Мартынов М. Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. С. 289.

были самоучками, «ис церковников и других, обучившихся разным мастерствам»¹²⁸. Похожая картина наблюдалась и на южных заводах И. П. Осокина — Троицком и Усень-Ивановском¹²⁹. Даже Авзяно-Петровские заводы, с 1762 г. находившиеся во владении Е. Н. Демидова и бывшие по сравнению с другими мануфактурами Юга в относительно благополучном положении с точки зрения укомплектованности кадрами, также испытывали затруднения с квалифицированными работниками. Из 1 920 чел. только 301 находился «в разных мастерствах» (данные 1762 г.); к концу 1763 г. эта цифра выросла до 469 чел. благодаря тому, что большую часть этих мастеровых (230 и 340 чел. соответственно) составляли переведенные на Авзяны со старых уральских заводов с примечательной пометой: «за преждеучиненную противность вместо ссылки». В целом же, по подсчетам П. А. Вагиной, на всех заводах Южного Урала к началу 1760-х гг. трудились 30 тыс. чел., из которых только 2 236 являлись кадровыми мастерами, подмастерьями, учениками и работниками¹³⁰. В то же время только на Нижнетагильских заводах А. Н. Демидова уже в конце 1740-х гг. из 6 416 заводских жителей 2 108 составляли профессиональные работники¹³¹.

Но владельцы южноуральских предприятий испытывали недостаток не только в квалифицированной, но вообще в рабочей силе. От этого страдали даже такие крупные заводчики, как Твердышев с Мясниковым и Е. Демидов. Характеризуя состояние дел на восьми твердышевских заводах, Воскресенская главная заводская контора сообщала 10 июля 1763 г.: «... за неимением при тех заводах приписных крестьян и самонужнейшие заводские и горные работы исправляются с великою нуждою». На недобор комплекта по положенной норме постоянно указывала Авзяно-Петровская контора: в июле 1763 г. эта нехватка составляла 699 чел.; к концу года за счет перевода крестьян

¹²⁸ ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 75. Л. 57–57 об.; Д. 123. Л. 181 об., 375 об. — 376; Д. 141. Л. 124.

¹²⁹ Там же. Д. 75. Л. 19 об., 152; Д. 123. Л. 343 об.; Д. 141. Л. 206–206 об.

¹³⁰ Вагина П. А. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50–60-е гг. XVIII в. // Ист. зап. 1954. Т. 47. С. 326.

¹³¹ Черкасова А. С. Мастерские и рабочие люди Урала... С. 326.

с демидовских Дугненского и Людиновского заводов из-под Калуги недостающее число сократилось до 351 чел.¹³²

Недостаток рабочих рук пытались компенсировать наймом. По данным А. А. Кондрашенкова, к третьей ревизии доля вольнонаемных на Воскресенском заводе составляла 45 %¹³³. А. И. Андрущенко указывал на то, что, по данным той же ревизии, до половины наемных работников составляли контингенты Кано-Никольского завода И. Мосолова и Троицкого и Усень-Ивановского заводов И. Осокина¹³⁴. По текущей отчетности заводских контор можно найти и более внушительные масштабы найма. Покровская (графы А. И. Шувалова) заводская контора рапортовала, что «содержится оной... завод волнонаемными мастерскими и работными людьми», набираемыми за 700–900 верст в Казанском, Хлыновском и других уездах Вятки и Поволжья¹³⁵. С невероятными трудностями строился Илдянский завод, поскольку его хозяин Г. Красильников почти целиком зависел от наемных работников¹³⁶. Обходился исключительно наймом, согласно полугодовым ведомостям, Курганский завод графа С. П. Ягужинского, полностью пущенный к лету 1764 г.¹³⁷ На Благовещенском заводе М. Мясникова извозом руды занимались исключительно вольнонаемные. На самом северном из заводов, подчиненных Оренбургскому горному начальству — Златоустовском, в 1763–1765 гг. числилось только от 250 до 300 чел. собственных работников, «в том числе престарелые и малолетные». Это были крестьяне, купленные некогда у разных помещиков и доставшиеся хозяину Златоуста М. Мосолову после раздела имущества. Остальных приходилось нанимать «за излишнюю... немалую плату», да и тех было очень трудно «в работу отыскать», «понеже тот... завод

¹³² ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 123. Л. 181 об., 216 об. — 217, 316.

¹³³ Кондрашенков А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962. С. 22.

¹³⁴ Андрущенко А. И. Указ. соч. С. 328.

¹³⁵ ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 75. Л. 62; Д. 123. Л. 84; Д. 160. Л. 258.

¹³⁶ Там же. Д. 123. Л. 150 об.; Д. 141. Л. 21 об.

¹³⁷ Там же. Д. 123. Л. 303.

построен... внутрь Башкирии в самом глухом месте и от российских жителей весьма во отдалении»¹³⁸.

Значительный удельный вес вольнонаемных рабочих, свидетельствовавший, по мнению советских историков, о высоком уровне буржуазных отношений, на самом деле был безрадостной необходимостью, приносившей множество проблем. Во-первых, местный рынок труда был крайне ограниченным, и людей приходилось нанимать из отдаленных районов Вятки и Поволжья. Во-вторых, испытывая нужду в кадрах, заводчики массово нанимали представителей нерусских народов. Оба источника найма оказывались крайне ненадежными: дефицит трудовых ресурсов диктовал высокие цены найма, а нанятые работники, особенно из числа местных, нередко, получив задаток, бросали работу и разбегались, что приводило к постоянным простоям производства¹³⁹.

Таким образом, по сравнению со старыми заводами Севера, предприятия Юга были укомплектованы разношерстным и мало профессиональным рабочим контингентом. Рудные богатства края, их относительная доступность, меньшая потребность медеплавильного производства в квалифицированных рабочих по сравнению с черной металлургией¹⁴⁰ (а медеплавильные заводы отчетливо преобладали на Юге), определили экстенсивный путь развития южноуральской мануфактуры, что неизбежно вело к усилению эксплуатации. Низкая оплата труда, обусловленная низкой квалификацией рабочих, подвергалась регулярным сокращениям. Система обеспечения заводских предметов быта и продовольствием через заводские лавки строилась таким образом, что «по чему бы то в продаже не было, оные работные, за непозволением

¹³⁸ ГАСО. Ф. 115. Оп. 1. Д. 123. Л. 286 об.; Д. 141. Л. 242 об. — 243.

¹³⁹ Там же. Д. 123. Л. 53, 84; Д. 141. Л. 18 об., 66 об., 160 об., 180, 187, 242 об. — 243, 437, 454, 458.

¹⁴⁰ О меньшей потребности медеплавильного производства того времени в квалифицированных рабочих можно судить по заводскому штату 1773 г.: при четырех медеплавильных печах требовались лишь один мастер и 16 работников, тогда как только при одной домне предполагалось содержать одного мастера, двух подмастерьев, двух учеников и 12 работников. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 231. Л. 190–190 об.

в других местах покупать, принуждены вдвое или втрое платить или в щет вносить»¹⁴¹. На заработную плату вольнонаемных посягали представители заводской администрации:

...определенные прикащики ис той договорной суммы наглостью своюю почти по половине удерживали, а иногда и вовсе не платили, принуждая в книгах расписыватца в полной сумме¹⁴².

Не это ли побуждало вольных работников бежать с заводов, не отработав аванса?

Все сказанное ясно свидетельствует о том, что на южных заводах к началу Пугачевского восстания сложилась совершенно иная социальная среда. Подавляющее большинство их рабочих — вчерашние крестьяне аграрных районов России, оторванные от привычного уклада жизни и условий труда, малоимущие, испытывавшие жестокую эксплуатацию и воспринимавшие завод как враждебное, непригодное для нормального проживания место. По большому счету, их только условно можно было называть рабочими. Не случайно в документации заводских контор Юга эти контингенты часто именуются не «мастеровыми и работными людьми», а «заводскими крестьянами», «крестьянами и непомнящими родства», «работными людьми». Делопроизводство заводов Севера никогда не смешивало эти понятия с понятием «мастеровые и работные». Стоит ли удивляться, что их жизненный опыт позволил им без колебаний сделать свой выбор при первом появлении отрядов «Петра Федоровича».

В то же время потомственные мастеровые и работные люди заводов Севера были настоящими заводскими рабочими. Советская историография напрасно упрекала их в отсутствии «классового единства и рабочей идеологии». И то, и другое у них вполне присутствовало, только, конечно, не в том пролетарско-большевистском смысле, который хотели найти историки-марксисты. Умея решать свои проблемы и отстаивать свои коллективные интересы, так сказать, *внутри завод-*

¹⁴¹ Пугачевщина. Т. 2. С. 29.

¹⁴² Там же.

ского пространства, они очень точно уловили угрозу, исходившую от «императора» крестьян, казаков и инородцев, и сделали свой выбор в пользу защиты предпочтительного уклада жизни. Парадоксально, но на этот выбор не влиял формально-юридический статус заводчан: на обороне Сысертских и Юговских заводов, на защите Екатеринбурга, на башнях и валах Уткинского завода стояли вместе крепостные, казенные и вечноотданные — видимо, их объединяло другое. И в этом смысле вполне справедливо звучат слова немецкой исследовательницы Доротеи Петерс, написанные ею в уже далеком 1973 г.: «Пугачев не нашел специфических лозунгов для уральских рабочих»¹⁴³.

¹⁴³ Peters D. Politische und Gesellschaftliche Vorstellungen in der Hufstandsbewegung unter Pugacev (1773–1775). Wiesbaden, 1973. S. 98.

Список использованных источников и литературы

Источники

ГАСО. Ф. 6 (Екатеринбургская духовная консистория). Оп. 2. Д. 407; Ф. 9 (Билимбаевский горный округ графа С.А. Строганова). Оп. 1. Д. 3; Ф. 24 (Уральское горное правление). Оп. 1. Д. 5^а, 17, 19, 21^б, 24, 707, 2300, 2301; Оп. 2. Д. 24, 267; Оп. 12. Д. 193, 194; Ф. 42 (Каменская земская контора). Оп. 1. Д. 9; Ф. 65 (Главная контора Сысертских заводов). Оп. 1. Д. 4; Ф. 102 (Демидовы). Оп. 1. Д. 25; Ф. 115 (Оренбургское горное начальство). Оп. 1. Д. 75, 123, 141, 160, 289; Ф. 129 (Чупин Н.К.). Оп. 1. Д. 132, 133, 134; Ф. 160 (Управление заводами Гороблагодатского горного округа). Оп. 1. Д. 2.

ГАПК. Ф. 170 (Юговская заводская контора). Оп. 1 Д. 81.

ГАТО. Ф. И-47 (Тюменская воеводская канцелярия). Оп. 1. Д. 439, 1093, 1986, 2122, 3396, 4913; Ф. И-166 (Тюменский полковой штабной двор). Оп. 1. Д. 2, 5, 6; Ф. И-181 (Тюменская канцелярия судебных дел). Оп. 1. Д. 2, 16, 46.

НИА СПБ ИИ РАН. Ф. 187 (Тюменская приказная изба). Оп. 2. Д. 130, 139, 143.

ОР РНБ. ОСРК (Основное собрание рукописной книги). Ед. хр. F.IV.76; Эрм. собр. (Эрмитажное собрание). Ед. хр. 321, 358.

РГАДА. Ф. 6 (Разряд VI Госархива Российской империи. Уголовные дела по государственным преступлениям). Оп. 1. Д. 517; Ф. 9 (Разряд IX Госархива Российской империи. Кабинет Петра Великого и его продолжение), отд. 2. Кн. 94; Ф. 16 (Разряд XVI Госархива Российской империи. Внутрен-

нее управление). Оп. 1. Д. 8, 179; Ф. 24 Разряд XXIV Госархива Российской империи. Сибирский приказ и управление Сибирью). Оп. 1. Д. 25; Ф. 26 (Разряд XXVI Госархива Российской империи. Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I). Оп. 1, ч. 1. Д. 1/1, 7; Ф. 198 (Меншиков А. Д.). Оп. 1. Д. 5, 53, 54, 76; Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 5. Д. 2074, 2087, 2251, 2640; Ф. 248 (Сенат и его учреждения). Кн. 17, 19, 37, 46, 154, 274, 641, 700, 1284, 1945, 1947, 1948; Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 3. Д. 127; Ф. 423 (Владимирская провинциальная канцелярия). Оп. 2. Д. 136; Ф. 425 (Вятская провинциальная канцелярия). Оп. 1. Д. 8; Ф. 973 (Слободская приказная изба, ландратская канцелярия и земский комиссар). Оп. 1. Д. 2, 5; Ф. 987 (Суздальский полковой двор, канцелярия рекрутских дел и штаб офицер у сбора подушных денег и набора рекрут). Оп. 1. Д. 2; Ф. 1042 (Орловский полковой двор и канцелярия штаб-офицера у подушного сбора и набора рекрут). Оп. 1. Д. 212; Ф. 1113 (Вятская приказная изба). Оп. 1. Д. 28; Ф. 1267 (Демидовы-заводовладельцы). Оп. 1. Д. 231, 671; Ф. 1274 (Панины — Блудовы). Оп. 1. Д. 171.

РГВИА. Ф. 2 (Канцелярия военной коллегии). Оп. 7. Д. 11; Ф. 2583 (Гвардии Преображенский полк). Оп. 1. Кн. 24.

Акты Угличской провинциальной канцелярии (1719–1726 гг.) : в 2 т. М., 1908. Т. 1. С. 62–63.

Вторая Камчатская экспедиция : Документы 1730–1733 : в 2 ч. М., 2001. Ч. 1. Морские отряды / отв. ред. В. Хинтцше. Док. № 42.

Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I / сост., вступ. ст., коммент. М. О. Акишина. Екатеринбург, 1992. Док. № 17, 33, 34.

ДАИ. 1851. Т. 4. Док. № 47.

Документы ставки Е. И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений / под ред. Р. В. Овчинникова. М., 1975. С. 115, 125.

Емельян Пугачев на следствии : сб. документов и материалов / отв. ред. чл.- корр. РАН В. И. Буганов. М., 1997. С. 83.

Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И. Н. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г. / публ. Р. В. Овчинникова // Южно-уральский археографический сборник. Уфа, 1973. Вып. 1. С. 299–328.

Идес И. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695) / И. Идес, А. Брант. М., 1967. 404 с.

Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии : сб. документов. Уфа, 1975. С. 136–137, 176, 375–376, 384–385, 387.

Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве / И. Т. Посошков // Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / ред. и коммент. Б. Б. Кафенгауза. М., 1951. 409 с.

ПСЗ. Т. 4. № 1928, 2097, 2135, 2194, 2313, 2319, 2321, 2339, 2493; Т. 5. № 2871, 3244, 3245, 3294, 3295, 3296, 3470; Т. 6. № 3492, 3515, 3687, 3707; Т. 7. № 4503, 4533, 4534, 4535, 4542, 4543, 4611, 4654, 4826, 4897, 5010, 5017, 5033, 5051; Т. 8. № 5506, 5221; Т. 9. № 6872.

Пугачевщина : сб. док. по истории Крестьянской войны 1773–1775 гг. / под ред. М. Н. Покровского : в 3 т. М. ; Л., 1929. Т. 2. С. 29, 202–203, 268–270, 400, 430–432.

Радищев А. Н. Записки путешествия в Сибирь / А. Н. Радищев // Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. М. ; Л., 1952. Т. 3. 676 с.

РИБ. 1884. Т. 8. Стб. 410–412.

Сб. РИО. Т. 11. С. 355–356, 357; Т. 55. С. 189–190, 304–305; Т. 63. С. 291; Т. 69. С. 14–17; Т. 104. № 3.

Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / подг. А. Х. Элртом. (История Сибири. Первоисточники. Вып. 6). Новосибирск, 1996. 310 с.

Татищев В. Н. Духовная // Татищев В. Н. Избр. произв. / отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1979. 464 с.

Исследования

Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII века: структура и состав государственного аппарата / М. О. Акишин. М. ; Новосибирск, 2003. 391 с.

Акишин М. О. Фискальный гнет Петровской эпохи и сибирское крестьянство (к вопросу о достоверности переписей конца XVII — начала XVIII в.) / М. О. Акишин, А. Т. Шашков // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 96–111.

Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. М., 1969. 240 с.

Алексащенко Н. А. История Урала с древнейших времен до середины XIX в. : учеб. пособие / Н. А. Алексащенко, А. Т. Шашков, Д. А. Редин, Д. В. Бугров. Екатеринбург, 2002. 260 с.

Алимпиев С. А. Эволюция уголовно-правовой нормы о получении взятки по законодательству России в дореволюционный период (IX–XIX вв.) / С. А. Алимпиев // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. 2006. № 13 (68). Сер. Право. Вып. 8, т. 1. С. 21–26.

Ананьев Д. А. Воеводское управление Сибири в XVIII в. / Д. А. Ананьев. Новосибирск, 2005. 264 с.

Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири / А. И. Андрущенко. М., 1969. 360 с.

Анисимов Е. В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. 331 с.

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I : Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. / Е. В. Анисимов. Л., 1982. 296 с.

Антилогов Г. Н. Губернские комиссары при Петре I: 1711–1718 гг. / Г. Н. Антилогов // Доклады и сообщения истфака МГУ. 1948. Вып. 8. С. 33–38.

Анучин Д. Г. Первые успехи Пугачева и экспедиция Кара / Д. Г. Анучин // Военный сборник. 1869. № 5. С. 5–40.

Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века : Комиссии петровского времени / М. В. Бабич. М., 2003. 480 с.

Бабич М. В. Полковой двор / М. В. Бабич // Государственность России (конец XV в. — февраль 1917 г.) : словарь-справ. : в 6 кн. Кн. 3 (Л–П). М., 2001. С. 329–330.

Байдин В. И. Формирование буржуазии в среде государственных крестьян Среднего Урала во второй половине XVIII в. / В. И. Байдин // Крестьянство Урала в период феодализма. Свердловск, 1988. С. 71–87.

Бахрушин С. В. Научные труды : в 4 т. / С. В. Бахрушин. М., 1955. Т. 3, ч. 1. 376 с.

Березово (Очерки истории с древности до наших дней) / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008. 471 с., ил.

Беспалов А. В. Северная война. Карл XII и шведская армия : Путь от Копенгагена до Переволочной / А. В. Беспалов. 1700–1709. М., 1998. 56 с.

Блинов И. Губернаторы : ист.-юридич. очерк / И. Блинов. СПб., 1905. 366 с.

Бобровский П. О. Военное право в России при Петре Великом : в 2 т. / П. О. Бобровский. СПб., 1886. Т. 2, вып. 2. 808 с.

Богословский М. [М.] Областная реформа Петра Великого : Провинция 1719–27 гг. / М. [М.] Богословский. М., 1902. 582 с.

Бродель Ф. Время мира : Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. М., 1992. Т. 3. 679 с.

Буганов В. И. Пугачев / В. И. Буганов. М., 1984. 383 с.

Вагина П. А. Формирование рабочих кадров на заводах Южного Урала в 50–60-е гг. XVIII в. / П. А. Вагина // Ист. зап. 1954. Т. 47. С. 308–326.

Вершинин Е. В. Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) / Е. В. Вершинин // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2000. С. 87–131.

Вершинин Е. В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII в. / Е. В. Вершинин. Екатеринбург, 2018. 504 с., ил.

Вигилёв А. Н. История отечественной почты : в 2 ч. / А. Н. Вигилёв. М., 1979. Ч. 2. 160 с., ил.

Военная энциклопедия : в 18 т. Пг., 1915. Т. 18. Полковое управление. С. 545–547.

Волков Л. В. Социальные представления участников восстания Е. И. Пугачева / Л. В. Волков // Вопр. истории. 2006. № 12. С. 107–115.

Гаврилов В. В. Борьба с коррупцией в России при Петре I и Екатерине II / В. В. Гаврилов // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2011. Т. 24 (63). № 2. С. 36–41.

Голикова Н. Б. Восстание крестьян ишимских слобод в 1714 г. (из истории классовой борьбы сибирского крестьянства) / Н. Б. Голикова // Вестн. МГУ. 1963. Сер. 8, История. № 3. С. 58–64.

Голикова С. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII — первая половина XIX в.) / С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. М., 2000. 262 с.

Голикова С. В. Интеграция аграрного окружения в заводское производство (Урал и Западная Сибирь XVIII — первой половины XIX в.) / С. В. Голикова, Н. А. Миненко, И. В. Побережников. Екатеринбург, 1995. 261 с.

Голикова Н. Б. Система государственного управления // Очерки русской культуры XVIII в. : в 4 ч. / Н. Б. Голикова, Л. Г. Кислягина. М., 1987. Ч. 2. С. 44–108.

Голованов А. А. Проблемы социального выбора: философский аспект исследования : автореф. ... канд. филос. наук / А. А. Голованов. М., 2010. 24 с.

Гольденберг Л. А. Семён Ульянович Ремезов / Л. А. Гольденберг. М., 1965. 266 с.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II : в 2 т. / Ю. В. Готье. М., 1913. Т. 1. Реформа 1727 года. : Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. 472 с.

Демидова Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясникова. М., 1966. 230 с.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма / Н. Ф. Демидова. М., 1987. 225 с.

Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. 336 с., ил.

Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники. Эпизод из истории царствования императрицы Екатерины II. 1773–1774 гг. : (По неизданным источникам) : в 3 т. / Н. Ф. Дубровин. СПб., 1884. Т. 2. 429 с.

Дубровский С. Крестьянские войны в России. XVII–XVIII вв. / С. Дубровский // Крестьянский интернационал. 1925.

Енин Г. П. «А велено нас от гдовских воевод оберегать» : Из истории воеводского кормления в XVII в. / Г. П. Енин // Ист. архив. 1997. № 1. С. 195–198.

Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населения уезда органа государственной власти) / Г. П. Енин. СПб., 2000. 352 с.

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. 3-е изд. М., 1983. 352 с.

Жуковская А. В. Перемены в фискальном статусе дьяков и подьячих в царствование Петра I и их социальные последствия / А. В. Жуковская // Cahiers du Monde russe. 2014. № 55/1–2. С. 31–49.

Загоскин Н. П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России / Н. П. Загоскин. Казань, 1909. XIV, 464, 27 с.

Задер Р. Что такое социальная история? Разрывы и преемственность в освоении «социального» // THESIS. 1993. Вып. 1. С. 163–181.

Зубков К. И. Камерализм как модель взаимодействия государства и общества: новое прочтение / К. И. Зубков // Урал. ист. вестн. 2013. № 3 (40). С. 20–29.

История Европы : в 8 т. / отв. ред. А. Т. Мильская, В. И. Рутенбург. М., 1993. Т. 3. От Средневековья к Новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). 656 с.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 1989. 608 с., ил.

Казарян П. А. Первый тракт на Северо-Востоке России / П. А. Казарян // Наука и техника в Якутии. 2006. № 2 (11). С. 50–57.

Каманин Л. Г. Первые исследователи Дальнего Востока / Л. Г. Каманин. М., 1946. 84 с.

Карпеев И. В. Генерал-пленипотенциар / И. В. Карпеев // Государственность России : словарь-справ. : в 6 кн. Кн. 5, ч. 1 (А–Л). М., 2005. 501 с.

Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. / А. А. Кизеветтер. М., 1903. VI, 810 с.

Ключевский В. О. Русская история : Полный курс лекций : в 2 кн. / В. О. Ключевский. Минск; М., 2000. Кн. 2. 1056 с.

Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции / Р. Коллинз // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 1. С. 27–39.

Комолов Н. А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы / Н. А. Комолов. Ростов н/Д, 2009. 257 с., ил.

Кондрашенков А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. / А. А. Кондрашенков. Курган, 1962. 176 с.

Коротков Ю. Н. Губерния / Ю. Н. Коротков // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года : энциклопедия : в 5 т. М., 1994. Т. 1. 688 с., ил.

Крестьянская война в России 1773–1775 гг.: Восстание Пугачева : в 3 т. / под ред. В. В. Мавродина. Л., 1961–1970. Т. 1. 588 с. Т. 2. 512 с. Т. 3. 488 с.

Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края / В. А. Кузнецов. Самара ; Челябинск, 2008. 478 с.

Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований / А. С. Лаппо-Данилевский. СПб., 1890. 560 с.

Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи) : Очерки по истории географических знаний / Д. М. Лебедев. Л., 1949. 243 с.

Лебедев Д. М. Русские географические открытия и исследования до 1917 г. / Д. М. Лебедев, В. А. Есаков. М., 1971. 516 с., ил.

Лимонов Ю. А. «Роспись» первого общего чертежа Сибири (опыт датировки) / Ю. А. Лимонов // Проблемы источниковедения. М., 1959. Т. 8. С. 343–360.

Мартынов М. Н. Саткинский завод во время восстания Емельяна Пугачева / М. Н. Мартынов // Ист. зап. 1956. Т. 58. С. 208–245.

Мартынов М. Н. Воскресенский завод в Крестьянской войне 1773–1775 гг. / М. Н. Мартынов // Ист. зап. 1967. Т. 80. С. 287–304.

Мауль В. Я. Ритуальный символизм повстанческой казни в России (По материалам пугачевского восстания) / В. Я. Мауль // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2003. № 276. С. 53–62.

Мауль В. Я. Архетипы русского бунта XVIII столетия / В. Я. Мауль // Русский бунт : сб. ист.-лит. произв. М., 2007. С. 255–432.

Мауль В. Я. Протоколы допросов пугачевцев как биографический источник (новые исследовательские стратегии) / В. Я. Мауль // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии : материалы XXIV междунар. науч. конф. М., 2012. С. 394–397.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и Реформа Петра Великого. 2-е изд. / П. Н. Милюков. СПб., 1905. 696 с.

Мрочек-Дроздовский П. Н. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года : Историко-юридическое исследование / П. Н. Мрочек-Дроздовский. М., 1876. Ч. 1. Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719 гг.). 350 с.

Никитин Н. И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия» / Н. И. Никитин // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2000. С. 51–87.

Никитин Н. И. Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор) / Н. И. Никитин. М., 2010. 223 с.

Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин / Г.-Г. Нольте // Вопр. истории. 1994. № 11. С. 31–38.

Нуреев Р. М. Джеймс Бьюкенен и теория общественного выбора / Р. М. Нуреев // Бьюкенен Дж. М. Сочинения. М., 1997. Сер. Нобелевские лауреаты по экономике. Т. 1. С. 447–482.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XVI — начале XVII в. / В. А. Оборин. Иркутск, 1990. 169 с.

Овчинникова Б. Б. Взаимоотношения Новгорода с Югрой (XI–XV вв.) / Б. Б. Овчинникова // Проблемы истории России. Вып. 7. Источник и его интерпретации / отв. ред. А. Т. Шашков. Екатеринбург, 2009. С. 13–31.

Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII в.: (К вопросу о формировании пролетариата в России) / А. С. Орлов. М., 1979. 264 с.

Охотина-Линд Н. «Я и мой Беринг...» (частные письма Витуса Беринга и его семьи из Охотска в феврале 1740 г.) / Н. Охотина-Линд // Россия в XVIII столетии / отв. ред. Е. Е. Рычаловский. М., 2004. Вып. 2. С. 177–220.

Очерки истории Югры / отв. ред. Д. А. Редин, Н. Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000. 408 с., ил.

Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого: опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты / Н. П. Павлов-Сильванский. СПб., 1897. Ч. 1. 237 с.

Петровский Т. О Сенате в царствование Петра Великого / Т. Петровский. М., 1875. VIII, 349 с.

Писарькова Л. Ф. К истории взяток в России : (По материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) / Л. Ф. Писарькова // Отеч. история. 2002. № 5. С. 33–49.

Полевой Б. П. Курбат Иванов — первый картограф Лены, Байкала и Охотского побережья (1640–1645 гг.) / Б. П. Полевой // Изв. ВГО. Т. 92. 1960. Вып. 1. С. 46–52.

Полевой Б. П. Гипотеза о «Годуновском» атласе Сибири 1667 г. / Б. П. Полевой // Изв. АН СССР. Сер. География. 1966. № 4. С. 123–132.

Презентальные деньги 1716 года. Сообщ. архимандрит Леонид [Кавелин] // Рус. старина. 1874. Т. 9. № 1. С. 191.

Пруссак А. В. Заводы, работавшие на Пугачева / А. В. Пруссак // Ист. зап. 1940. Т. 8. С. 174–207.

Раев М. Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме / М. Раев // Американская русистика : Вехи историографии последних лет. Императорский период : антология / сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 48–79.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.) / Д. А. Редин. Екатеринбург, 2007. 608 с.

Редин Д. А. Должностная преступность в петровской России: отношение современников / Д. А. Редин // Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время) : сб. ст. памяти акад. Л. В. Черепнина / отв. ред. акад. В. Л. Янин, В. Д. Назаров. М., 2010. С. 837–846.

Редин Д. А. Крупные заводоладельцы и торгово-предпринимательская заводская прослойка на Урале во второй половине XVIII в. (аспекты взаимоотношений) / Д. А. Редин // Урал. ист. вестн. 2005. № 10–11. С. 32–39.

Редин Д. А. «Ментальное государство» Петра Великого и культура управления в петровской России / Д. А. Редин // Памятники российского права / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова : в 35 т. М., 2014. Т. 4. Памятники права в период единодержавия Петра I. С. 80–90.

Редин Д. А. Полковые дистрикты в системе местного государственного управления России первой трети XVIII века : (На примере Сибирской губернии) / Д. А. Редин // Проблемы социальной и политической истории России / под. ред. Р. Г. Пихои. М., 2009. С. 161–172.

Редин Д. А. Ревизия И. С. Арсеньева: к вопросу об эволюции чрезвычайных институтов петровского времени / Д. А. Редин // Проблемы истории России. Вып. 7. Источник и его интерпретации. Екатеринбург, 2008. С. 139–152.

Русские арктические экспедиции XVII–XX вв. : Вопросы истории изучения и освоения Арктики. Л., 1964. 232 с.

Русские мореплаватели. М., 1953. 671 с.

Савич А. А. Очерки истории крестьянских волнений на Урале в XVIII–XIX вв. / А. А. Савич. М., 1931. 177 с.

Седов П. В. Подношения в московских приказах XVII в. / П. В. Седов // Отеч. история. 1996. № 1. С. 139–150.

Семёнов О. В. Система ямской гоньбы в Сибири в конце XVI–XVII в.: качество функционирования / О. В. Семёнов // Россия и мир: панорама исторического развития / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2008. С. 534–539.

Серов Д. О. Администрация Петра I / Д. О. Серов. М., 2007. 288 с.

Серов Д. О. Забытое учреждение Петра I : Вышний суд (1723–1726) // Российское самодержавие и бюрократия / Д. О. Серов. М. ; Новосибирск, 2000. С. 219–237.

Серов Д. О. Понудители : (Из истории чрезвычайного контроля в России первой четверти XVIII в.) / Д. О. Серов // «Мы были!»: Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха : материалы всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.) : в 2 ч. СПб., 2004. Ч. 2. С. 74–76.

Серов Д. О. Следователи Петра Великого / Д. О. Серов, А. В. Федоров. М., 2018. 348 с., ил.

Серов Д. О. Строители империи : Очерки государственной и криминальной деятельности сподвижников Петра I / Д. О. Серов. Новосибирск, 1996. 263 с.

Серов Д. О. Юстиц-коллегия и органы надзора // Российская Юстиц-коллегия (1718–1786): Историко-правовые очерки / Д. О. Серов. М., 2003. С. 91–111.

Серов Д. О. Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в. : дис. ... докт. ист. наук / Д. О. Серов. Екатеринбург, 2010. 443 с.

Смирнов Ю. Н. Современные подходы к истории восстания 1773–1775 гг. / Ю. Н. Смирнов // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2007. № 5/3. С. 158–166.

Современный словарь иностранных слов. М., 1992. 740 с.

Тарасов Ю. М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII — первая половина XIX в. / Ю. М. Тарасов. М., 1984. 175 с.

Тоёкава К. Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачева 1773–1774 гг. / К. Тоёкава. М., 1996. 248 с.

Федунов В. В. Взятка как вид должностных преступлений в законодательстве России XV–XVIII вв. / В. В. Федунов // Уч. зап. Таврич. нац. ун-та им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2011. Т. 24 (63). № 2. С. 89–95.

Филиппов А. [Ф.]. Полицейское государство и всеобщее благо : К истории одной идеологии. Статья первая / А. [Ф.]. Филиппов // Отеч. зап. 2012. № 2 (47). С. 328–340.

Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. / А. С. Черкасова. М., 1985. 247 с.

Черкасова А. С. Социально-экономические связи горнозаводских центров и деревень Урала в середине XVIII в. / А. С. Черкасова // Деревня

и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск, 1986. С. 23–29.

Шарф К. Пугачев: император между периферией и центром / К. Шарф // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 99–112.

Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке / Е. Н. Швейковская. М., 1997. 283 с.

Шаишев А. Т. Начало присоединения Сибири / А. Т. Шаишев // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье / отв. ред. А. Т. Шаишев. Екатеринбург, 2000. С. 8–51.

Шаишев А. Т. Население Самаровской ямской слободы в начале XVI–II в. / А. Т. Шаишев // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница : в 2 ч. / отв. ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2006. Ч. 1. С. 83–137.

Шаишев А. Т. Самаровский ям и его жители в XVII в. / А. Т. Шаишев // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее / отв. ред. Т. А. Исаева. Сургут, 2004. С. 65–89.

Швейковская Е. Н. Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке / Е. Н. Швейковская. М., 1997. 283 с.

Шмидт С. О. Многотомное исследование академика М. М. Богословского «Петр Великий: Материалы для биографии» / С. О. Шмидт // Богословский М. М. Петр Великий : Материалы для биографии : в 6 т. М., 2005. Т. 1. С. 414–431.

Шоню П. Цивилизация классической Европы / П. Шоню / пер. с фр. и послесл. В. Бабинцева. Екатеринбург, 2004. 608 с.

Avrich P. Russian Rebels 1600–1800 / P. Avrich. NY, 1972. 308 p.

Black J. Eighteenth Century Europe. 1700–1789 / J. Black. L., 1990. 594 p.

Davis B. Politics Give and Take: Kormlenie as Service Remuneration and Generalized Exchange, 1488–1726 // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / ed. by A. Kleimola, G. Lenhoff. UCLA. Slavic Studies. New Series. M., 1997. P. 39–67.

Fisher R. The Voyage of Semen Dezhnev in 1648: Bering's Presuorsor : With selected documents / R. Fisher. L., 1981. 340 p.

Peters D. Politische und Gesellschaftliche Vorstellungen in der Hufstandsbewegung unter Pugacev (1773–1775) / D. Peters. Wiesbaden, 1973. 364 s.

Peterson C. Peter the Great's Administrative and Judicial Reforms : Swedish Antecedents and the Process of Reception / C. Peterson. Stockholm, 1979. 448 p.

Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800 / M. Raeff. N. Haven, 1983. 281 p.

Small A. W. The Cameralists : The Pioneers of German Social Polity / A. W. Small. Kitchener, Ontario, 2001. 544 p.

Weakfield A. The Disordered Police State / A. Weakfield. Chicago, 2009. 240 p.

Сокращения

ГАСО — Государственный архив Свердловской области (Екатеринбург)

ГАПК — Государственный архив Пермского края

ГАТО — Государственный архив Тюменской области

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным
Археографическою комиссиею

НИА СПбИИ РАН — Научно-исторический архив Санкт-Петербург-
ского института истории Российской академии наук

ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
(Санкт-Петербург)

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
(Москва)

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

РИБ — Русская историческая библиотека

Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества

Научное издание

Д. А. Редин

ЭТЮДЫ
ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ
НОВОГО ВРЕМЕНИ
(административный и социальный аспекты)

Редактор *Е. В. Березина*

Корректор *Е. В. Березина*

Компьютерная верстка *В. К. Матвеев*

Подписано в печать 21.03.2019. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 15,9. Уч.-изд. л. 14,8.

Гарнитура Arno Pro.

Бумага офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 112.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20

Факс: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

<http://print.urfu.ru>

Для заметок

Для заметок

ISBN 978-5-7996-2566-5

